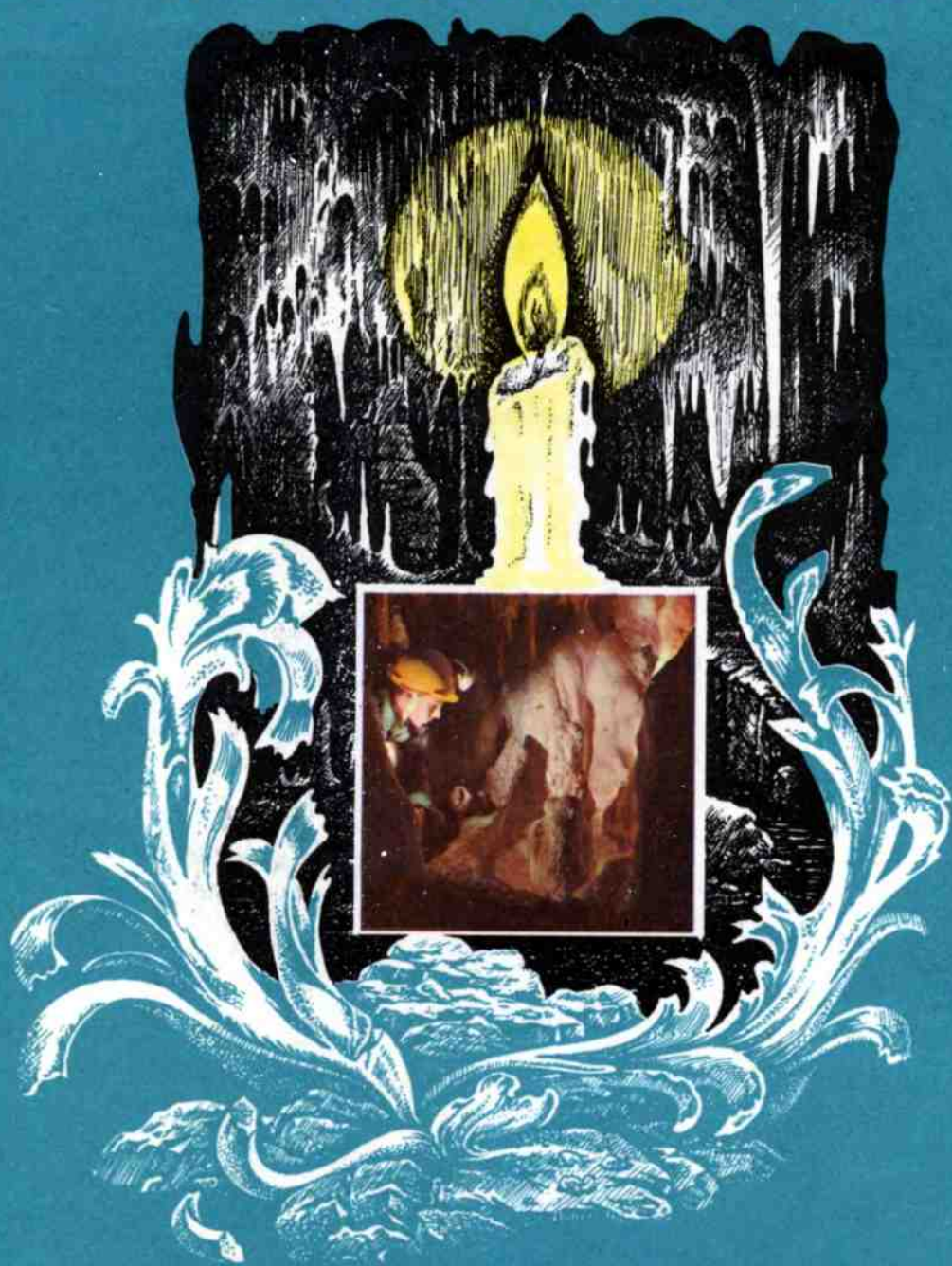

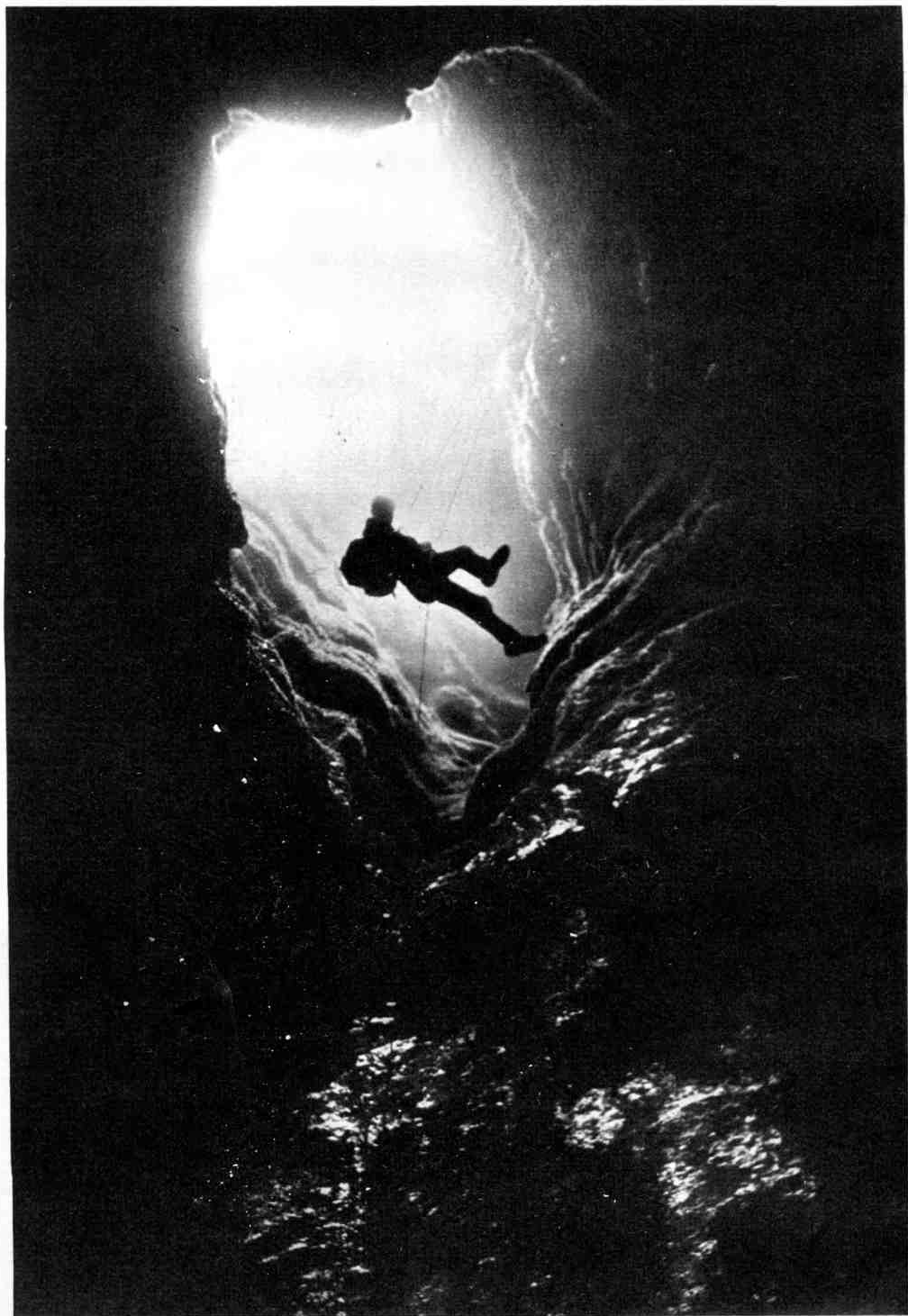
В. ТАНАСИЙЧУК

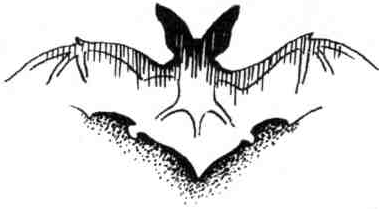
ПОД ЗЕМЛЕЙ С ФОТОАППАРАТОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1974

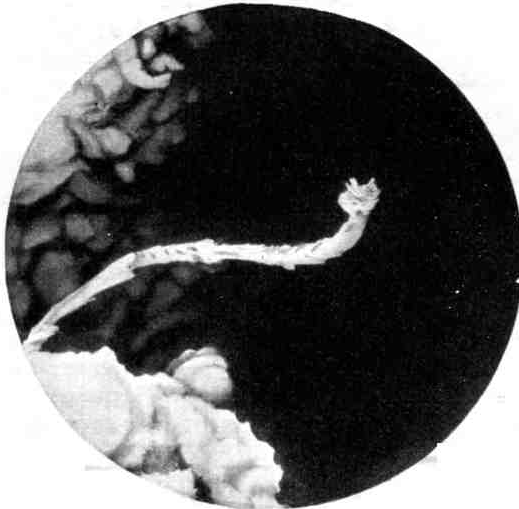

В. ТАНАСИЙЧУК

ПОД ЗЕМЛЕЙ С ФОТОАППАРАТОМ

РАССКАЗЫ СПЕЛЕОЛОГА

Оформление Б. Лаврова
Фотоиллюстрации автора,
М. Аронова, В. Илюхина.

Часть фотоиллюстраций воспроизведена из книги Чарлза Мора и Томаса Полсона «Жизнь пещеры», Нью-Йорк, 1966.

Сырое, холодное, совсем не крымское утро. Нет ни неба, ни горизонта, и даже крайние палатки маленького лагеря скрыты млядленно текущим туманом. Флаг над штабной палаткой кажется серебристым от мельчайших капель воды, а изображенная на нем летучая мышь как будто зябко нахохлилась.

За длинным дощатым столом, грея руки о миски с кашей, завтракают люди, одетые тепло и пестро: на них испачканные глиной яркие свитера, рваные комбинезоны, лыжные шапки, шахтерские каски. Разговор идет деловой — о батарейках, лестницах, карабинах, о том, куда пойдут штурмовые группы и куда — разведочные. Я с интересом прислушиваюсь: все это мне внове. Только вчера я поднялся сюда, на Караби-Яйлу, и отыскал лагерь исследователей пещер, где ждал меня мой друг, московский биолог Марлен. Мы с ним уже не раз путешествовали по Крыму, год назад он водил меня в Скельскую пещеру, а в этом году предложил участвовать в настоящей

исследовательской спелеологической экспедиции.

Сейчас Марлен сидит рядом и рассказывает другому москвичу, Юре Колесникову, о какой-то очень грязной пещере, найденной на днях, в которую им еще предстоит спускаться.

Напротив нас человек лет тридцати пяти, в потрепанной штормовке и черном берете, чуть-чуть заикаясь, пробирает какого-то паренька.

— А если ты шею свернешь, что я твоим родителям скажу? За такие фокусы никуда сегодня не пойдешь, будешь чинить лестницы!

— Виктор Николаевич, я лучше завтра останусь, ведь сегодня в Крубера идут! В такую пещеру да не попасть!

Марлен спрашивает, в чем дело. Еще не остывший Виктор Николаевич объясняет:

— Занимался скалолазанием без страховки. Напарника, видите ли, не нашел. Еще раз кто-нибудь такое устроит — выгоню!

Его слова явно адресованы группе ребят, сидящих у конца стола.

— Это симферопольские школьники, — объясняет мне Марлен. — По пещерам ходят по нескольку лет, у некоторых разряды по альпинизму, но с дисциплиной, как видишь, не всегда в ладу.

— А что здесь вообще за народ?

— Ну, прежде всего это шахтный отряд карстовой экспедиции Украинской Академии наук — трое геологов и человек десять крымских спелеологов, которые числятся рабочими. На базе экспедиции работает слет инструкторов по спелеотуризму — это еще тридцать человек из самых разных мест. Крымчане, сибиряки, моя московская группа. Еще успеешь перезнакомиться. Начальник экспедиции и слета Виктор Николаевич Дублянский. Он геолог, карстовед и очень опытный спелеолог. О тебе я ему говорил, можешь у нас побыть. Ты энтомолог и фотограф — эти специальности под землей пригодятся. Кстати о Крубера — сегодня я веду туда ребят, советую присоединиться. Поучись подземной съемке.

Что же, Крубера так Крубера.

Группа собирается около палатки со снаряжением. Ребята проверяют фонарики, кладут свечи в объемистые карманы комбинезона. Взваливают на плечи стальные рамы от станковых рюкзаков — мешок снят, остались ремни да металлический каркас, на котором очень удобно крепятся связки тросовых лестниц. Кому нести самую тяжелую — невероятной длины, с деревянными ступеньками, — разыгрывают по морскому счету. Кто-то ищет шлем, кто-то прилаживает грудную обвязку. Марлен раздает карабины.

Когда мы вышли, августовское солнце уже разогнало туман, и вокруг открылась Караби-Яйла — одно из самых удивительных мест в Крыму.

Серо-зеленая равнина походила

на лунный пейзаж или на поле грандиозной битвы; она была покрыта бесконечным количеством воронок, океаном воронок — крутых и пологих, маленьких и больших. Кое-где по их краю росли деревья, склоны видневшейся вдали горы были покрыты лесом. Мы шли то зигзагами, обходя воронки, то напрямик, опускаясь в них, — тогда горизонт подходил вплотную. Ботинки стучали по неровным грядам светло-серого, изъеденного водой известняка.

Вход в пещеру Крубера оказался гигантским провалом на краю невысокого бугра. Изнутри веяло влажной прохладой, стены пропасти были покрыты травой и мхом.

Ребята быстро и сноровисто крепят капроновые оттяжки, зацепляют карабином торчащий из связки конец лестницы. Удар ногой — звеня и разворачиваясь, лестница летит вниз. Два стальных троса, ступеньки из алюминиевых трубок — с виду легкая паутинка, а выдержит две тонны. Кто-то уже спускается по ней. Марлен помогает мне надеть альпинистский пояс с ляжками и защелкивает на нем карабин со страховочной веревкой.

— Готов?

— Готов.

— Удачи!

И в первый раз в жизни я начинаю спускаться по тросовой лестнице. Страх нет — я знаю, что если сорвусь, то не упаду, а буду болтаться в воздухе, пока снова не поймаю ступеньку. Но вот как лезть по этой проклятой лестнице? Сперва ступеньки плотно прижаты к скале, так что с трудом просовываю под них пальцы. Дальше еще хуже — лестница отходит от скалы, я повисаю в воздухе, вся тяжесть тела переходит на руки, ноги уходят куда-то в сторону. Болтаюсь, изогнувшись, как перевернутый вопросительный знак. Сверху, посмеиваясь, дают советы; я вспоминаю все, чему меня учил Марлен, и с трудом выпрям-

ляю тело. Обнимаю лестницу руками, прижав ее к себе: левая рука держит ступеньку справа, правая — слева. Теперь ноги. Одна нога должна становиться на ступеньку носком, другая — с другой стороны, каблук — ботинка. Сложно? Зато надежно, и главную работу выполняют ноги. Я спускаюсь, будто в гигантском кувшине — чем ниже, тем шире провал. Навстречу мне тянется дно — косяя рыхлая осыпь. Внизу отстегиваю страховку — она длинной змеей скользит вверх. Мускулы болят от непривычной нагрузки, отхожу в сторону, чтобы не задела падающие камни, и сажусь. Снизу колодец выглядит еще внушительней, чем сверху. Как-никак тридцать восемь метров — высота десятиэтажного дома.

Собравшись внизу, зажигаем фонари и свечи. В две стороны — на юг и на север — открываются входы двух галерей. Выбираем южную.

За высокой аркой первые минуты почти ничего не видно, глаза еще не привыкли к темноте. Под ногами мягкая, рыхлая почва, из нее торчат камни. Острый, как в зоопарке, запах. То и дело луч фонарика выхватывает голубиные гнезда — они и на уступах стены, и прямо на земле. Слепленные птицы смотрят на нас, не двигаясь с места.

Крутой спуск ведет вниз, мимо огромных глыб. Зал неширок, зато высок, и потолок его теряется во тьме. Только когда несколько фонариков светят в одно место, можно рассмотреть своды, пересеченные трещинами. Это — обвальный зал; когда-то, во время сильных землетрясений, скальные глыбы рушились здесь со сводов. Самая большая лежит поперек зала, как огромная, полузасыпанная землей ступень. Длина ее — пятнадцать метров, высота — десять.

Стены подперты гигантскими пилястрами, похожими на статуи чудовищных богов. Скользящий свет фо-

нариков обрисовывает раскрытые пасти, глазницы, надбровные дуги, перепутанные как в кошмарном сне. Еще десяток метров вниз — и перед нами высокая и гладкая стена, а в ней еще одна арка. Уклон кончился, пол становится ровным и короткий коридор выводит нас в новый зал. Он похож на выставку старинного оружия. Как рыцарские копья, уходят ввысь тонкие извитые колонны, потолок оцетинился шпагами и стрелами сталактитов, ребра занавесей подобны лезвиям мечей. Все это покрыто тончайшей, причудливой резьбой, все переливается и сверкает. А краски! Здесь все оттенки белого — от снежной голубизны до теплых розоватых тонов: их сменяют лимонно-желтые, кремновые, оранжевые...

Но стоит световому пятну уйти в сторону — и все становится темным и серым, детали исчезают, розовый свет нескольких свечей только подчеркивает темноту.

Я вспомнил, что глубоко под водой все животные и растения тоже кажутся однотонными, и лишь когда свет яркого фонаря вырывает их из сине-серой пелены, люди видят ярчайшую окраску кораллов, актиний, рыб и морских ежей.

Стоило мне подумать об этом, как все залил свет — яркий, как молния, и такой же мгновенный. На несколько секунд на сетчатке глаза застыли уходящие вверх светлые колонны и черные силуэты моих спутников. Это Марлен начал фотографировать. Аппарат на штативе был наведен на извитую колонну, около которой стоял парень в шахтерском шлеме и делал вид, что вглядывается в даль. Марлен одной рукой нажимал на тросик аппарата, в другой держал рефлектор вспышки и время от времени нажимал на контакт. До колонны было метров семь, и чтобы как следует осветить ее и парня, нужно было сделать не одну вспышку. «Натурщик» безропотно

стоял, но при каждой новой вспышке было видно, что поза его чуть-чуть меняется. Марлен чертыхнулся и отпустил тросик. Затвор закрылся.

— Всякий раз так. Человек не может простоять пять минут не двигаясь, тем более в темноте. А без людей теряется масштаб и пещера кажется безжизненной.

— А если одновременно освещать несколькими вспышками из разных мест?

— Это, конечно, лучше, но не всегда можно тащить лишнюю тяжесть на глубину.

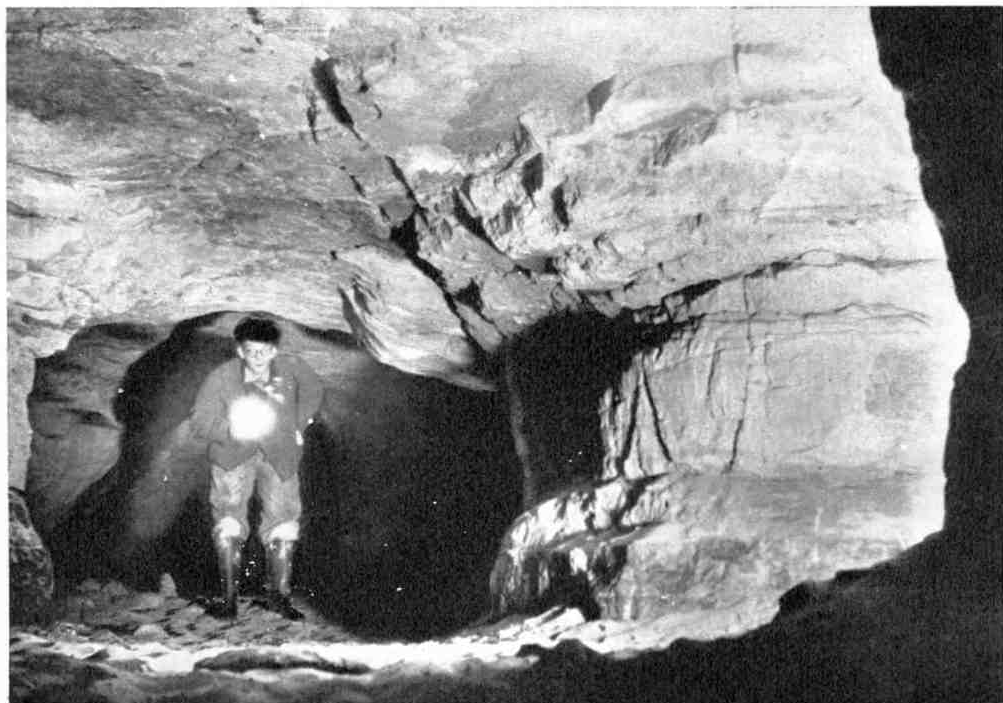
Тем временем ребята рассыпаются по залу. Кто-то пытается подняться по наклонной стене, кто-то обшаривает короткие боковые ходы.

— Смотрите, жемчуг!

Подходим. На первый взгляд кажется, что покатая горка, по которой струится вода, вся покрыта ма-

ленькими плоскими террасами. Приглядевшись, я вижу, что это заполненные водой ванночки с узкими и извилистыми гребешками берегов, и вода, переливаясь через край одной ванночки, течет в другую, третью, четвертую.

В мягко поблескивающих озерах лежат круглые камешки размером то в мелкую дробинку, то в горошину, то в лесной орех. Набираю с десяток — одни блестят, как полированные, другие тусклы и шероховаты — и сыпаю их обратно, в прозрачную, почти незаметную воду. В лагере введен жесткий закон: после нашего посещения пещера должна остаться нетронутой, такой же, какой она была десятки и сотни тысяч лет. Я без сожаления оставляю этот жемчуг — пусть любуются им те, кто будет приходить сюда после нас.

Мой первый пещерный снимок, сделанный в Саблинской пещере при свете магниевой смеси.

Пещерный жемчуг порой очень похож на настоящий, который находят в раковинах, и состоит он из того же самого минерала — кальцита. Если распилить пещерную жемчужину, то в ней, как в настоящей, будут видны концентрические слои. Но, конечно, их все-таки трудно сравнивать. Небольшая примесь органических веществ дает настоящему жемчугу прозрачный опаловый блеск, а пещерный жемчуг если и блестит, то разве что как фарфор. Ни один ювелир не даст за него ни гроша, но разве это уменьшит его красоту в глазах спелеолога?

Южная часть пещеры пройдена. Возвращаемся к выходу и отыскиваем вход в северную галерею. Он скрыт в косой, очень неудобной щели, куда нужно нырять головой вниз. Просторные залы оказались украшенными еще богаче, чем тот, из которого мы вернулись. Всюду фигурные натёки, колонны, часовенки, задрапированные каменными кружевами. А на небольшой открытой площадке, у крутой горки стоял знаменитый Гном, хозяин пещеры, о котором мы так много слышали. Наклонившись, он глядел на нас, прислушиваясь к мерным ударам капель. А дальше, в самом конце пещеры, мы нашли маленькое озерцо с прозрачной, словно воздух, водой — ее можно заметить, только поставив на бортик озера свечку. Тогда в воде отразится и огонек, и похожие на кораллы круглые сталактиты, и конусовидная колонна, подпирающая свод.

Марлен готовит вспышку и аппарат.

— Хочешь увидеть интересную вещь? Потуши свет и закрой глаза.

Медленно привыкаю к темноте. Затем сквозь веки чувствую ослепительное сияние вспышки. Открываю глаза и вижу, что волнистый край каменной занавески светится

ярким, медленно гаснущим зеленым светом. Еще один сверкающий всплеск — теперь холодным огнем загорелась узкая извитая колонна, прильнувшая к стене.

Марлен посмеивается, довольный моим изумлением:

— Это самая обыкновенная люминесценция. Кальцит, минерал, которым сложены все эти натёки, светится после облучения вспышкой. Не правда ли, здорово?

Это было не просто здорово. Это было похоже на волшебство. И я закрывал глаза и нажимал, нажимал, нажимал на кнопку вспышки, чтобы снова и снова любоваться трепетным, фосфорическим мерцанием гаснущего зеленого света.

Поскрипывает лестница, один за другим выходят наверх ребята. Мы с Марленом поднимаемся последними.

— Марлен, кто такой Крубер?

— Александр Александрович Крубер — геолог и карствед, в начале нашего века он исследовал карст Караби. Ходил по пещерам без фонаря, со свечами, порой в одиночку, на веревках спускался в шахты, а потом написал книгу о крымском карсте. Эта пещера — одна из самых красивых на Караби; когда ее открыли пять лет назад, в пятьдесят восьмом, то назвали в честь Крубера.

Моя очередь. Звенят ступеньки, все дальше уходит дно провала, и все теплее становится вокруг — как будто медленно входишь в теплую воду. Но идти все труднее — сказывается отсутствие тренировок. Ноги тяжелеют, их невозможно оторвать от ступенек. Подтягиваюсь на руках — через несколько шагов немеют и они. Страховочная веревка натягивается.

Наверху поняли, в чем дело. Слышится короткая команда «раз-два» — и меня выдергивают из провала, как пробку из бутылки.

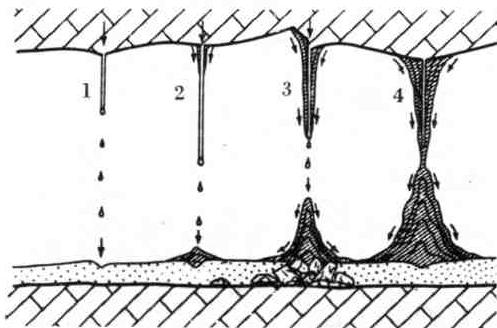
Как возникли пещеры?

На свете очень много самых различных пещер, и возникали они тоже по-разному. Есть пещеры, созданные морским прибоем и выветриванием; самая знаменитая из них — мрачный и величественный Грот Фингала — находится на шотландском острове Стаффа. Бывают пещеры в потоках застывшей лавы.

А есть искусственные пещеры, созданные человеком, выбитые в камне или твердом грунте. В нашей стране, в Крыму и на Кавказе, сохранились даже пещерные города. В Польше, в Величке около Кракова, есть огромные пещеры, образовавшиеся при добыче каменной соли; они украшены статуями и барельефами, сделанными из огромных глыб соли.

Однако большинство пещер возникло в результате карстовых процессов, то есть процессов растворения и переотложения горных пород.

Слово «карст» происходит от названия известнякового плоскогорья Карст [Крас] в Динарских горах в Югославии. Чаще всего карстовые явления возникают именно в известняках. Карбонат кальция, из которого состоит известняк, в дистиллированной во-

1 — вода, капающая со сводов, выделяет кальцит, образуя трубку. Падающие с нее капли выбивают ямку в глинистом дне пещеры;

2 — основание трубки становится толще, а ямка под ней заполняется кальцитом;

3 — трубка с утолщенными стенками превращается в массивный сталактит, под ним возникает сталагмит;

4 — сталактит и сталагмит срастаются в колонну, называемую сталагнатом.

де практически нерастворим, но в дождевой или речной воде он все-таки растворяется. Правда, на глаз заметить этот процесс невозможно, так медленно он протекает. Значительно быстрее он идет, если поместить известняк в воду, насыщенную углекислотой, то есть, попросту говоря, в обычную газированную воду. Почему! Оказывается, скорость растворения известняка зависит от количества углекислого газа, содержащегося в воде. Более того, известняк не просто растворяется в воде, как тает в ней сахар или соль; все происходит гораздо сложнее. Содержащая углекислоту вода вступает в химическую реакцию с известняком, и в результате возникает новое вещество — бикарбонат кальция, гораздо сильнее растворяющийся в воде. Дождевая вода, падая на известняки, растворяет камень, образуя карры — борозды, желобки, ложбинки, часто покрытые острыми, как зубья, выступами. По сети мельчайших трещин вода проникает в глубь скалы, и в толще скального массива возникает система водотоков. В конце концов вода выходит наружу в виде источника, но по дороге она все сильнее и сильнее размывает и растворяет стены водотоков, образуя пустоты. Если уровень грунтовых вод затем понижается, вода покидает галереи, уходит в глубь массива, создает новые этажи пещеры.

Горизонтальные участки водотоков превращаются в залы, а вертикальные каналы становятся карстовыми колодцами, естественными шахтами. Нередко эти колодцы начинаются на поверхности, где возникает характерная карстовая воронка с ведущим в глубину отверстием — понором.

Однако вода не только разрушает скалу. Когда она стекает со стен пещеры или капает со сводов, какая-то часть содержащегося в ней бикарбоната снова переходит в нерастворимый карбонат кальция, образуя натек. Постепенно вырастает многообразное и причудливое убранство пещеры, образуются свисающие со сводов сталактиты и поднимающиеся к ним навстречу сталагмиты. Когда, соединившись, они срастаются, возникают колонны-сталагматы.

Карстовые процессы в известняках протекают очень медленно. О их темпе можно судить по скорости нарастания натек, ко-

тору можно измерить. В пещере, расположенной в крохотном княжестве Монако, десятилетиями велись промеры нескольких сталактитов. Оказалось, что они нарастают по четыре десятых миллиметра в год, за сто лет увеличиваясь на четыре сантиметра!

Значит, человек, разбивший «сосульку» метровой длины, уничтожил то, что природа создавала по крайней мере две с половиной тысячи лет.

Карстовые явления могут происходить не только в известняках, но и в гипсах, каменной соли и даже во льду.

Гипс и тем более соль растворяются в воде быстрее, чем известняк. Поэтому и карст в них тоже образуется скорее.

Гипсовых пещер в СССР много, среди них крупнейшие пещеры нашей страны. По облику они сильно отличаются от кальцитовых: здесь нет округлых, влажно поблескивающих натеков, плавно изгибающихся занавесей. Гипсовые пещеры юга — это царство кристаллов, их стены искрятся и блестят бесчисленными гранями, и если есть в них сталактиты, то они напоминают гигантские друзья горного хрусталя. Гипсовые пещеры севера даже в самое жаркое лето украшены ледяными сталактитами и сталагмитами.

Пещеры в каменной соли возникают в огромных массивах этого минерала, так называемых соляных куполах. По своей красоте соляные пещеры не уступают ни кальцитовым, ни гипсовым. Одна из самых известных соляных пещер нашей страны — Тигровая пещера на соляном куполе Ходжа-Мумин в Таджикистане. Она славится тем, что дующий в нее ветер заставляет «петь» соляные сталактиты.

Самые недолговечные карстовые пещеры — это, конечно, ледяные. Они образуются в горных ледниках и по окраинам материковых льдов Антарктиды и островов Северного Ледовитого океана. Их изучают уже не спелеологи, а специалисты по льдам — гляциологи.

●

На следующий день меня включили в одну из поисковых групп — искать новые пещеры. На пять человек — две связки капрона и два-

Скельская пещера. Темнота внизу — не пропасть, а всего лишь тень от скалы.

дцать метров лестницы. Со мной идут симферопольские школьники. Тем, кому исполнилось шестнадцать лет, уже можно спускаться в шахты глубже чем на двадцать метров, и этим они очень гордятся.

Развернутой цепочкой — метрах в пятидесяти друг от друга — шагаем, обшаривая каждое углубление в земле, каждую воронку, а этих воронок сотни и сотни. У иных дно почти гладкое, но нередко в самом низком месте воронки есть понор — ведущее вниз отверстие. Очень часто он забит камнями, иногда это просто трещина в камне, и туда не проникнуть никакими силами, но порой...

— Эге-гей-гей! — кричит один из мальчишек и размахивает руками. — Дыра!

Сбегаемся. Действительно, дыра в земле. Брошенный камень куда-то катится. Обвязываем удачливого искателя веревкой, и он с натугой протискивается внутрь.

Сидим на корточках возле отверстия, только страхующий скучает в стороне. Изнутри неопределенное ворчание. Веревка уходит по сантиметру. Кажется, это тот самый вариант, когда страховку используют для выдергивания застрявшего... Но нет, он вылезает сам.

— Ничего нет. Выклинивается.

Это значит — сужается, переходит в трещины. Отмечаем пещеру на плане и идем дальше.

Следующую «дыру» под краем белой, изъеденной водой и ветром скалы нахожу я. Камень летит вниз довольно резко. По праву первооткрывателя — идти мне. Одалживаю каску, проверяю фонарик, ребята крепят лестницу. Пошел! Узкий, гладкий ствол отвесно уходит вниз. Бьет дрожь от волнения — ведь это первая моя пещера, первая найденная мной, первая, в которой до меня не был еще никто. Десять метров, двенадцать, пятнадцать... Внизу — дно. Мягко спрыгиваю на вязкую глину. Все. Небольшое расширение, трещины, по которым уходит вода. И больше ничего... Никаких намеков на продолжение, никаких ответвлений. Делаю в блокноте набросок и выхожу наверх.

Пора возвращаться к лагерю. По дороге нагоняем другую поисковую группу. Ребята злы, от одного из них пахнет тухлятиной. Тридцатиметровая шахта, в которую он спускался, была завалена дохлым скотом.

— Интересно, какие идиоты это придумали — сбрасывать падаль в пещеру? Ведь вода, стекающая туда, в конце концов выходит речкой около курорта!

Вечером у костра Дублянский

рассказал нам о прошлогодней экспедиции в Тернопольской области. Однажды спелеологи остановились в селе, где в самом центре, под небольшим каменным крестом был из-под земли источник явно карстового происхождения. Он считался «святым», и верующие издалика приезжали испить его водицы.

Разыскивая пещеры в окрестности села, группа Дублянского набрела на глубокую карстовую воронку, в которой был устроен скотомогильник. Сбоку в нее впадал ручей. У Дублянского появились кое-какие подозрения... В ручей подсыпали флюоресцин — вещество, ничтожные количества которого окрашивают воду в красивый, переливающийся зеленый цвет. К изумлению сельчан, через несколько часов их «святой» источник внезапно стал зеленым. В результате свалка падали была сразу же перенесена на

Под землей можно увидеть просторные сводчатые залы.

Иногда приходится пробираться сквозь каменные заросли.

другое место, воронка очищена, а вера в святость воды изрядно пошатнулась.

Постепенно я перезнакомился со всеми обитателями палаточного лагеря, чем-то напоминавшего запорожский курень, а чем-то военное училище. Свердловчане славились огромными, клепанными из жести, шлемами; ребята из Харькова восполняли неопытность энтузиазмом и неутомимостью; опыта же, бесспорно, больше всего было у симферопольцев, севастопольцев, ялтинцев. Пещеры они чуть пренебрежительно называли «дырами» и редко говорили «сталактиты» и «сталагмиты», употребляя суховатое слово «натёки». Но, разговорившись, они так образно описывали эти самые натёки, так вдохновенно вспоминали грозную красоту подземелий, что казалось, будто вот-вот они начнут говорить стихами.

Каждый день в «пещерном университете» на Караби шли занятия. Техника штурма карстовых полостей, методы археологического обследования пещер, поиск, топосъемка... Здесь не ставились оценки и не велись классные журналы, но отстающих не было.

В теплое солнечное утро наша поисковая группа пошла на северо-западные склоны Яйлы.

Здесь были вездесущие школьники-симферопольцы, инструктор Вадим Душевский и только вчера пришедшая в лагерь москвичка, худенькая женщина лет сорока в великолепном мотоциклетном шлеме — предмете зависти всех окружающих.

Блуждая по зарослям терновника и держидерева, мы только к полудню нашли первую пещеру. Это был горизонтальный грот в верхней части обрыва; просто навес, под ко-

торым в непогоду пастухи укрывают скот, и земля в нем была усыпана толстым слоем овечьего помета. В глубине над самой землей виднелась узкая щель. Искать тут было нечего, мы набросали план грота и уселись в тени у края обрыва. Но москвичка не стала отдыхать — она присматривалась к чему-то в глубине, потом притащила кусок доски, встала на колени и быстро-быстро начала выгребать землю из щели. Сначала ребята только смотрели и отпускали шуточки, но потом один, второй, третий включились в работу. Наконец, в щель хоть с трудом, но мог уже пролезть человек. Москвичка исчезла в глубине, и через секунду донесся торжествующий крик: «Здесь натеки!» Грот опустел в несколько секунд; ребята, как ящерицы, проскальзывали в щель. Я остался последним.

Щель была не шире двадцати сантиметров, земля казалась рыхлой. Стало страшно от мысли, что я могу застрять здесь. А если залезу внутрь и земля рухнет — все останемся в ловушке. Я понимал, что все это чепуха, что никакой опасности нет, и как ни низок выход, но он абсолютно надежен. Но в то же время на плечах почти физически ощущалась тяжесть, я чувствовал, как тысячи тонн камня давят мне на спину. Меня знобило, было отчаянно стыдно за свою трусость, стыдно перед товарищами, работавшими внутри. Я уже побывал не в одной пещере, спускался в шахты и не боялся. Чего бояться, когда ты идешь на надежной страховке? Не казались страшными и пещерные колодцы — их темнота маскировала глубину. Но эта щель...

Из-под земли высунулась чья-то голова, со щеками, измазанными глиной. Это был Вадим. Он сразу все понял.

— Трусись? Плюнь! В первый раз всегда так бывает!

Я тиснулся внутрь, толкая перед

собой сумку с аппаратом и вспышкой. Мысли переключились на то, как половчее пройти эту щель, и страх постепенно ушел от меня.

В такой пещере я еще не бывал. Высотой она была не больше метра, и двигаться приходилось ползком или на четвереньках. Дно было мокрое и грязное. Вдобавок тут жила лиса, и на ее «визитные карточки» мы натывались то и дело.

Натеки были небогаты и некрасивы — грязно-коричневые приземистые столбики, ребристые занавеси. Я собрал в пробирку сидевших на стенках мух, сделал несколько снимков. Ребята кончали топосъемку, на планшете вырисовывалась довольно простая в плане пещера метров девяносто глубиной. Старательно огибая лисьи уборные, я пополз к выходу и почувствовал под коленкой что-то хрупкое.

В луче фонарика белел человеческий череп. Неподалеку лежал второй.

Через минуту в этом коридоре сбилась вся группа. Все ползали по полу, вглядываясь в покрывавшую его толстую корку кальцита и грязи. Кто-то нашел третий череп — детский. Ни один скелет не сохранился целиком — кости лежали порознь, наверно, когда-то их растащили звери, и были как бы утоплены в кальцит, его тонкая корка покрывала их, как глазурь. Двое взрослых, ребенок и обломки аккуратных, сделанных на гончарном круге сосудов из желтой глины.

Жить здесь людям было невозможно, в таком неуютном месте они могли только прятаться от врагов. В сосудах — они относились к средневековью — наверно, была вода и пища. Может быть, враги завалили вход? Или, разведя костер, удушили беглецов дымом? А может быть, эти люди сами предпочли смерть... Чему? Рабству?

Пещеры были непохожи одна на другую, у каждой — свое лицо.

Тишину пещер нарушает только звук падающих капель.

Большой Бузулук — глубокий «карман» в плоскогорье — почти до самого конца освещен солнечным светом, его отблески играли на огромной ледяной колонне. Отвесные колодцы шахты Гвоздецкого, похожие на вставший дыбом коридор, были наполнены мрачной тишиной. Десять часов провел я там на маленьком уступе у сотого метра глу-

бины, страхуя штурмовую группу; очень холодные десять часов. А зал Шахты Мира похож на светлый дворец, и во дворец этот нужно было лезть сбоку, из маленькой «часовенки» на стене.

Под этим залом на глубине 135 метров есть другой — еще больше. Только однажды, три года назад, в нем были люди.

Запомнилась мне еще одна пещера. Ее открыли накануне дня рождения Дублянского, и ребята решили «подарить» ее Виктору Николаевичу, назвав его именем.

Было хмурое туманное утро, когда мы отправились к ней. Накануне к вечеру поисковая группа закрепила там лестницу и развела близкую часть пещеры.

Пологий край воронки плавно сбегал к узкому и длинному провалу. Я заглянул вниз. Шахта была двухэтажной — метрах в тридцати внизу ее перекрывала громадная пробка из скал и земли, на которой росла трава и даже торчало деревце; рядом чернела щель. Кто-то уже возился там, налаживая промежуточную страховку.

Спуск был несложен. Правда, лестница не доходила до самого дна, и спускавшийся передо мной Колесников последние метры шел по стенке. Я предпочел слезть ему на плечи.

Включаю фонарик. Вокруг высокие запыленные скалы. Натёки потускнели и покрылись мертвенно-серым налетом; луч с трудом дотягивался до сводов, покрытых трещинами. Мы были в огромном обвальном зале, почти в четверть километра длиной, но размеры его скрадывались нагромождениями глыб. Чем дальше мы шли, тем выше уходили своды. Сначала где-то в углу, потом все ближе, все звонче застучала капель. Здесь, в глубине зала, натёки становились вычурнее и ярче, наконец скалы раздвинулись — и мы вошли во дворец.

Если бы мрачную и торжественную музыку можно было выразить в камне, она, наверно, выглядела бы именно так. Плавными дугами звивались к высокому потолку волнистые каменные драпировки, из тьмы и камня выступали мощные ступенчатые колонны и свисали с потолка белые, оранжевые, кремовые сталактиты. Мы расставили обрезки

свечей в разных концах зала — он засиял мягким сиянием, как торжественный храм. И посередине, на высоком постаменте, сторожил все эти чудеса лукавый чертик, с огромной головой и кривым носом.

В стороне раздается протяжный, гулкий, звенящий удар. Потом второй, третий. Кто-то из ребят, подобрав обломок сталактита, постукивает им по длинным, складчатым, почти прозрачным занавесям. Постепенно звуки складываются в мелодию — дин-дон-дон-дон-дин-дин-дон-дон — «я не знаю, где встретиться...». Звуки несутся со всех сторон, заполняют зал, гремят и замирают где-то в вышине. Серой тенью вырывается летучая мышь, испуганная шумом и светом.

Из конца зала доносится другая мелодия. Залихватский фокстрот сменяется речью на каком-то восточном языке. Потом молчание, потрескивание и вдруг: «Увага, увага! Говорить Киев!»

На большом и плоском натёке, совсем как на круглом столе, лежит раскрытый чемоданчик. В нем светятся неоновые лампочки, поблескивают циферблаты. Геофизик Юра Баулин подкручивает ручки, сидя на другом натёке, похожем на подушку-пуфик.

— Ну и как?

— Что-то прощупывается.

— Полость?

— Вроде бы. Подожди, сейчас прослушаю на другой волне... Лишь бы электроника не села от влажности.

Снова звучит восточная речь.

— Стамбул, — бросает Юра.

Я уже знаю, что Юра при работе настраивается только на три станции — Стамбул, Бухарест и Киев, дающие три азимута. Таинственный чемоданчик — радиоприемник с точно направленной антенной. Он позволяет «просвечивать» из пещеры соседние пустоты, определяя их по усилению радиосигнала. Так

можно найти пещеры, не имеющие связи с поверхностью, и определить направления водотоков, скрытых от человеческого глаза. Способ надежный, уже проверенный на пещерах, положение которых известно.

Почти весь день провел я здесь, перетаскивая штатив с аппаратом с места на место и отыскивая ракурысы поинтереснее. Сверху приходили все новые и новые люди посмотреть пещеру. Я воспользовался этим, и когда от сырости перестала работать вспышка, москвичи подняли ее наверх и подсушили на солнце, а симферопольцы принесли обратно.

Часа в четыре, проголодавшись, решил выходить. На пути к выходу меня то и дело ослепляли фонарики идущих навстречу харьковчан — осматривать пещеру они ринулись всей группой. Их энтузиазм был похвален, но то, что они не оставили никого на страховке, было совсем не простительно.

Кое-как я зацепился за первую ступеньку. Лестница, дернувшись, смахнула с уступа несколько килограммов земли и камней; минут пять, вжав голову в плечи, я ждал новой порции, потом осторожно полез вверх. Первый участок пути — до земляной пробки — пришлось идти вообще без страховки, но лестница здесь лежала на скале, и я чувствовал себя уверенно. Последующие двадцать восемь метров — на самостраховке; занятие унылое, хотя и полезное. Делается это так: преодолев несколько ступенек лестницы, садишься на очередную верхом и закрепляешься карабином на самой верхней, до которой можно дотянуться. Подъем на метр — снова перестегиваешься.

И вот наконец трава и низкое, бьющее в лицо солнце.

Часа через два первый харьковчанин вылез на земляную пробку, и я предложил ему посидеть там и организовать промежуточную страховку. А поскольку он замерз, я

сбросил вниз охапку хвороста и спички. Я сидел у своего костра, он у своего, мы мирно беседовали, когда из пещеры, чихая и кашляя, выбрался человек и с кулаками набросился на моего собеседника.

Оказалось, что дым от наших костров не поднимался вверх, а засасывался под землю, и там был ад крошечный: густой дым забивал легкие, ел глаза, его пелена сократила видимость до двух-трех метров. На пути у возвращавшихся был колодец — просто чудом никто не упал в него. Бедняги так измучились, что, поднявшись, они не в силах были даже ругаться, только лежали жадно дыша. Я еще раз понял: легкомыслие в пещере может обернуться грозной опасностью.

Настала пора уезжать. В последний раз я выбрался на Тай-Кобу — гору, поднимавшуюся над яйлой на западе. Отсюда была видна вся Караби с ее бесконечным множеством воронок и добрая треть побережья, от мыса Меганом и крутых скал судакской крепости до припавшей к морю глыбы Аю-Дага. Ветер нес облака на юг, я смотрел, как они стекают с отвесных обрывов и медленно тают в горячем воздухе низин. Я лежал и думал — что же дала мне Караби? Новых товарищей? Новые впечатления? Несколько недель отдыха, который был так нужен в этот нелегкий для меня год?

Нет, пожалуй, я получил больше. Я познал то удивительное чувство уверенности, когда спускаешься в пропасть — и не боишься, потому что твою страховку надежно держит товарищ. Я видел, как горели глаза у ребят, говоривших о пещерах, в которых до них не был никто, и разделил их восторг. Я открыл для себя новый мир и понял, что, пока могу ходить по земле и ездить в экспедиции, меня всегда будет тянуть в пещеры.

Альпинизм в темноте

Успех или неудача любой экспедиции нередко решается еще до ее начала; вряд ли она сможет выполнить свою задачу, если будет подготовлена небрежно. Это относится и к спелеологическим экспедициям.

Поэтому подготовка подземной экспедиции начинается за несколько месяцев. Ее участники изучают альпинистскую технику, тренируются в скалолазании и подъемах по лестницам, развивают в себе силу и выносливость. В это время составляются подробные планы штурма пещеры и всех исследовательских работ. От этих планов зависит очень многое, в них нужно предусмотреть все трудности, с которыми встретятся спелеологи.

Одежда спелеолога должна быть теплой, легкой и прочной; обычно поверх теплого

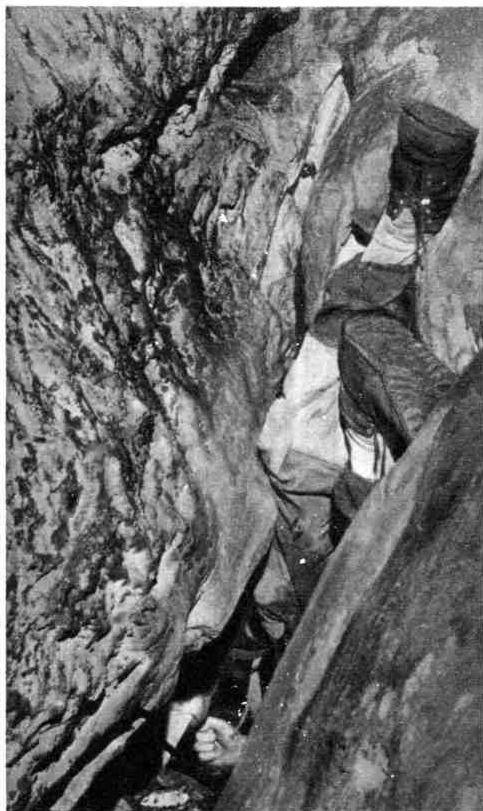
шерстяного белья надевается специальный брезентовый комбинезон. На голове — шерстяная шапочка и каска, на которую часто прикрепляют налобный фонарик. Очень важно брать с собой несколько разных источников света — свечи, для удобства разломленные пополам, фонарики, карбидные лампы. Спички должны быть надежно защищены от воды. Освещение нужно брать в пещеру с большим запасом — идешь на шесть часов, а света захватываешь на двенадцать — восемнадцать.

Еду под землей готовят на примусах или на сухом горючем («сухом» спирте). Костры в пещерах разводить нельзя — их дым оседает на сводах, обезображивая пещеры.

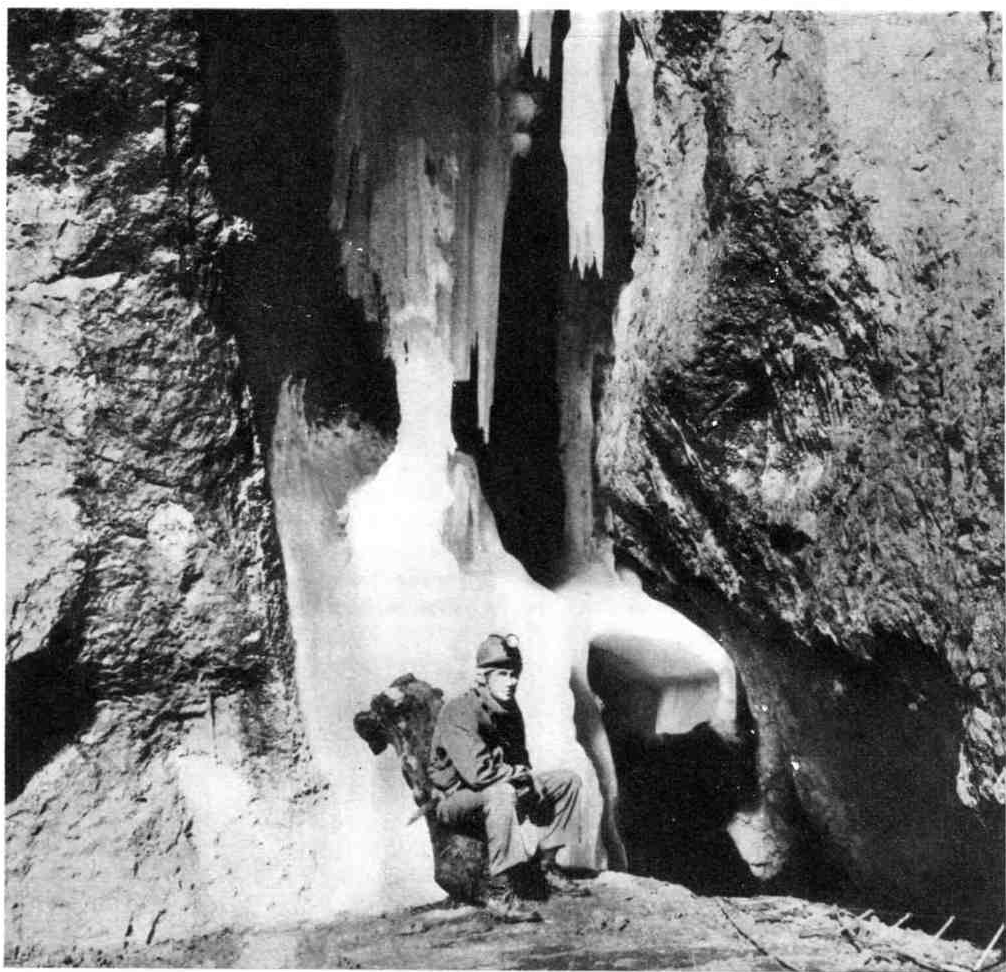
Спелеология во многом близка к альпинизму, и спелеологи применяют альпинистское снаряжение: крючья, карабины, капроновые веревки, металлические «рогатки» для спуска.

Альпинистский карабин не имеет ничего общего с винтовкой. Это прочное стальное кольцо неправильной, почти треугольной формы. С одной стороны у него сделан разъем, чтобы можно было надеть на веревочную петлю или крюк. Карабинами крепят лестницы к оттяжкам, их используют при спуске снаряжения, ими быстро и надежно крепится на грудной обвязке страховочная веревка. Самое важное из специально спелеологического снаряжения — это, конечно, лестницы. Их делают из стальных тросов или капроновых веревок, с перекладинами из дюралюминия. Обычная длина — двадцать или тридцать метров. Если одной лестницы не хватает, к ней карабинами пристегивают следующую. Но делать бесконечную цепочку из лестниц нельзя — на каждые пятьдесят метров глубины они должны быть дополнительно закреплены на крючьях и оттяжках.

При спусках и подъемах, во время работы у края пропасти спелеологи, так же как альпинисты, обязательно пользуются страховочной веревкой. Одним концом она пристегнута к специальной грудной обвязке, а верхний конец, перекинув через плечо или надежный камень, держит другой спелеолог. Когда начинается спуск, он постепенно стравливает страховку, готовый в любой момент удержать сорвавшегося товарища.

Порой приходится передвигаться вот так.

У ледяного колодца в пещере Большой Бузулук.

Нередко спелеологи спускаются не по лестнице, а съезжают по прочной веревке — рапели, конечно, тоже со страховкой.

При исследовании особенно длинных, глубоких и труднодоступных пещер подземные работы могут вестись по нескольким дням, а порой и недель. Тогда в глубине пещеры устраивают базовый лагерь, заносят туда снаряжение и продукты; оставленная в нем штурмовая группа проникает в дальние участки пещеры и исследует их. Лагерь связывают с поверхностью телефонной линией; особенно нужна она при исследовании таких пещер, в которых при ухудшении пого-

ды бывают наводнения. Если сверху сообщают, что начался сильный дождь, а это значит, что может резко подняться уровень воды в пещере, то штурмовая группа выходит на поверхность.

Людям, только понаслышке знакомым со спелеологией, нередко кажется, что это чрезвычайно опасное дело. Однако риск, с которым встречаются исследователи пещер, не следует преувеличивать. Возможность травмы или несчастного случая в хорошо организованной спелеологической экспедиции меньше, чем во время альпинистского восхождения средней трудности. Правила

техники безопасности под землей чётки и строги, а система организации спелеологических секций и клубов предусматривает их строжайшее выполнение. Нарушителей просто выгоняют. Такая строгость необходима, потому что несчастные случаи чаще всего происходят из-за неосмотрительности и легкомыслия находящихся под землей людей. Намного реже бедствия, вызванные непредвиденными, не зависящими от человека причинами.

Опасность заблудиться чаще всего угрожает неопытным людям. Ее очень легко избежать, отмечая свой путь ниткой (возвращаясь, нужно ее собрать!) или бумажными стрелками, направленными острием к выходу. Самый же надежный способ — составить план пещеры и ходить по нему, сверяясь с компасом.

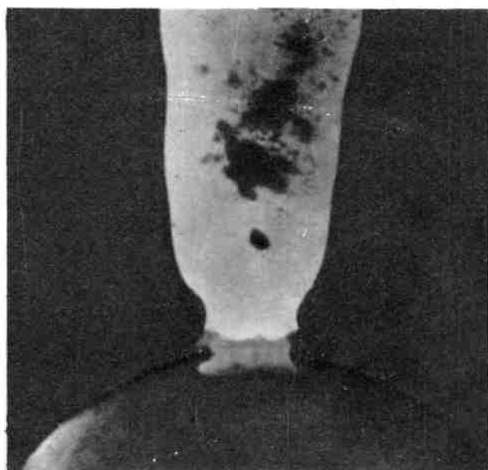
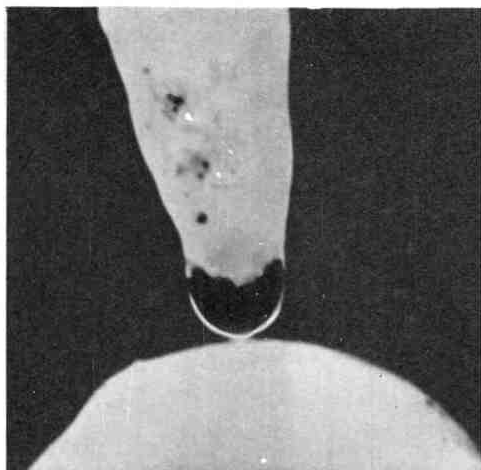
Одна из самых грозных опасностей под землей — нехватка света. Легкомыслие может стоить жизни неосторожным, не

времени они идут. На поверхности, у входа в пещеру, обязательно должен оставаться кто-то из участников экспедиции: в случае необходимости он поднимает тревогу и организует поиски.

Опасны в пещерах обвалы и камнепады, поэтому перед спуском площадку, на которой крепится лестница, тщательно очищают от камней. Если в нижних частях шахты работают люди, для всех, находящихся выше, необходима крайняя осторожность в движениях.

В обводненных пещерах, где одежда нередко промокает насквозь, человеку может грозить переохлаждение. Оно особенно опасно для людей, вынужденных находиться на одном месте, например на страховке. Эту опасность надо предусматривать при планировании экспедиции, и в пещере должны находиться запасные гидрокомбинезоны и теплое белье.

При исследовании узких коридоров не

Это один и тот же сталактит. Снимки сделаны с промежутком в семь лет.

запасимся достаточным количеством света людям.

В некоторых пещерах, в которых ходы не пересекаются, можно выйти, двигаясь все время вдоль одной стены. Но в пещерах лабиринтного типа, как Саблинские или как пещеры в гипсах Подолии, это не поможет. Поэтому, уходя под землю, спелеологи всегда предупреждают, куда и на сколько

исключен риск застрять в проходе. Считается, что наименьшие щели, доступные для опытного спелеолога, имеют ширину 19—22 сантиметра. Если щель, в которую влез человек, в конце концов оказывается непроходимой, то при возвращении можно застрять из-за одежды, закатившейся на плечи. Поэтому перед прохождением узких щелей нередко приходится раздеваться.

САБЛИНСКИЙ ПЕЩЕРНЫЙ ПОЛИГОН

Светлое морозное утро. Солнце еще не пробилось сквозь плотную дымку, и силуэты покрытых инеем деревьев сливаются с небом. День будет солнечный, но мы его не увидим. Мы выйдем из-под земли поздно вечером, под звездами.

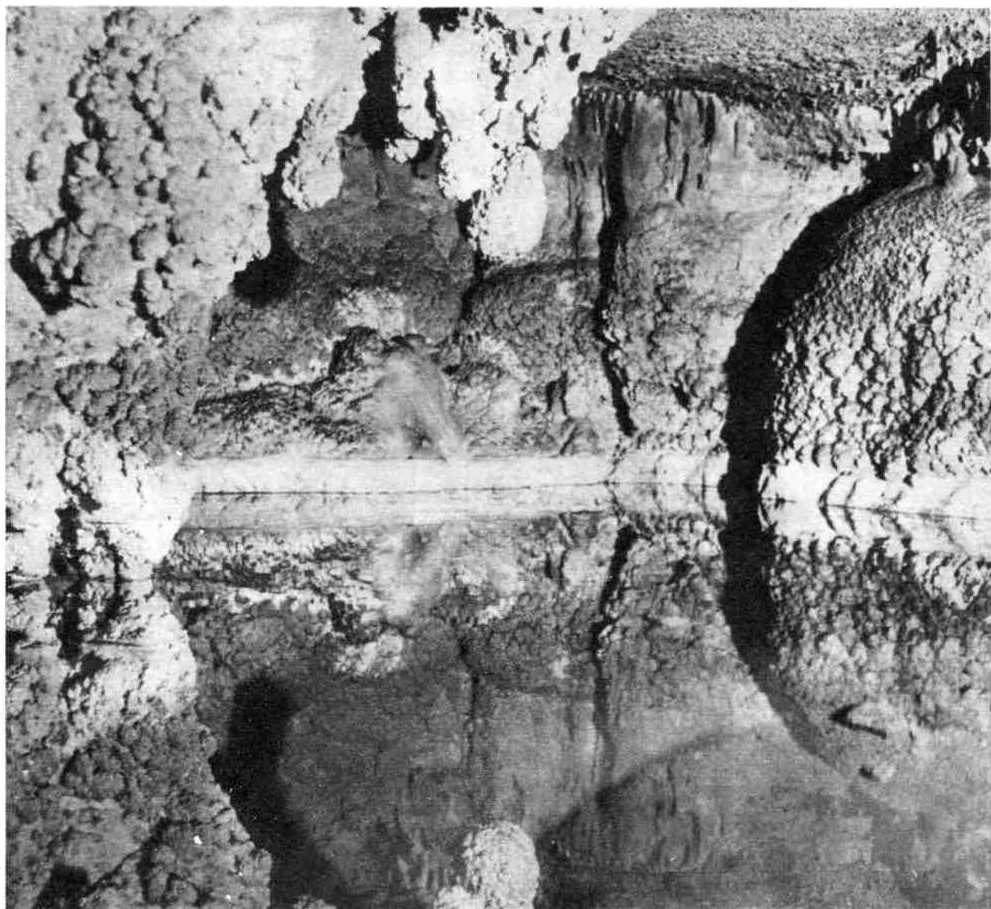
Переодевшись в пещерную одежду, покидаем маленький домик над обрывом. Мороз обливает тело, как холодная вода, и мы спешим, чтобы поскорее попасть в теплую — семь градусов выше нуля! — пещеру. На нас грязные, перемазанные глиной и много раз латанные комбинезоны, порыжевшие от песчаника ботинки, исцарапанные и обитые каски. Встречные лыжники останавливаются, удивленно приглядываясь.

Входы в пещеры прикрыты ледяными решетками и колоннами. Их голубой блеск будит воспоминания о настоящих, кальцитовых и гипсовых пещерах. Но нет таких пещер под Ленинградом, и нам приходится тренироваться в старинных каменоломнях.

В прошлом веке и в начале ны-

нешнего здесь, в Саблине, велись кустарные разработки белого унгулитового песчаника для стекольных заводов. Мы пытались найти в архивах какие-нибудь сведения о пещерах, может быть, их планы, но не обнаружили ничего. В большой, теперь полузатопленной пещере левого берега выработка явно велась по четкой схеме — здесь был широкий главный коридор, от него в стороны отходили штольни. Пещеры правого берега хаотичны и запутанны — многие сотни метров петляющих коридоров перемежаются большими залами с широкими — несколько метров в поперечнике — колоннами-останцами.

Здесь можно увидеть зимующих летучих мышей — как маленькие кожанные сверточки висят они под толчком, и порой в их шерсти блестят мельчайшие капли воды. На стенах можно найти зимующих насекомых — мух, комариков, бабочек, а недалеко от входа сидят тесными кучками бабочки-совки, покрытые белой изморозью. Их глаза светятся как драгоценные камни. Саблинские

Озерцо в пещере, выхваченное из темноты светом вспышки.

пещеры интересны не только для зоологов, но и для геологов, в них можно четко увидеть залегание пород, отложенных силурийским морем.

То, что пещеры сложны, нас не пугает. Именно такие нужны для тренировок в топографической съемке и ориентировании, всем нам необходимо набраться опыта подземной работы. Ведь в нашей секции есть только один хорошо знающий пещеры человек — студент-геолог Гена Пантюхин. Шесть лет подряд он работал в экспедициях Дублянского.

Занятия в пещерах мы начали с

основ топосъемки. Помню, как удивился кто-то из ребят, впервые увидев горный компас.

— Но ведь у него запад на востоке?!

Действительно, и градусы, и страны света расположены там иначе, чем в обычном компасе, зато при топосъемке это очень удобно. Нацелишь боковое ребро компаса в нужном направлении, а магнитная стрелка сама показывает азимут, то есть на сколько градусов это направление отличается от севера.

У входа в пещеру появляется первый пикет. Звучное это название

означает всего лишь кучку камней, в ней бумажка с номером. В том месте, где коридор начинает заворачивать, резко расширяться или еще как-нибудь менять свою форму, ставят второй пикет, а на нем зажигают свечку. С первого пикета делается засечка азимута на огонек, мерной лентой промеряют расстояние между пикетами. Потом ставят третий пикет, на него засекают направление со второго и так далее. Кроме того, конечно, ведут замеры высоты и ширины коридора. На первый взгляд все просто, но попробуйте разглядеть приплясывающую стрелку, нацеливая на огонек грань компаса!

Для удобства мы разбивались на тройки. Один работает с компасом, другой тянет ленту, а третий — белоручка — ведет записи. Белоручка — потому что ему нужно иметь чистые руки, это в пещерах нелегко.

Дома все результаты пересчитывают, переводят на миллиметровку — и возникает план участка пещеры. Для проверки разные тройки вели съемку одних и тех же коридоров. При сравнении планов иногда случались неожиданности. Один и тот же коридор мог быть прямым или извилистым, он сжимался и вытягивался, как дождевой червяк на асфальте, а каждая тройка, споря до

Перед спуском в сифон.

хрипоты, отстаивала свой вариант. В следующее воскресенье работу начинали с первого пикета — и все повторялось снова.

В Саблинских пещерах побывало бесчисленное количество людей. Накопленные на потолках стрелки, фамилии, какие-то знаки, кое-где протянутые нитки — и так до самых дальних закоулков, находящихся в нескольких сотнях метров от входа. Ни на какие открытия здесь мы, конечно, не надеялись — это был просто учебный полигон, где всем нам нужно было набраться опыта и знаний. И все-таки первое наше серьезное открытие было сделано именно здесь, в Саблине.

Не помню, кто из ребят первым проник в тот странный, почти квадратный и очень мокрый зал. После тихих и сухих песчаниковых коридоров здесь было очень неудобно, вода лила отовсюду. В лучах фонарика блестели падающие капли, кое-где они сливались в маленькие ручейки. Плоский и низкий — сразу над головой — потолок покрывали какие-то бугорки. Луч света качнулся и высветил их — это были сталактиты! Маленькие, коротенькие, но настоящие. Каким образом? Ведь этого просто не может быть — пещера-то искусственная, и заложена она в песчанике... С изумлением смотрели мы на изящные белые сосульки, которые возникли, по-видимому, вопреки законам природы.

Я осветил на пол: сталагмитов не было видно. Но в тех местах, где капли падали особенно густо, пол был покрыт блестящей корочкой кальцитового натёка. А в небольшой ямке лежала горсть белых, округлых, матово поблескивающих камешков, и по ним били частые капли. Жемчуг?! Одно из пещерных чудес, редчайшее экзотическое образование — в сорока километрах от Ленинграда? Он поблескивал, и не исчезал, и был более чем реален — матовый пещерный жемчуг.

Топографическая съемка пещеры.

«Да ведь сверху известняк!» — восклицает кто-то. И верно, как могли мы забыть, что над песчаником, перекрытым сланцем, лежит еще и мощный пласт известняка. Из этих мест, с Тосны, его вывозили раньше в Петербург как материал для тротуаров, фундаментов домов, ступенек лестниц.

Все становится на свое место, делается ясным и понятным. Этот зал — действующая модель настоящей кальцитовых пещеры. Талые во-

ды, просачивающиеся сверху, через толщу почвы и ледниковых отложений, омывают слои известняка, проникают в них по трещинам — и часть растворенного кальцита остается на сводах пещеры в виде крошек-сталактитов, а кружащиеся в лунках песчинки обволакиваются кальцитом и превращаются в жемчуг... По-видимому, это был первый в мире пещерный жемчуг, найденный в искусственной пещере.

Но все-таки нас мучили сомне-

ния: да жемчуг ли это? Не могли ли мы по своей геологической серости принять за него простую гальку?

Через месяц наши ребята поехали в Сухуми, на пленум Центральной секции спелеологии. Вскоре я получил от них телеграмму: «Дублянский утвердил жемчуг». Секция ликовала.

Каждый четверг мы собирались на Васильевском острове, в гостеприимном Дворце культуры имени Кирова. Шли занятия. Студенты, молодые рабочие, школьники-старшеклассники сидели за столами и аккуратно конспектировали «доклад» очередного лектора. Лекторами были мы сами: подготовившись по литературе, по очереди рассказывали о пещерной археологии и рождении сталактитов и сталагмитов, о таинственных существах, обитающих в пещерах.

Чтобы занятия были интересны, мы перерывали кучи книг и натыка-

лись порой на замечательные истории. Помню, как взволновала всех нас удивительная и трагическая судьба старого испанца, прозванного Дон-Кихотом из Альтамиры.

Испанский граф дон Марселино де Саутуола, владелец замка Сан-тильяна, увлекался первобытной историей. Увидев на Всемирной выставке в Париже орудия древнего человека, найденные в пещерах Франции, он подумал, что неплохо бы поискать что-нибудь подобное в пещере Альтамира, лежащей в его владениях. Несколько месяцев вел он раскопки и действительно нашел кремневые орудия. Профессор Вильянова, один из крупнейших историков Испании, поздравил его с успехом. Это было в 1879 году.

Однажды дон Марселино взял с собой на раскопки пятилетнюю дочку Марию. Соскучившись, она зажгла свечу и стала играть, залезая в такие закоулки пещеры, в которых

Установка приборов-самописцев.

отец не мог бы и выпрямиться. И вдруг закричала: «Папа, мира, торос, торос!» — «Папа, смотри, быки, быки!» Потрясенный дон Марселино увидел на своде пещеры изображение огромных зубров, убегающих кабанов и целого табуна лошадей. Животные были нарисованы красной и желтой краской на скальных выступах так искусно, что казалось, будто их фигуры выступают из стены.

Рисунки были созданы гениальным художником, и его реалистичная и в то же время своеобразно стилизованная манера, его непривычное для европейцев видение мира не имели аналогий с современным искусством. Так нарисовать зубров и диких лошадей, давно уже исчезнувших в Испании, могли только люди, видевшие их живыми, подолгу наблюдавшие их, охотившиеся за ними. Те самые люди, чьи кремневые орудия дон Марселино нашел рядом, в десятке метров от рисунков. Так произошло открытие удивительного и чудесного искусства людей каменного века.

Несколько месяцев вся Испания говорила об Альтамире. Тысячи людей побывали в пещере. Даже король Альфонс XII пролез в узкий вход, чтобы увидеть своими глазами находку, изумившую его подданных.

А потом случилось неожиданное. В Лисабоне, на съезде специалистов по первобытной истории Саутуоле не поверили. Никто не мог представить, что столь совершенные рисунки могли быть созданы одетыми в шкуры дикарями. Кто-то узнал, что несколько лет назад в замке Сантьяна гостил талантливый и чудаковатый художник, и сомнений уже не осталось: конечно, вся эта история с рисунками — только трюк богатого бездельника.

Саутуолу освистали. Его публично называли обманщиком и фальсификатором. Вероломный друг Саутуолы — профессор Вильянова —

бросил его на произвол судьбы. И ни один из ученых, собравшихся в Лисабоне, не поехал в Альтамиру и не посмотрел своими глазами на «фальшивки».

Это был страшный удар для Саутуолы. Занятия археологией давно перестали быть для него просто увлечением; наскальные росписи Альтамиры сделались главным в его жизни. Граф прекрасно понимал, какое удивительное открытие подарил ему случай, и убедить ученых в подлинности рисунков стало для него долгом чести.

Много лет боролся дон Марселино с клеветой. Он опубликовал книгу — первую книгу в мире, иллюстрированную рисунками первобытных художников. Он верил в свою победу и ждал ее. Но дожить до нее ему не удалось. Всеми забытый, он умер в 1888 году...

Шли годы. Прочная дверь закрывала вход в пещеру. Мария де Саутуола, став уже взрослой женщиной, продолжала надеяться, что все же когда-нибудь ученые, наконец, приедут в Альтамиру, поймут свою ошибку и отдадут должное памяти ее отца.

Летом 1903 года президент французского Общества исследователей первобытного общества, профессор университета в Тулузе, крупнейший из противников Саутуолы — Эмиль Картальяк вместе с молодым ученым аббатом Анри Брейлем исследовал только что открытые французские пещеры Фон де Гом и Комбарелль. В них были найдены рисунки, как две капли воды похожие на «фальшивки» Саутуолы. А входы в пещеры были перекрыты завалами, и тысячи лет в них никто не входил... Потрясенный Картальяк решил немедленно ехать в Альтамиру. С ним поехал и аббат Брейль.

Через несколько дней оба ученых стояли перед Марией де Саутуола. Она взяла ключи от пещеры и повела их тропинкой, которой хо-

дила много лет — сперва вместе с отцом, потом одна. И Эмиль Картальяк, увидев своими глазами те самые, столько раз осмеянные им рисунки, мог только склониться перед Марией и поцеловать ей руку. Статью, которую Картальяк написал о росписях Альтамыри, он назвал «Покаяние скептика»...

Читая книги по первобытному искусству, мы узнали и об удивительной пещере Ласко, которую, как это ни странно, открыла собачка по имени Робот.

Четверо мальчишек из городка Монтильяк в Южной Франции в 1940 году гуляли с собакой недалеко от дома. Внезапно пес исчез, и только после усердных поисков ребята услышали, что Робот лает из какой-то дыры в земле. Лисья нора?

Да нет, пожалуй, что-то побольше. Мальчишки один за другим скользнули в отверстие. При свете спички они увидели удивительную вереницу животных, идущих вдоль свода. В этой небольшой пещере оказалась картинная галерея! Находка определила будущее ребят, они стали исследователями пещер, а пещера Ласко сделалась национальным сокровищем Франции. Вход в нее закрыли массивной дверью, пол забетонировали. Сотни тысяч посетителей прошли по этому полу, восхищаясь мастерством неведомых художников, разглядывая многоцветные изображения лошадей и плывущих оленей, огромного черного быка и другого быка, многоцветного, изображенного в прыжке.

Древняя живопись Ласко тысячи лет находилась в одних и тех же условиях влажного и прохладного подземелья. Перестройка пещеры, ее превращение в музей должны были изменить в ней климат, это могло вредно отразиться на сохранности рисунков. Чтобы так не случилось, в пещере была установлена

такая же аппаратура, как на подводных лодках. Она поддерживала температуру и влажность, к которой «привыкли» краски. Вся пещера, по сути дела, превратилась в огромную подводную лодку, герметически закрытую, изолированную от наружного воздуха.

Но опасность все-таки возникла, причем совершенно неожиданная. Когда было проведено электрическое освещение, ученые заметили, что в тех местах, где поверхность скалы освещалась особенно сильно — то есть на самих рисунках! — начали возникать колонии мельчайших водорослей. С этим врагом бороться было нельзя и оставался один выход — потушить свет, не пускать людей в пещеру. Так и сделали. С тех пор туда только изредка приходят ученые, чтобы проверить, как чувствуют себя рисунки. А мы можем увидеть сокровища пещеры Ласко в альбомах — ведь все рисунки были тщательно скопированы, пересняты и напечатаны.

Рассказы о первобытном искусстве ребята на секции слушали затаив дыхание.

Каждый мечтал первым войти в какую-нибудь пещеру на Кавказе или на Урале и увидеть в ней рисунки, по красоте не уступающие Альтамыре и Ласко.

Но первая экспедиция нашей секции летом шестьдесят четвертого года — в Крым, на плато Орта-Сырт, — конечно, не принесла никаких открытий, да мы и не надеялись на них.

Это была учебная экспедиция. Тренировки, отработка спусков, топосъемка...

Осенью на заборах появились объявления, перед которыми останавливались даже ко всему привыкшие ленинградские дворники. На огромном листе бумаги был изображен человек, висящий над пропастью. Висел он в очень неудобной позе, чувствовалось — вот-вот со-

Зимой у входов в Саблинские пещеры
вырастают ледяные колонны.

рвется. Окружавшие рисунок надписи обращались к «смелым, любознательным, находчивым» и сообщали, что городская секция спелеологии объявила набор и в нее следует немедленно записаться. На всякий случай популярно объяснялось, что спелеология — это школа мужества и находчивости, а кроме того — исследование пещер, и что приглашаются альпинисты, туристы, аквалангисты.

Недели через две помещение секции уже не могло вместить всех стремящихся в пещеры; каждый четверг приходило человек по сто.

— Погодите! — сказал тогда наш председатель Валерий Голод. — Посмотрим, что покажет вышка!

И действительно, после первого же занятия на парашютной вышке ряды новичков заметно поредели.

Тренировка на вышке и сложнее и легче настоящей пещерной работы. Легче, потому что нет ничего надежнее стальных конструкций, к которым крепятся лестницы и страховочные веревки. Риск здесь сведен до минимума. Но зато глубину под тобой не маскирует темнота, ты видишь, как далеко до земли, и для людей со слабыми нервами это может быть неодолимым препятствием. Недаром одной из самых трудных и опасных пещерных работ является штурм пещер, расположенных на обрывах.

Старая вышка в сквере недалеко от Нарвских ворот когда-то горела, и от нее остался только стальной каркас с лестницами да настил на верхней площадке. В очередное воскресенье мы обвешали вышку лестницами и принялись за дело.

С двух сторон вышки «вздергивали» новичков. Каждый должен был отработать подъемы и спуски по лестнице. Страховка была налажена надежнейшая, страховали самые опытные из нас, но далеко не все новички верили в нее. Наиболее робкие с гораздо большей охотой поднимались, чем спускались: ведь поднимаясь, не смотришь вниз.

На третьей стороне тренировалась спасательная команда. Игорь Козырев, студент-геофизик, скользил к земле дюльфером, по временам притормаживая, чтобы не оплавить капрон, нагревающийся при трении о брезентовые рукавицы. А рядом упражнялись в закачивании: крепко держась за лестницу, раскачивали ее как качели, чтобы в какой-то момент впрыгнуть на маленькую площадку. Такой способ необходим, чтобы попасть в пещеру, находящуюся в нависающей стене, в стороне от лесницы.

В середине зимы в Саблине был организован подземный лагерь.

В будущих пещерных экспедициях нам наверняка придется не выходить из-под земли по нескольку дней. Для этого надо было знать, как спастись от холода и влажности, как готовить пищу, как организовать подземные работы. И конечно, всех очень интересовало, как будут вести себя наши организмы в мире, где нет дня, а одна сплошная ночь. Мы уже слышали об отважном опыте, проделанном французом Мишелем Сифром: он провёл два месяца один в пещере у подземного ледника на глубине ста тридцати пяти метров. У него не было часов — этого требовали условия опыта. И вот двадцатого июля по подземному календарю друзья сообщили ему по телефону, что сегодня уже четырнадцатое сентября и завтра опыт кончается. За два месяца Сифр незаметно «потерял» двадцать пять дней!

Мы не собирались отказываться от часов, но проверить нашу работоспособность в изменившихся условиях было очень интересно.

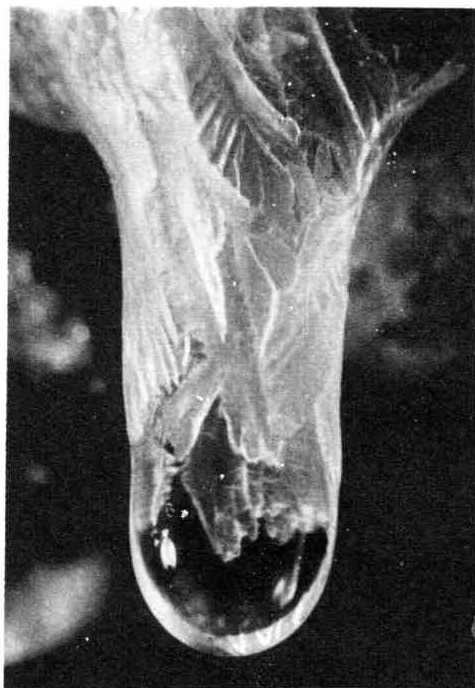
Лагерь разбили в самой глубине Жемчужной пещеры, недалеко от зала со сталактитами и жемчугом — там была вода.

Странно выглядело наше стойбище, странно и фантастически. На желто-красном песке стояли светящиеся изнутри палатки, почти упираясь крышей в низкий потолок. Голоса звучали глухо, искаженно. Людей издали не было видно, и казалось, что огоньки свечек сами передвигаются по воздуху.

В палатках было влажно, но не сыро. Спальные мешки достаточно хорошо держали тепло, однако холод шел снизу, от земли. Я подложил под себя поролоновые коврики — через день они пропитались влагой; удобнее всего оказались на-

Подземный лагерь в Саблинских пещерах.

Новорожденный сталактит в Саблинских пещерах.

дувные матрасы. Досаждал песок. Он проникал всюду — скрипел на зубах, сыпался в кашу, им были полны волосы и спальные мешки. С этим мы еще мирились, но песок попадал в затворы, и фотоаппараты выходили из строя.

К этому времени мы уже запомнили основные ходы и галереи Саблина, и перестали «ходить по ниточке». Поэтому одним из самых интересных наших занятий стали упражнения по ориентированию. Человека с завязанными глазами отводили в какую-то часть пещеры, там развязывали глаза, и он должен был, во-первых, сказать, где он находится, а во-вторых, без подсказок выйти к выходу или к лагерю. Порой какой-нибудь бедняга целый час крутился в нескольких залах, а за ним злорадно комментируя, ходили «болельщики». И тут всех поразил Козырев.

— Спорим, что пройду без света, на ощупь, от лагеря до выхода и обратно!

Никто не поверил. Мы знали, что он великолепно, лучше всех нас, знает эти пещеры; но разве можно пройти несколько сотен метров, не попав в десятки ответвлений, боковых залов, не запутавшись и не сбившись — на память? Решили проверить. Поставили контролеров в боковых ходах, засекали время. И Игорь прошел маршрут в темноте быстрее, чем некоторые из нас при свете фонаря.

Шло время. Подземные тренировки делались все разнообразнее и сложнее. Был наконец составлен подробный план Саблинских пещер, и при сверке учебных чертежей уже не исчезали куда-то десятки метров коридора, как это было вначале. Новички научились вести наблюдения над микроклиматом, составлять морфологические характеристики пещер. Кое-кто уже совсем неплохо фотографировал под землей. А спасательный отряд секции неожиданно одержал победу в соревнованиях с горными туристами — наша команда быстрее всех наладила переправу через Тосну и подняла на отвесный обрыв «пострадавшего».

Стали серьезнее и основательнее занятия в секции. Нам читали лекции и делали сообщения интересные, много знающие люди — геологи и горные инженеры, историки и зоологи. Приезжали спелеологи из других городов и рассказывали о своих пещерах, приходили ученые из Горного института и университета. Профессор Дмитрий Павлович Григорьев, известный минералог, прочел цикл лекций о возникновении и росте натечных образований.

Всего лишь несколько месяцев назад мы зачитывались описаниями Альтамыры и Ласко, а теперь затаив дыхание слушали профессора Отто Николаевича Бадера, рассказывающего об открытии первой пещерной

на скальной росписи в нашей стране. Причем рисунки были найдены в Каповой пещере, в которой много раз бывали люди! Более того, на стенах пещеры какие-то дикари-туристы расписывались сажей и краской, не замечая, что они портят изображения мамонтов... Мы увидели фотографии и копии этих рисунков: семь изображений мамонта, два — лошадей и два — шерстистых носорогов, которые вымерли вместе с мамонтом. Исследование Каповой пещеры оказалось трудным и опасным — в одном из залитых водой коридоров погиб молодой спелеолог Нассонов...

За учебой и тренировками проходили месяцы. Наша секция перестала быть группой энтузиастов, она превратилась в отряд дружных и умелых исследователей. Надо было отыскивать свой собственный пещерный район.

Пещеры и люди

Хотя первые научные исследования пещер проводились еще триста лет назад, наука о пещерах сформировалась только в конце прошлого века. Ее название — спелеология — так и означает: пещероведение, наука о пещерах; «спелейон» по-гречески значит «пещера», «логос» — «слово». Собственно говоря, это комплекс самых разнообразных наук, где с археологией мирно соседствует гидрогеология, а с кристаллографией — биология. Но в то же время спелеология — это высокий, благородный спорт со своими рекордами и достижениями.

Спелеология — ключ ко многим тайнам, скрытым под землей. Очень много важных сведений дает она геологии: ведь пещеры позволяют выяснить распределение горных пород, разобраться в движении подземных вод. Особенно важно это в таких районах, как Крым, где постоянно не хватает воды. Для строителей и гидромелиораторов карст нередко оказывается злейшим врагом: не удержит воду плотина, построенная на закарстованной местности, не пойдет вода и по

каналу, проведенному через карстующиеся известняки.

Пещеры порой играют самую неожиданную роль в хозяйственной деятельности человека. Они могут быть бесценными кладовыми полезных ископаемых, вплоть до урана. В Южной Африке древние пещеры, некогда заполненные водой, оказались как бы естественной обогатительной фабрикой: осевшая в них глина была буквально перемешана с алмазами. Значительную часть добываемой в мире нефти получают из закарстованных подземных горизонтов — из залитых нефтью пещер. Многие «глухие», плотно закупоренные пещеры, расположенные на большой глубине, заполнены природным газом, находящимся под большим давлением. В некоторых странах пещеры превращаются в хранилище газа, такие «резервуары» обходятся много дешевле металлических газгольдеров. А во многих пещерах Америки, в том числе на Кубе, добывают гуано, помет летучих мышей, — одно из самых ценных удобрений.

Но пещеры — это еще и удивительные биологические лаборатории, созданные самой природой. Ученые изучают в них животных, ушедших от солнца, сохранивших в себе черты древнего, уже исчезнувшего населения нашей планеты. И наконец, пещеры — это необъятный археологический заповедник, они хранят огромное количество памятников древней культуры.

Поэтому пещеры для человека — это прежде всего музеи. Некоторые скромные и невзрачные на вид. Другие грандиозные, украшенные с фантастической пышностью. В этих музеях множество самых разнообразных экспонатов — геологических, биологических, исторических, — накопленных за сотни тысяч лет. И относиться к пещерам мы должны как к музеям — так же бережно.

Во всем мире пещеры строго охраняются. Их нельзя разрушать, в них нельзя отбивать сталактиты и сталагмиты, портить стены надписями; особенно ценные в эстетическом и научном отношении пещеры получают права заповедников. Во многих странах повреждение пещер карается судом.

Но музеи немислимы без посетителей. Люди, слышавшие и читавшие о таинственной красоте пещер, хотят увидеть их своими

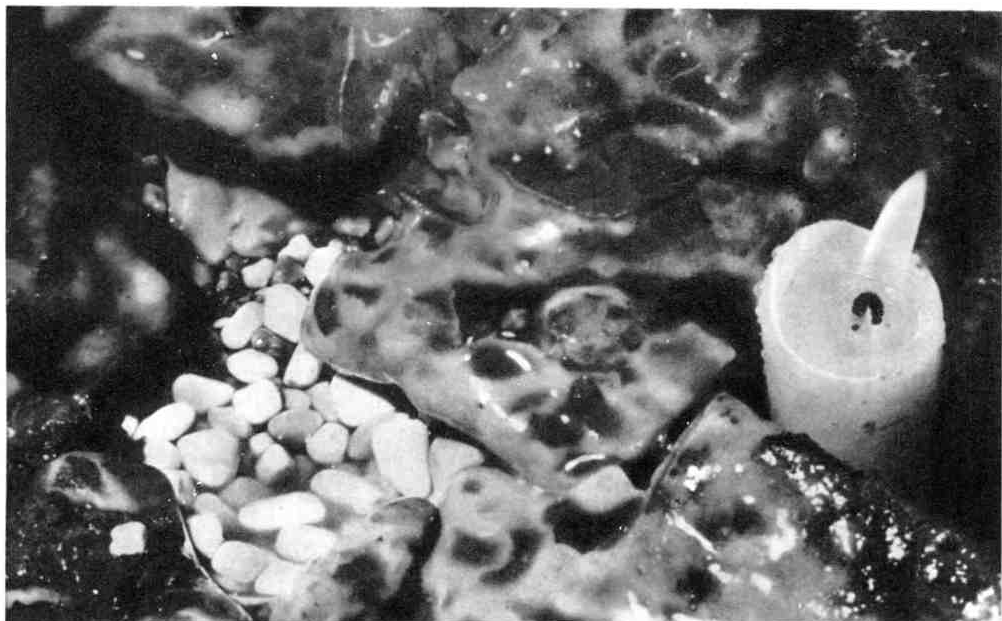
глазами. Поэтому наиболее интересные пещеры специально оборудуют для посещения. В них устраивают удобные входы, делают лифты, бетонируют дорожки (кое-где под землей ходят даже миниатюрные электропоезда). Их искусно освещают, выделяя светом наиболее интересные натёки, используя игру естественных красок или гипса, а иногда применяя цветную подсветку.

Таких благоустроенных, приспособленных для посещения туристами пещер довольно много. По данным середины шестидесятых годов, в Чехословакии их было 22, во Франции — 89, а в Соединенных Штатах Америки — 147. Эти подземные музеи дают немалые доходы. За год в одной только Постоянной пещере в Югославии бывает четыреста тысяч посетителей.

В нашей стране найдены многие сотни пещер; никто не знает, сколько их будет открыто еще. И никто не знает, на чью долю выпадет следующее открытие. Поэтому каждый спелеолог должен быть готов к тому, что именно он войдет в новую, никому не ведомую пещеру, и каждый спелеолог должен уметь вынести из нее как можно больше научного материала. Он должен уметь ви-

деть, он должен четко знать, что и как нужно записать, измерить, сфотографировать. Он — глаза и руки ученых, которые не смогут сюда попасть, которые будут знать эту пещеру по тем сведениям, которые соберет спелеолог. Поэтому в исследовательские экспедиции, на поиск новых пещер идут люди, подготовленные к этой работе. Среди них есть профессионалы, но их очень немного; да и нет такой специальности — спелеолог. Есть ученые — карстоведы, гидрогеологи, зоологи, археологи, — по роду своей работы связанные с изучением пещер. Но большинство спелеологов — любители, отдающие этому делу все свободное время.

Впрочем, порой нелегко разобраться, где кончается любитель и начинается профессионал. На IV Международном конгрессе спелеологов в Югославии только двадцать пять процентов участников были профессионалами. Любители, наряду с профессионалами, пишут научные статьи по всем отраслям спелеологии. Профессионалы вместе с любителями организуют экспедиции. Любители вместе с профессионалами борются за охрану пещер. А нередко случается и так, что любитель переходит в профессионалы...

Пещерный жемчуг в искусственной пещере.

Шаг за шагом по крутой горе. Вокруг заросли фисташки и боярышника и серая трава, уже выгоревшая на июньском солнце. За спиной на огромную равнину спускается солнце. А впереди — горы.

С равнины они выглядят огромными зелеными уступами, чуть припорошенными на самом верху снегом. Круто врезанные сухие ущелья разрубают их черными и красными провалами. Стены, обрывы и арчовые леса наверху. Кугитанг-Тау, Кух-и-танг, — «гора ущелий». Крайний юго-западный форпост Гиссарского хребта, косым клином выходящий к Амударье и равнинам Туркмении.

Этим горам далеко до Памира и Тянь-Шаня. Не на всякой карте их можно найти, вершины у них едва заходят за три тысячи метров. Но разве своеобразие гор измеряется только их высотой?

Среди моих коллег-энтологов ходят легенды о редкостных насекомых Кугитанг-Тау, совсем еще мало изученных. Спелеологи же рассказывают чудеса о пещерах

этого хребта. И вот, добравшись сюда, я иду работать на плато и в ущельях, чтобы потом спуститься в предгорья и обследовать пещеры.

За спиной у меня рюкзак, в котором не слишком много провизии и три фляги с водой. В руках сачок на длинной палке, главное мое орудие производства. Им я не только ловлю насекомых: он и посох, и альпеншток, и основной шест палатки. В аварийных условиях палка годится на дрова — можно вскипятить котелок чая. И совершенно незаменима она при встречах со змеями и собаками.

Сверху дует прохладный ветерок, пахнущий хвоей и снегом. Не умолкая стрекочут кузнечики и кобылки, им отвечают птицы. Вот и первая арча — кудрявая, густозеленая. Целый год не видел этого доброго дерева. Я пожимаю мягкую шершавую лапу — здравствуй!

Все чаще и чаще встречаются мне эти деревья; здесь они коренастые, с причудливо перекрученными стволами и ветвями, вцепившиеся корнями в каменную почву.

А в прошлом году, в лесах Туркестанского хребта, мне попались в ущельях великаны метров по двадцать. Издали не поверишь, что это не ель, а можжевельник с нежными чешуйками вместо иголок.

Под развесистой арчой у обрыва выбрал я себе место ночлега. Костер, в его углях фляга с кипятком, пуховая мягкость спального мешка — и огромные звезды, качающиеся над головой среди ветвей...

Разбудил меня шум. Что-то большое промчалось рядом. Ошеломленно вскакиваю и вижу направленную на меня винтовку в руках подбегающего чабана. Удивленно смотрит; спохватившись, отводит ствол и начинает ругать:

— Что спишь? Через тебя волк бежал, ягненка тащил!

Недалеко оказалась юрта, и вот мы уже сидим на пестром ковре-паласе и пьем чай. Рядом, на деревянной решетке над ведром, лежит глыба слежавшегося снега; капли гулко стучат по дну. Неторопливый разговор. Чабана интересует, что нового на руднике, с которого я иду, и зачем мне эта палка с белым мешком. Я расспрашиваю о волках и о воде. Источников поблизости нет, вода только наверху, где еще сохранился снег. «Снег кончится — угоним скот вниз, к реке». О пещерах он слышал, но никогда в них не бывал.

Доливаю фляги, прощаюсь — и в путь. Все гуще арчовник, все зеленее лужайки. Здесь еще длится весна, еще сохранилась влага в почве. Над склоном гуляет ветер — холодный, горный. Из-под ног с криком и треском крыльев вырываются кеклики — горные куропатки, убегают вспугнутый заяц.

До снежников я добрался только к вечеру. Голые известняковые плиты, пласты твердого серого снега, рядом — пурпурное пламя тюльпанов; а на камне застыла странная кобылка — огромная и горбатая.

Выхожу на гребень. Плотная стена воздуха бьет снизу. Кажется, ляжешь на нее, раскинешь руки — и заскользишь против ветра. На одном уровне со мной круто несется вниз и не движется с места огромный гриф.

Вниз — обрывы на сотни метров. Черные вечерние тени накрывают равнину.

На запад от меня широкое и лесистое ущелье; в бинокль видны огромные дремучие арчи на крутых зеленых холмах, белые и золотистые метелки лисохвоста и нетоптанная, не выбитая скотом трава, в которой, наверно, жужжат и стрекочут полчища насекомых. Рай для энтомолога! Решено — иду туда. Только сначала надо запастись водой. Развернув полиэтилен, накладываю в него килограммов пять снега и подвязываю этот куль к рюкзаку. Дня на два хватит.

Через полчаса я уже был в ущелье. Ни души. Сюда не загоняют скот пастухи — слишком далеко от водопоя. Редко-редко забредет охотник, и даже тропинок не видно.

Выбрав ровную площадку, расстилаю спальный мешок — и дом готов. Наверху, почти задевая края ущелья, мчатся розовые облака. Здесь ни ветерка. Скатывая со склонов огромные сухие стволы, волоку в костер — его пламя рвется на десяток метров вверх, и тучи искр, кажется, долетают до неба. А на дереве, у меня над головой, недовольно бормочет какая-то проснувшаяся от света пичуга.

Текли спокойные дни, наполненные работой и солнцем. Я отыскивал личинок хищных мух на травах и кустарниках, фотографировал желто-коричневых богомолов. Наверху, у снегов, собирал медлительных жуков-чернотелок и притких, поблескивающих синеватыми надкрыльями жужелиц. Раза два мне довелось увидеть небольшие стада козорогов, стремительно несшихся

по неприступным кручам, а однажды на пыльной тропинке я заметил цепочку следов огромной кошки — здесь прошел барс. И только змей не встретил ни разу — они уползали, услышав постукивание моей палки по камням. Я не особенно жалел об этом.

По вечерам, лежа у костра, я смотрел на небо и патрулирующих над пламенем летучих мышей. Свет привлекал насекомых, за ними охотились мыши. Однажды, ложась спать, я завалил костер кусками снега; мгновенно в столб пара ворвались два или три мышонка: вероятно, они приняли пар за особенно густую тучу мошкары.

На первый взгляд неровные, как будто сбивчивые броски и перевороты серых крылатых существ казались хаотичными и бесцельными. Но я вспомнил фотографии охотящейся мыши, которые видел в одной иностранной книге. Бестолковые метания в действительности оказались чем-то совершенно иным...

О тех, кто видит ушами

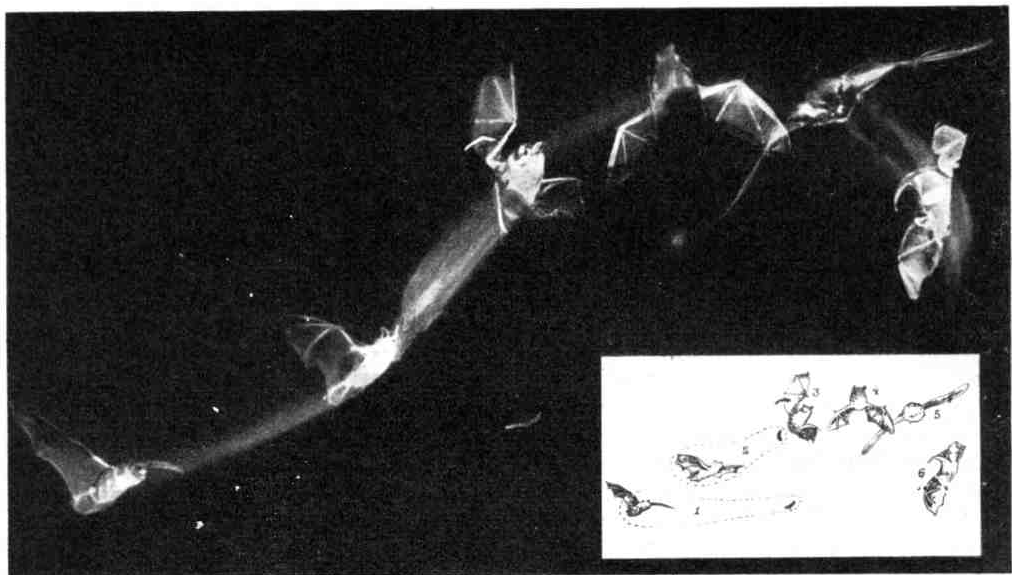
Для того чтобы сфотографировать какие-то очень быстро протекающие процессы, используют электронную лампу-пулемет, дающую очень частые и очень короткие вспышки. На снимке, сделанном с помощью такой лампы, получается целый ряд изображений, последовательно показывающих движение предмета. Такую лампу использовали при изучении летучих мышей.

В большой комнате выпускали летучую мышь, включали аппарат и подбрасывали в воздух мучного червя. Миг — и он исчезал. Все происходило так быстро, что только по фотографиям можно было разобраться, что же случилось с этим червем в воздухе (см. рисунок на стр. 36). Сначала летучая мышь безошибочно неслась прямо к червяку и подхватывала его точным ударом широкого перепончатого крыла, как будто рыболовной сетью. Затем мышь переворачивалась в воздухе и складывала мембрану крыла,

так что червяк оказывался в покоем на карман мешочке. Когда переворот кончался и мышь летела нормально, грудью вниз, червь уже был у нее в зубах. Вся эта операция занимала несколько сотых долей секунды. Рассмотрев снимки, ученые поняли, каким образом летучая мышь умудряется за два-три вечера поймать и съесть столько насекомых, сколько весит она сама.

Но самое удивительное не в том, как ловко охотится летучая мышь, а в том, что она ловит насекомых, пользуясь не зрением, а слухом. Это выяснил почти двести лет тому назад итальянский ученый аббат Спалланцани, залепляя воском те глаза, то уши летучих мышей. И слепые охотились и безошибочно возвращались к себе «домой», на колокольню собора; глухие же совершенно теряли ориентировку, они натывались на препятствия и падали. Почему! Спалланцани не нашел ответа на этот вопрос. Только в начале сороковых годов нашего века ученые выяснили, что летучие мыши издают неслышимые человеческим ухом ультразвуки и воспринимают их эхо, отраженное от окружающих предметов. Это своеобразное чувство слухового зрения настолько хорошо развито у них, что они очень точно ориентируются не только в пещерах, но даже в темной комнате, сплошь затянутой тысячами тонких нитей. Летучая мышь может часами летать, не натываясь на них. Мышь безошибочно определяет, где находится добыча, направление ее движения и даже ее размеры. Именно изощренностью слухового зрения объясняются огромные уши многих мышей и странные кожные складки на их «лицах», придающие мышам зловещий облик. Эти складки играют роль своеобразных рупоров, направляющих ультразвук в нужную сторону.

Таким образом, летучие мыши обладают своеобразными звуколокаторами. Нередко они бывают гораздо точнее, чем локаторы, придуманные людьми (хотя радиус действия у них, конечно, значительно меньше). В Южной Америке существуют даже летучие мыши — рыболовы. Низко летая над озером или рекой, они «ощупывают» воду своими звуколокаторами. Проплывая под поверхностью, рыбы вызывают легкую рябь, и мыши замечают эхо от этой ряби. Они на лету

Летучая мышь ловит добычу.

опускают в воду свои задние лапки, как будто вспарывая ее длинными, загнутыми и острыми когтями. Иногда рыбе удается увернуться, но довольно часто мышь подцепляет ее когтем и выдергивает из воды.

Звуколокатором владеют не только летучие мыши; с его помощью ориентируются гнездящиеся в пещерах южноамериканские птицы гуачаро и некоторые из восточноазиатских ласточек — саланган, из гнезд которых готовят знаменитый «суп из ласточкиных гнезд». Звуколокация развита и у китообразных. В Индии обитают даже совершенно слепые дельфины, живущие в мутной речной воде. А многие ночные бабочки, на которых охотятся летучие мыши, обладают специальными органами, которые улавливают ультразвук и предупреждают бабочку о приближении врага. Если мышь далеко, бабочка меняет направление полета; если близко — она стремительно падает, укрываясь от хищницы.

Летучие мыши своим причудливым видом и бесшумным ночным полетом нередко пугают впечатлительных людей. Но в действительности большинство их — мирные, безвредные, а нередко и полезные животные, истребляющие вредных насекомых.

Летучие мыши удивительно разнообразны; есть среди них огромные — размах крыльев до полутора метров, — их называют летучими собаками и летучими лисицами. Есть и крохотные нектарницы, пьющие нектар из цветов наподобие бабочек-бражников и крохотных птичек колибри. Они повисают над цветами, как крохотный вертолет, и пьют их сок, не садясь на растение. Летучие же собаки и лисицы, несмотря на свои размеры, совсем не опасны — они не хищники и питаются плодами.

Но есть среди летучих мышей очень неприятные создания — это знаменитые вампиры, пьющие кровь птиц и млекопитающих, а иногда и спящих людей. Их острые зубы почти безболезненно разрезают кожу, поэтому жертва не замечает укуса.

В нашей стране нет вампиров. Все наши летучие мыши, их около сорока видов, не опасны для человека, а очень полезны. Поэтому их нужно охранять. Как! Да очень просто — не беспокоить зимой, когда они спят, так как разбуженные и вспугнутые зимой летучие мыши нередко погибают. Спелеологи стараются не тревожить их во время зимовки.

Далеко не все «секреты» летучих мышей

известны людям. Их звуколокатор еще не изучен до конца, не разгадана тайна их ориентирования во время дальних перелетов, не объяснены некоторые интересные особенности их физиологии. Поэтому ученые исследуют жизнь мышей и в лабораториях, и в природе. Их даже кольцуют, так же как птиц, только легкое алюминиевое кольцо закрепляется не на лапке, а на предплечье.

Кольцевание позволило выяснить, что летучие мыши совершают сезонные перелеты подобно птицам, и порой на очень большие расстояния. Одну из них, окольцованную в Воронежском заповеднике, поймали в Турции, недалеко от Стамбула!

Может случиться так, что и вам доведется увидеть окольцованную мышку, тогда перепишите номер в кольце и надписи на нем и сообщите их по адресу: Москва 117312, ул. Ферсмана, 13, Центр кольцевания АН СССР, а мышку отпустите. Может быть, она еще раз попадется кому-нибудь на глаза и еще раз послужит науке.

Пришло утро, когда у меня кончилась провизия, а в коллекционных коробках уже почти не оставалось места для новых насекомых. Ну что же, за день доберусь до поселка, а завтра — в пещеры. Я допил остатки вчерашнего чая и пошел.

Снова под ногами известняковые глыбы, чахлая трава и подушки зацветающих акантолимонов. Это растение напоминает огромного ежа, у которого колючки растут попеременно с мелкими и нежными розовыми цветами.

Я шел весь день, задерживаясь только для сбора насекомых. Очень хотелось есть и еще больше — пить.

Вечером остановился, чтобы оглядеться и передохнуть. Солнце висело над горизонтом в зловещей, красной пыли. Километрах в двух, как раз на моем пути, виднелся клубок сходящихся ущелий. Гребни перемычек вились как драконы, окаменевшие в разгар битвы. И ни сле-

да воды. Во всей этой части хребта есть только два-три источника. Снеговую воду и влагу редких дождей как губка впитывает пронизанный трещинами известняк.

Солнце уже заползло за горизонт, когда я наконец выхожу на тропу — скотогонную, плотно утопанную. Потом в нее вливается вторая, еще погода — третья.

Темнеет. Включаю фонарик. Белый луч прыгает по кустам и земле, троп все больше. Они ведут вниз к краю ущелья, через заросли каких-то колючек. Потом снова ущелье и плоская голая поляна. Третье ущелье глубокое и лесистое, масса коровьих следов, воздух тяжелый и влажный. Моя глотка совсем одеревенела, язык, кажется, стучит о щеки — настолько он сух. Мечусь из стороны в сторону, теряю время; все перекрывает одна мысль — вода близко, пить! И вдруг очень спокойно понимаю: в темноте мне воды не найти. Надо тащиться дальше.

Снова тропа бежит по склонам; но из ущелий, кажется, я вышел. Путь бесконечен. Белый, призрачный круг земли под ногами, и ноги идут сами по себе, мимо плывут кустики полыни и солянок. Почему-то вспоминается морское дно Карадага. Когда скользишь над ним ночью, в маске и лапах, белый свет фонаря так же выхватывает кустики водорослей — и вокруг так же пустынно и так же беззвучно. Сколько часов я иду? Сейчас, наверно, около полуночи.

И неожиданно — столб, и рядом — мягкая дорожная пыль, размолотая сотнями машин. Наконец-то!

Но до поселка было еще несколько километров; как прошел их, не знаю. Только перед рассветом вышел к домам. Журчала вода в арыках. По звуку отыскал дюймовую трубу, взял ее в рот — вода лилась в меня, лилась, лилась; потом залез под струю головой, плечами,

всем телом. Отяжелевший и все еще жаждущий, отошел в сторону, лег, и уснул прямо у дороги, на окраине поселка.

Через день я пошел собирать насекомых в пещерах.

Справа желтые, выгоревшие холмы и овраги; где-то за ними — речка Кугитангдаря. Судя по схеме, присланной московскими спелеологами, поблизости не меньше десяти пещер. Но прошло часа полтора, прежде чем в сухом овраге я увидел невысокий — щелью — вход в первую из них. Оставляю около него рюкзак, сую в карман свечи и спички, включаю фонарик. Влажный бугристый потолок, серые и гладкие, как будто обмытые водой стены. Внимательно приглядываюсь к ним: не попадет ли какой-нибудь паучок или многоножка? Но ничего не видно, нет даже мух. Жаль, в пещерах бывают очень интересные мухи, сродни арктическим. Пискнула где-то впереди летучая мышь. Направляю свет на пол — он гладкий, глинистый и весь в следах, даже в тропках. Небольшие когтистые лапки, кое-где масса параллельных царапин, как будто мели веником.

Вдруг в углу нервное бормотание и сухой треск, луч выхватывает копну игол и пару злых, красным светом горящих глаз. Зверь то оглядывается, то задом пятится на меня и стучит всем своим вооружением. Надо удирать, хозяин здесь не я, а дикобраз, и мне может быть совсем нехорошо: я много слышал историй о сварливом его характере и пробитых иглами голенищах сапог. По дороге поднимаю с пола несколько иголок — их тут валяется масса.

Следующую пещеру нахожу довольно быстро — в борту небольшого хребтика зияет округлое отверстие. Широкий коридор усеян костями скота, больше всего лошадиными. Черепа, ребра, лопатки... а вот и полный скелет. Тяжело пахнет

мокрой землей. В сторону отходят новые ходы, в них тоже кости. В небольшом зале несколько конских скелетов, они лежат кружком — головой к центру, будто совещаются друг с другом. И тишина. Оглядываюсь, запоминая приметные места — для возвращения. Время от времени черчу костью на полу стрелу — острием к выходу. Пол становится суше, под ногами серая сыпучая пыль.

И тогда начинает казаться, что забыл, где выход. Сразу становится жутко. Пещерный страх — неприятное чувство. Знаешь, что бояться нечего, что света хватит по крайней мере часов на восемь, а этого достаточно, чтобы облазить десяток подобных дыр, но разум не помогает. И вот уже потолок спускается все ниже, темнота смыкается вокруг, еще шаг — и я заблужусь совсем. Ни огонька, ни шороха...

В этом состоянии можно натворить немало глупостей; с трудом удерживаюсь от желания куда-то бежать. Внимательно осматриваю зал, из него уходят в стороны несколько галерей. Втыкаю посредине торчком кость и осторожно, отыскивая свои стрелы и прочие ориентиры, шагаю к выходу. Вот наконец вдаль виднеется свет. Согнувшись, пролезаю в невысокую «дверь». Мения ослепляет солнце и охватывает густая, душная жара.

Еще одну пещеру я нахожу за хребтиком, в следующем ущелье. По ней двигаюсь осторожнее, отмечая ориентиры через каждые десять метров. И тут наконец нахожу на стене рыжих и длинноногих мух — хеломизид. Ловить их несложно, нужно просто накрыть муху пробиркой, а потом вытряхнуть в баночку с ядом — морилку. Рядом с мухами, сложив домиком светло-коричневые крылышки, сидят ручейники, они тоже любят прохладу и сумрак.

Я прошел от входа уже метров полтора, а очертания сводов

почему-то кажутся знакомыми... Странно! Луч шарит по стенам, падает вниз. В нем белеет стоящая торчком кость. Рядом следы чешских ботинок с рубчатými подошвами — мои следы! Это же та пещера, в которой я был, и если бы не перетрусил час назад, то прошел бы насквозь через хребет.

Позднее, в поселке, я узнал от стариков, что в этих пещерах прятались мирные жители, спасавшиеся от басмачей, а иногда и сами басмачи.

Продолжаю путь, то опускаясь в душные ущелья, то выходя на гребень, где воздух горяч и сух. И наконец передо мной главная цель моей сегодняшней вылазки — огромный красный бугор, будто стесанный сбоку. У подножия — широкий, метров на десять, провал, из него с шумом вылетают десятки потревоженных голубей.

Всю ширину пещеры занимает большое подземное озеро; оно уходит вглубь, в темноту. Ближняя часть его освещена мягким рассеянным светом. В зелено-голубой прозрачной воде ходят стайки мелких рыб. Так вот оно какое, озеро пещеры Каптар-Хана — «Голубиный дом»! Я уже не раз слышал это название от гидробиологов. В солоноватой воде этого озера московский биоспеолог Станислав Левушкин нашел одноклеточных животных — фораминифер, родственных современным морским. Фораминиферы смогли приспособиться к жизни в карстовых водах; они изменились, но не погибли и добрались до нашего времени, как живое напоминание о древних морях, некогда плескавшихся здесь. Какие еще загадки скрыты в этом озере?

Осматриваюсь. К берегу подходят плоские плиты; около них глубоко — метра четыре. Брошенный в воду камешек долго опускается, покачиваясь из стороны в сторону. С другой стороны озера — гряда камней, почти доходящих до по-

верхности; по ним, наверно, можно пройти вглубь на небольшой скалистый мыс, смутно угадывающийся в глубине.

Но сперва надо собрать материал. Вытаскиваю планктонную сетку и начинаю кружкой черпать и лить в сетку воду. Десять... двадцать... пятьдесят... двести... Уф! Вытаскиваю пробирку, сливаю в нее жижу из приемного стаканчика сетки. Живого, на первый взгляд, очень немного, но ведь едят же что-то рыбы! Еще одна проба. Десять кружек... двадцать... сто... триста... Третью пробу беру, взмучивая воду около берега, чтобы попались и те организмы, которые живут в иле. Ну, теперь хватит. Только в Ленинграде, в лаборатории, выяснится, собрал ли я что-нибудь интересное. Еще надо поймать несколько клопов-водомеров, бегающих маленькими стайками по воде. Они дьявольски увертливы, но несколько штук я все-таки подцепляю. В подземных озерах водомеров, пожалуй, никто еще не собирал.

Теперь в глубь пещеры. Надо посмотреть, нет ли там какой-нибудь живности и сделать несколько снимков. Складываю одежду и аппараты со вспышкой в сумку, отыскиваю мелкое место и шагаю в воду. В общем, она довольно теплая, но после жары наверху и восемнадцать градусов весьма ощутимы. Иду то по щиколотку, то по пояс. Плеск и хлопанье гулко отдаются под сводами. Под ногами острые камни, в воде облаками расплывается потревоженный ил. И вот наконец скалистый берег, можно обуться. Своды опускаются совсем низко. Озеро тянется дальше, загибается вправо.

Солнечный свет уже не виден. Под ногами маленький пережат — вода течет внутрь пещеры; наверно, где-то в дне озера бьет глубинный карстовый источник. Выхожу в невысокое расширение, приплюснутый круглый зал, и начинаю шарить по

стенам. В морилку попадают несколько мух и ничего другого. Пещерная фауна здесь гораздо беднее, чем на Кавказе. В пещерах Абхазии можно было за один день увидеть сотни длинноусых буровато-коричневых кузнечиков, поймать слепого пещерного жука, пещерных пауков, лжескорпионов... В Абхазии нашли даже пещерного слизня — первая такая находка в мире.

Возвращаюсь по узкой глинистой береговой полоске. Около ведущей вверх осыпи — арка входа в другую пещеру, проложенную по кривой тектонической трещине. Ее своды много раз обрушивались: всюду хаос глыб и щебенки. Высокий коридор нескладен, одна сторона метра на четыре выше другой.

Впереди — шелест и как будто повизгивание. Ближе. Сильнее. Иду, светя фонариком по сводам. Вдруг луч упирается во что-то мохнатое — и писк, скрежет, недовольное цвирканье усиливаются в десятки раз.

На потолке — серо-коричневая шевелящаяся подушка метра полтора в диаметре. Это летучие мыши, собравшиеся здесь на свою дневную «ночевку». Часть цепляется за скалу, другие, наверное, держатся за собратьев, этажа в два-три, и все они вместе образуют плотную, перепутавшуюся лапками и крыльями массу. Все они в дикой панике, но улететь могут только те, что снаружи; они с натугой выдергивают конечности и отрываются от этого слоеного пирога. Вопли потревоженных все громче. Убираю луч, ухожу вглубь. Вскоре — еще одна такая же подушка; ее почти не освещая, но и она приходит в движение. По коридору мечутся десятки зверьков; от ударов крыльев гул, похожий на далекий барабанный бой.

Еще сотня метров — и тупик, небольшая комната, вся наполненная шумом крыльев. Несколько десятков мышей сбились здесь в один

крутящийся и гудящий клубок; лететь в мою сторону не решаются и толкуются в воздухе, порой задевая меня крыльями. Серое облако, мелькающие тела и крылья, голололомные пируэты — картина настолько странная, что вдруг начинаешь понимать, почему чертей рисовали похожими на летучих мышей.

Здесь, в этой пещере, их немного — несколько сотен; в Бахарденской пещере, за Ашхабадом, обитало несколько десятков тысяч длиннокрылов — это была одна из самых больших колоний летучих мышей в нашей стране; за одну ночь обитатели этой пещеры съедали около полутора миллионов насекомых. Но это далеко не предел; совершенно невероятные колонии мышей обитают в гигантских пещерах Северной Америки. Один спелеолог видел, как вечером меньше чем за час из пещеры Фрио вылетело несколько миллионов мышей; их ураганный поток издавал гул, похожий на рев воды на порогах в теснине.

Иду обратно. Обе коммунальные квартиры на потолке почти не уменьшились в размерах, но какой писк и какая ругань! Цепная реакция, начавшаяся полчаса назад, в самом разгаре. Никто не понимает, в чем дело, почему их потревожили соседи в неурочное время, и все дерутся, царапаются и ругаются со всеми. Наверно, бедняги не успокоятся до ночи.

А снаружи уже наступил вечер. Странные силуэты гор, черные равные ущелья, косые тени и светлая дымка над горизонтом — все это напоминало Восточный Крым и ландшафты Киммерии на акварелях Волошина. Казалось, обернешься — и увидишь вечернее, в розовом блеске пены море.

Вдоль цепочки невысоких холмов выхожу на дорогу — и минут через пять меня подбирает паренек-туркмен, с лязгом катящийся к поселку на древнем «газике» с оди-

нокой, сиротливой фарой, глядящей куда-то в сторону.

Далеко за полночь я разбираю собранных насекомых и перепакую в пакеты — завтра уйду в Карлюк, в знаменитую гипсовую пещеру.

Ушедшие в темноту

Еще первобытные люди неплохо знали некоторых животных, обитающих в пещерах. Во многих европейских пещерах найдены их изображения — это пещерный лев, пещерная гиена, а чаще всего пещерный медведь, огромный лохматый зверь, нередко забредавший в глубину пещеры на много сотен метров.

Во французской пещере Монтеспан нашли своеобразную скульптуру медведя — глиняную болванку, сделанную по форме тела зверя; на нее натягивалась шкура медведя вместе с черепом. Некоторые ученые даже считали, что пещерный медведь был

первым животным, которое человек одомашнил. Вряд ли это было так, но, вероятно, люди подолгу держали пойманных медведей в огороженных участках пещер, чтобы иметь запас пищи на случай неудачной охоты или чтобы убить медведя во время охотничьего праздника.

Интерес людей палеолита к пещерному медведю понятен: ведь охота на него давала мясо, шкуры, нитки из сухожилий. Но, оказывается, их внимание привлекали и такие существа, от которых не было пользы. Безымянный художник оставил в пещере Трех Братьев во Франции рисунок, изображающий пещерного кузнечика. Чем заинтересовало насекомое нашего предка, мы не знаем, но этого человека, без сомнения, можно назвать первым известным нам биоспелеологом.

Пещерные медведи, львы и гиены вымерли. Покинули пещеры люди; скотоводам и земледельцам уже не нужны были каменные своды. Первый дом человечества отслужил свое. Молва поселила в пещерах страшных чудовищ, в том числе и драконов,

Ушан.

Рыжая вечерница: спокойная...

похищающих прекрасных девушек. И как ни странно, история науки биоспелеологии, изучающей пещерных животных, началась именно с дракона.

В конце семнадцатого века зоолог барон Иоганн Вейхардт Вальвасор услышал о том, что в одной из балканских пещер обитает дракон и во время сильных дождей вода выносит его детенышей наружу. Вальвасор не поленился добраться до пещеры: после ливня он увидел несколько «детенышей дракона» и был разочарован — «пресловутый дракон не длиннее фута и по внешности похож на ящерицу». В своей книге, вышедшей в 1689 году, он упомянул о странной находке. Так было открыто наукой первое пещерное животное — протей, слепое земноводное, всю жизнь сохраняющее наружные жабры.

Серьезное биологическое исследование пещер началось только в прошлом веке. В 1831 году был открыт первый пещерный жук. В 1849 году появилась первая работа

по биоспелеологии — «Виды подземной фауны» датчанина Шьодте. Вскоре после этого энтомолог Мочульский начинает описывать насекомых пещер Кавказа. К концу века было известно уже довольно много пещерных животных, однако обобщение собранных данных, создание биоспелеологии, как науки, приходится уже на наш век. Ее создавали румын Раковица, бельгиец Леру, французы Жаннель, Вандель и многие другие ученые.

Для исследования пещерных животных нашей страны много сделал профессор Московского университета Яков Авидьевич Бирштейн.

Сейчас есть институты, изучающие пещеры и их обитателей; один из крупнейших, основанный Раковицей, находится в Румынии, в городе Клуж. Во Франции, Югославии, Венгрии и других странах есть подземные биоспелеологические лаборатории, где ведутся наблюдения над обитателями пещер.

Так что же мы знаем о них теперь!

Оказывается, не все любители темноты постоянно живут в пещерах. Очень многие проводят под землей только часть жизни. Они зимуют в пещерах, как многие бабочки, или коротают в них день, как некоторые ведущие ночной образ жизни кузнечики, но потом обязательно выходят наружу. Ученые называют их «троглофилы» и «троглоксены», что по-гречески значит «пещеролюбцы».

Троглоксеном, например, был пещерный медведь. Пещера для него являлась убежищем, лежкой, но не местом постоянной жизни. Отыскивал пищу он, конечно, за пределами пещеры. Еще меньше времени проводили в пещере пещерная гиена и пещерный лев; в отличие от медведя, они никогда не забирались в глубь пещеры, а держались у входа.

Но есть и такие существа, которые всю свою жизнь проводят под каменным небом. Одни из них водные, другие наземные. Это троглобионты — «живущие в пещерах» — рачки, рыбы, мокрицы, многоножки, пауки,

ложноскорпионы и многие другие животные; немало среди них и насекомых.

Чем они кормятся! Вместе с водой в пещеры попадают разные растительные остатки, ими питаются многие обитатели подземных вод. Кроме того, они едят ил пещерных водоемов — он содержит много бактерий, не нуждающихся в свете и перерабатывающих минеральные вещества. Сухопутные троглобионты питаются гуано. Но есть среди них и хищники.

Приспособления животных к пещерному образу жизни многообразны и очень сложны. Подземная жизнь, например, отражается на внешности обитателей пещер. По сравнению со своими наземными родичами троглобионты имеют более удлинённые, утонченные тела, более длинные лапки и усики. Они становятся бесцветными, а некоторые даже прозрачными.

В пещерах нет света, поэтому исчезает надобность в зрении, но зато огромную роль начинает играть осязание. Длинные усики и

... и сердитая.

щетинок великолепно улавливают малейшие колебания почвы и воздуха, глаза же уменьшаются, а у многих и вообще исчезают. В пещерах можно встретить слепых жуков, рыб, земноводных, раков и даже слепых (и бескрылых!) мух.

Обитателям пещер не всегда хватает пищи и поэтому многие из них выработали у себя совершенно невероятную способность к голоданию. Вот некоторые цифры. Пещерный рачок нифаргус жил в аквариуме без пищи два года; слепая рыба из Мамонтовой пещеры — также два года; в одной подземной лаборатории протей содержался в неволе 14,5 лет и последние 11 из них обходился без пищи. Зато когда есть пища — рачки и личинки насекомых, — те же самые протей могут съесть очень много.

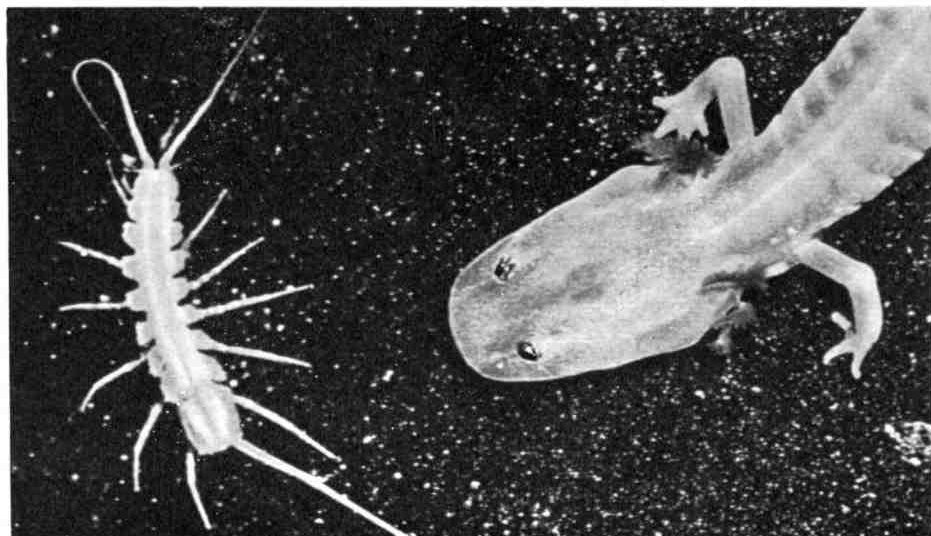
Воздух в пещерах насыщен влагой, и благодаря этому в какой-то степени стирается грань между водной и воздушной средой. Некоторые рачки из воды могут выходить на сушу, а иные жуки и многоножки нередко забираются под воду.

В пещерах нет ни зимы, ни лета; температура хотя и низкая, но она неизменна. Эти условия очень напоминают те, что существуют на дне глубоких океанских впадин. И удивительное дело: направления эволюции некоторых глубоководных и пещерных орга-

низмов совпадают! И там и там многие организмы теряют окраску и утрачивают зрение. У многих яйцекладущих видов и в пещерах и на дне океанов число яиц сокращается — порой всего лишь до одного, но яйца становятся очень крупными, богатыми питательными веществами. Не случайно у некоторых обитателей пещер — рыб и ракообразных — ближайших родичей находят именно на дне океанов.

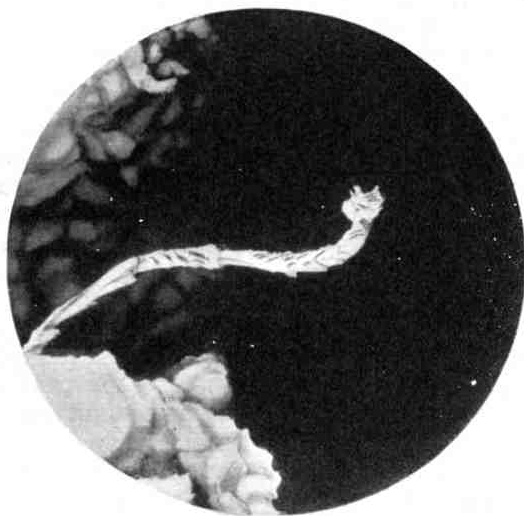
Как перешли животные от жизни под солнцем к существованию в вечной тьме! Ученые открыли несколько путей такого перехода. Оказалось, что предки многих пещерных жуков, пауков, многоножек когда-то жили в лесной подстилке; под слоем опавшей листвы тоже нет света, там очень влажно, а колебания температуры гораздо меньше, чем на открытом воздухе. Когда климат на Земле менялся, обитатели подстилки перебирались в пещеры. При похолодании уходили в пещеры и животные, жившие во мху и дуплах.

Водная фауна пещер происходит и от морских жителей, и от пресноводных. Особенно часто в пещеры перебирались такие виды мелких водных беспозвоночных, которые населяли песчаные отмели и пляжи. Поэтому большинство водных троглобионтов — донные и придонные виды.

Встреча под землей: слепая саламандра и пещерный рачок.

ГИПСОВЫЕ ЛАБИРИНТЫ

Просыпаюсь сразу — как будто кто-то позвал. Темнота. В ней красная точка, огонек почти погасшей карбидки. Далеко вверху, в стороне входа, сероватое пятнышко дневного света. Значит, уже день. Мои часы, забитые кызылкумской пылью, давно лежат без движения в кармане рюкзака, да и к чему они под землей? Лишь бы не сбиться в счете дней.

Я в нижней части огромного «вестибюля» Карлюкской гипсовой пещеры. Она огромна и запутанна, ее длина приближается к четырем километрам. Гигантская осыпь — завал, в уголке которого я разбил лагерь, — ведет на глубину ста метров, и там начинается сложный лабиринт залов и ходов.

Откручиваю вентиль карбидки; слышно, как булькает внутри вода. Глеющий огонек разгорается, из темноты выползает уходящая вверх отвесная стена и нагроможденные вокруг скальные блоки. Небольшая площадка моего лагеря — чуть ли не единственное ровное место в этом каменном хаосе. Сейчас я не

очень четко представляю, как вчера тащил среди этих глыб почти пятидесятикилограммовый рюкзак с аппаратурой, провизией, карбидом и водой.

Влажный воздух со сна кажется прохладным. Торопливо завтракаю тушенкой, запивая ее водой из очередной фляги. Можно было бы вскипятить кружку чая на карбидке, но это слишком долго. Зря не взял с собой сухого горючего: на десятке этих белых таблеток в несколько минут закипает литр воды.

Плотно набиваю маленький рюкзак. Два фотоаппарата, с цветной и черно-белой пленкой, горный компас, спички, свечи, батарейки, сверток с карбидом, сахар, пробирки, фляжки с водой, кусок хлеба, еще раз спички, пленка... Сверху подвязываю два маленьких штатива. Заливаю воду в резервуар карбидки, на шею вешаю фонарик. Кажется, ничего не забыл. Осторожно спускаюсь по пыльным каменным глыбам — между ними провалы. Потолок уходит вверх, впереди огромная арка. Вхожу под нее, передо мной

широкий зал, даже не зал, а просто пустое пространство, стен не видно. Направо чернеет вход, и туда бежит хотя и неясная, но все же тропинка. Спускаюсь по ней. Через метров десять начинается заколдованный лес.

Он бесконечен и дремуч. Переливаясь ледяными огнями, топорщатся колючие еловые лапы, белый сверкающий иней покрывает землю, сверху свисают граненые сосульки. Лежат запорошенные снегом, поваленные стволы, торчат белые пни — странные, полые внутри. Тишина абсолютная — такая, какой никогда не бывает на земле. Пещерная тишина. От зимней белизны невольно становится прохладно, хотя знаешь, что это не снег и не лед, а кристаллы гипса и что температура здесь зимой и летом одна и та же — около двадцати градусов тепла.

Очень много интересного рассказал мне об этой пещере Султан Ялкапов, молодой геолог с расположенного неподалеку рудника. Он бывал в пещере десятки раз, помнил наизусть все ее переходы и знал о ней, наверно, больше, чем кто-либо другой.

Карлюкская пещера возникла не по правилам, совсем не так, как большинство карстовых пещер. Ведь она лежит в толще нерастворимых пород, и тот гипс, который образует причудливые деревья, цветы и люстры, не всегда находился здесь. Когда-то он был расположен гораздо выше, и слой его был огромен — несколько сотен метров. Но шло время, росли горы, монолитные слои основной породы трескались и разламывались от землетрясений; возникали подземные пустоты. А слой гипса тем временем размывался дождями; насыщенная гипсом вода стекала вниз по трещинам, отстаивалась в подземных коридорах, и гипс выпадал из раствора, покрывая стены и потолки сверкающими белыми кристаллами. Потом климат изменился, стал суше — вода ушла из пе-

щеры. В течение тысячелетий завершали ее отделку капли и струйки воды, стекающие со сводов. А потом робко и осторожно вошел сюда первый человек, высоко подняв над головой пылающий факел — так же как сейчас я поднимаю вверх карбидку.

Ухожу все дальше по широкому тоннелю. Под ногами хрустит белый песок. В стороны отходят ходы, лазы и тупики; вдоль тропы тянутся десятки истлевших нитей и шпагатов — это следы людей, побывавших здесь раньше. Боясь заблудиться, кто-то даже тянул за собой струнную проволоку. Здесь мало резких спусков и повышений, нет колодцев. Только через несколько лет ашхабадские спелеологи сумеют подняться в одну из виднеющихся наверху «органных труб» и откроют ходы второго этажа пещеры.

Постепенно тропа исчезает, и я оказываюсь в центре сложного переплетения ходов. Над головой серая скала, с которой давно уже осыпалась гипсовая корка. Куда идти? Достая компас. В его футляре — сложенный во много раз лист кальки, план пещеры, сделанный группой московских спелеологов. В этот лист бумаги вложен огромный труд, его размеры и сложность может понять только тот, кому приходилось самому вести такую съемку, протаскивая мерную веревку через щели и дыры, делая засечки по огоньку свечи, складывая пикеты и записывая отсчеты измазанными в глине пальцами. И теперь я вижу, как путаница ходов, залов и коридоров складывается в сложную систему переплетающихся друг с другом колец — картина не очень обычная для гипсовой пещеры. На плане — сотни цифр. Каждая цифра — пикет, в ней прижатая камнем бумажка с тем же номером, что и на карте. Имея компас и такую карту, невозможно заблудиться даже в самом дальнем углу каменного лабиринта.

Я около пикета 256. Налево должен быть отнорок — аппендикс, заглядываю в него. Коридор как коридор, только понемногу спускается вниз. У входа какой-то белый наплыв на полу; случайный поворот света — и передо мной возникает гипсовый кенгуру. Присев на задние лапы, животное любопытно подняло голову и оттопырило длинные уши; кенгуру весь искрится белыми кристаллами, а поза его настолько жива, что хочется погладить зверя или покормить его камешками.

По пути в другой аппендикс — новое пещерное диво. Я шел, прилежно глядя под ноги, ибо только что споткнулся и набил шишку. И вдруг от стены отделилось огромное существо с высоким крупом, покатою спиной, мощными колоннами ногами, длинной вытянутой вперед шеей и маленьким свиным хвостиком. Высотой метров в шесть, до по-

толка. Вот это зверь! А освети я его с другой стороны, мог бы просто пройти мимо, ничего не заметив. Зверь исчез бы, слился со стеной...

Как бы его сфотографировать?

Конечно, надо дать основной свет — вспышек десять от аппарата; контуры выделить боковым светом слева. Но не хватает еще чего-то, какой-то мелкой детали, какого-то штриха.

Я отошел в сторону и еще раз пригляделся к «натурщику». Как хорошо, что он неподвижен, что никто не подгоняет и не тормозит меня и можно обдумать кадр не торопясь. Шея чудовища вытянута, как будто оно к чему-то присматривается. Да ведь оно хочет понюхать свечу! Я поставил ее перед зверем — как будто движение прошло по его телу, и на мгновение мне показалось, что гипсовый ящер оживает. Все. И больше мудрить не нужно.

Чем кормят каменных кенгуру? Наверное, камешками?

Я бродил по пещере. Ее тоннели казались бесконечными. Порой они были наполнены мавританскими башенками, решетчатыми воротами и огромными белыми кипарисами, уходящими в гулкую темноту. Порой они были пусты и строги, сверкая только голубоватой белизной стен. А порой белизна эта была осквернена. Огромные, черные, корявые буквы вещали, что здесь были Ысак Таштемиров и Ф. Сконодобов. Черная копоть на гипсовом инее.

Все дни, что я бродил под землей, эти фамилии преследовали меня. Они — без преувеличений — сотни раз повторялись на стенах, изумляя дремучей, тупой старательностью их владельцев. И если Таштемиров был явно не очень грамотен — где-то у выхода попалась его надпись, радостно извещавшая, что дальше будет «волный воля», — то Сконодобов, личность утонченная, порой расписывался даже латинскими литерами.

Но бывали в Карлюке и другие люди. Их записки — как пожатие теплой руки, и когда я находил их, совсем не так уж одиноко казалось в пещере.

В одном из дальних коридоров, аскетически строгом, почти не украшенном натеками, на верхушке маленькой хрустальной елочки лежал кусок коробки от папирос; на нем карандашные буквы: «Это было 21.IX.31, нас шестеро», и слова о восторге и красоте. В другом месте, на скальной полке, я нашел тетрадь — это была целая «домовая книга» с десятками фамилий, стихами, шутками, а рядом карандаш. Пропущен в этой книге и я.

Вообще находки в пещере случались занятные.

Немного ниже лагеря, в углублении между глыбами, валялась бухта толстенного — двухдюймового — пенькового троса. Кто и зачем его сюда заволок? Не затем же, чтобы отмечать путь за неимением ниток?

В одном из коридоров лежала книжечка билетов московского метро, почти совсем истлевших. А однажды я нашел у тропы новенькую карбидку, она была заправлена и залита водой, оставалось только прочистить горелку и зажечь, что я и сделал.

Первый день в пещере кончался. Сколько часов я брожу? Нахожу пикет, определяюсь и плетусь домой, мечтая о спальнике.

Когда добрался до лагеря наверху, на моих «часах» у входа не было ни проблеска света. Но было ли десять вечера или четыре утра, этого я так и не узнал.

Снова утро. Промокшая от пота рубаха, повешенная вчера сушиться, по-прежнему мокра. Даже здесь, в привходовой части, влажность близка к ста процентам. Хорошо еще, что тепло. В крымских пещерах, где температура редко превышает пять — семь градусов, я бы уже давно стучал зубами.

Позавтракав, принимаюсь за поиски насекомых. С пробирками и пинцетом в кармане брожу по скользким и влажным глыбам у конца спуска. Но мне упорно не везет.

Карлюк очень беден жизнью; здесь нет подземных рек и ручьев, заносающих органические остатки, и очень мало летучих мышей, за счет гуано которых живет так много пещерных обитателей. Живые существа встречаются только на гигантской привходовой осыпи. Ближе ко входу гнездятся дикие голуби, на сводах нижней части спуска — летучие мыши.

Но в конце концов мне улыбнулась удача. Я лез через скалы недалеко от лагеря и увидел — по камню бежит жук. Темно-коричневый, почти черный, со странными желобчатыми надкрыльями, покрытый редкими, тонкими и нежными волосками. Был он миллиметров восемь в длину, не больше. Когда я поднес фонарик поближе — жук помчался

рысью, пытаюсь скрыться от ненавистного света, но было поздно, через секунду он уже сидел в пробирке. Вскоре туда попал и второй. В Ленинграде их определили: это оказались довольно редкие чернотелки из рода лептодес, обитатели трещин в скалах, нор и пещер. Но сколько ни искал, я нашел только двух жуков. Может быть, это был «неурожайный» на лептодесов год?

Зато я нашел еще что-то, и, хотя об этом «что-то» читал и слышал раньше, находка все равно была неожиданный и радостной.

А случилось это так. Серо-желтые камушки, раскиданные повсюду, были того же цвета, что и огромные слагающие осыпь глыбы. Они не привлекали внимания, пока я не увидел на одном из них волнистую полосу. Подношу карбидку, и на переливающимся, как муаровая лента, изломе возникают нежные, паутинно-тонкие слои. Медовые, почти красные тона сложнейшей гаммой переходят к белому. На другом обломке зеленовато-белые полосы чередуются с серыми, розоватыми, янтарными, напоминая агаты и сердолики, которые волны выбрасывают на берег у стен Карадага.

Это был мраморный оникс, камень таинственный и великолепный. Он добывается у нас в Закавказье. Москвичи могут любоваться им на станции метро «Киевская». Но геологи и геохимики давно уже были убеждены, что есть он и в Средней Азии. Ведь добывали же его во времена Тимура — им украшена внутри мечеть Гур-Эмир, где похоронен великий завоеватель. Но где месторождения этого минерала? Никто не мог предполагать, что огромные, бесформенные глыбы известняка в привходовой части Карлюка одеты толстой коркой мраморного оникса. Покрытый слоем окислов, оникс был незаметен, пока однажды кто-то не взял молоток и не отколот камень...

С настоящим ониксом — твер-

дым минералом, немного похожим на агат,— мраморный оникс схож только внешне. Собственно, мраморный оникс — это просто кальцит, отлагавшийся очень много лет; слои его окрашены различными примесями, находившимися в воде. В один год преобладала одна примесь, в другой — какая-то иная. И поскольку оникс — это кальцит, то его можно найти и в некоторых кальцитовых пещерах. В пещере Кап-Котан, или Новый Карлюк, найденной Султаном Ялкановым в нескольких километрах от Старого, ведется теперь промышленная разработка оникса.

...То разгораясь, то пригасая, посвистывает карбидка. Хмурые скалы озаряются светом фотовспышки: я снимаю обколотые глыбы оникса. Времени мало, время торопит. Давно погасло серое пятно сверху — «часы» мои показывают ночь.

Перед сном приготовления к самой тяжелой работе и поиски, бесконечные поиски. Нигде вещи не теряются так, как в пещере. Ищешь, например, запасные лампочки; перерываешь весь рюкзак, все карманы, все коробки, а они лежат рядом, в глубокой тени под самой карбидкой.

И еще одно свойство пещеры. Все делается там, как при замедленной киносъемке; на каждое, самое простое дело уходит втрое больше времени, чем на поверхности. Даже мысли, кажется, плетутся медленно и неторопливо. Пусть ты уже привык к темноте, и она тебя больше не беспокоит, но незаметно для тебя она влияет на твой организм, делая тебя медлительным, нерешительным, немного апатичным. У темноты много хитростей и секретов, здесь постоянно надо быть настороже...

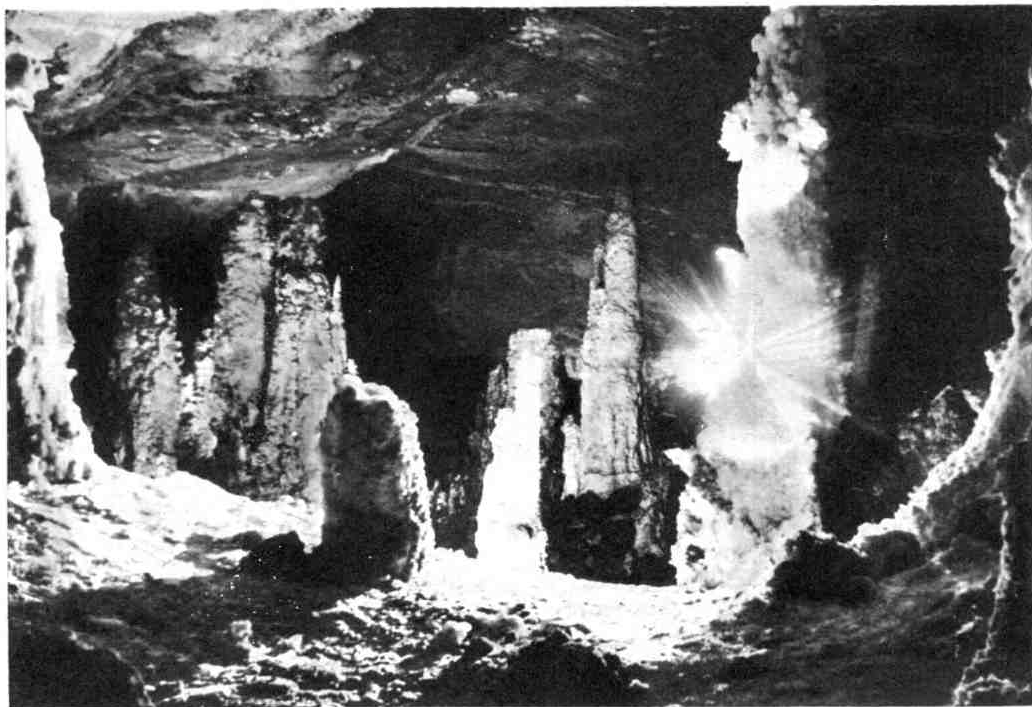
Утро (или день, кто его знает!). Вчера вечером выпил последнюю флягу. Складываю в рюкзак гору бутылок — принесенных с собой и найденных в пещере. Придется потерять полдня, а что делать? Без во-

ды и под землей нельзя, а уходит она очень быстро. В день выпиваю не меньше четырех литров, да еще «пьют» карбидки.

Правда, вода есть и в пещере — в двух-трех местах она капает со сводов, а недалеко от привходовой части во влажные годы набирается даже маленькое, в метр шириной, озерцо, где можно ее зачерпнуть. Но вода эта горькая, насыщенная гипсом. Мне пришлось ее пить, когда через несколько лет я снова побывал в Карлюке. Хоть и сдабривал я ее чаем, сахаром, лимонной кислотой, пить ее можно было с трудом, как горькую микстуру. Но делать было нечего — пил...

Итак, надо идти за водой. Вылезаю наверх — долгий и сложный путь по глыбам, покрытым серой пылью. Снаружи воздух обжигает лицо, глаза болят от непривычного света. Солнце, увы, уже высоко.

Быстро спускаюсь к ферме, до нее километров пять-шесть. Глинобитные помещения для скота, заросший тростником ручей, несколько юрт; навстречу выбегает куча детворы, приглашают хозяева и приглашают отдохнуть. В застеленную кошмами юрту набивается человек пятнадцать. Мужчин нет — все на пастбищах; здесь только женщины и дети. Все веселы и оживленны, то и дело раздается смех и непонятные мне шутки — боюсь, что по моему адресу. Одна из девушек понимает немного по-русски; все сочувственно охают, узнав, что я уже два дня сижу под землей. «Инжинир, геолог?» Объяснять слишком долго и сложно — пусть будет геолог. «На чем еду варишь?» Удивляются и сочувствуют, узнав, что не варю. Конечно, спрашивают про семью — достаю фотографию дочери, закутанной, похожей на медвежонка, на

Гипсовый лес Карлюка.

фоне замерзшей Невы. «Ой, как холодно! У нас лучше!» Тем временем расстилается пестрый платок — дастархан, и на нем возникают всякие вкусные вещи, и было их много.

...Сначала чай и кислое молоко с лепешкой. Потом жареное мясо. Потом чай, бесконечное количество пил зеленого чая. Снова мясо. Опять чай. Хозяйки сочувственно покачивают головами, видя мой аппетит.

Только после полудня, по самой жаре, я поволок наверх свои бутылки и фляги, наполненные холодной и чистой родниковой водой.

И вот снова пещера — уже привычная и обжитая, как свой дом. Добравшись до лагеря и немного передохнув, отправляюсь на съемку. Под ногами хрустят кристаллы. Карбидка светит длинным, голубым языком огня; на ходу он загибается, как кривая сабля. По стенам мечутся огромные тени, в углах затаилась темнота.

Выбираю группу «деревьев» живописнее, расставляю штативы. Ставлю выдержку «В», нажимаю на тросик и завязываю его узлом. У моих камер нет приспособления для длительной съемки, и это один из простейших способов оставить затвор открытым надолго.

Начинается самое главное. Выключаю фонарь. Теперь я могу безбоязненно проходить перед объективом — для него я невидим. Укрываюсь за огромным белым пнем, готовлю вспышку, закрываю глаза; сквозь веки — голубой отблеск. Еще и еще освещаю зал.

Перехожу ближе к аппаратам. Метрах в четырех перед ними — огромная белая колонна, до сих пор на нее не упал ни единый лучик света. Становлюсь между ней и аппаратом, направляю на нее рефлектор. Всплеск света. Все. Закрывать затвор. И если я ничего не упустил, то на фоне вычурных белоснежных украшений в кадре окажется силуэт человека. Как-то, снимая большой зал

в одной из крымских пещер, я использовал тот же фокус и наделал снимок десятками привидений. Сквозь человеческие фигуры ясно просвечивали сталагмиты — ведь, уходя с каждого места, я хотя бы немного подсвечивал его последующими вспышками.

Теперь надо отыскать и снять каменную решетку. Кажется, она была недалеко от «леса»... Минут через десять мой фонарик высвечивает это причудливое сооружение. Три стоящих в ряд сталагмита удивительным образом спаяны с горизонтальным каменным бревнышком, образуя правильную геометрическую фигуру, немного напоминающую крест. Эта решетка едва не погибла на моих глазах — во время экскурсии ашхабадских геологов, с которой я в первый раз попал в Карлюк. Какой-то парень начал крушить ее молотком. Я схватил его за руку; он был искренне удивлен: «Почему нельзя? Мне образец нужен!» Десятки, сотни «образцов», отбитые и брошенные его предшественниками, валялись во всех концах пещеры...

Недалеко от решетки мне попадает каменная колонна, настолько истончившаяся у основания, что в ней образовались две большие дыры. Заглядываю внутрь: гладкая труба опускается метра на два ниже пола. Ставлю внутрь горящую свечку: тонкий гипс просвечивает, и колонна загорается тусклым красноватым светом. Как бы обыграть на снимке эту пустоту? Расставляю аппараты, прячусь за колонной и просовываю в нее руку с рефлектором. Несколько вспышек изнутри, несколько — сзади, по контурам. Под локтем очень неудобно лежит кусок гипса, но менять позу боюсь — еще вылезу в поле зрения аппарата, и будет на снимке из-за колонны неведомо зачем торчать рука или нога.

Потом я иду в большой зал южного аппендикса — тот, где обитает

гипсовый ящер. Тропа, петляя между каменных елей, ведет круто вниз. Одна елочка выбежала на ровное место и очень эффектно рисуется на фоне темноты. Совсем новогодняя елка, не хватает только свечей и игрушек. А что, если?..

Достаю нож и рожу свечи на коротенькие — в сантиметр — обрубочки. Через несколько минут елка залита теплым розовым светом. Снимаю ее, для верности подсветив вспышкой. Интересно, получится ли?

Перетаскиваю штативы на новое место и пытаюсь сфотографировать всю перспективу стометрового зала — коридора. Это требует терпения. Вспышка за вспышкой; перехожу от одного укрытия к другому; батарейки подсели, промежутки между вспышками доходят до нескольких минут. И тишина, бесконечная и абсолютная. И время от времени — странный шелест, как будто проносящийся по залу.

Когда я услышал его в первый раз, решил — вот началось чертовщина. Сначала слышишь шорохи, потом начинаешь их видеть, а потом тобой интересуются психиатры. Но шелест повторялся раз за разом, и совсем не тогда, когда вслушивался в тишину. То во время тяжелой работы, когда совсем не до галлюцинаций, то в момент, когда я прицеливался аппаратом в какой-нибудь особенно красивый кристалл. Постепенно этот летящий через зал, какой-то звенящий шелест стал восприниматься как реальность, от состояния моих нервов не зависящая. В чем его секрет — не знаю до сих пор.

Что же касается чертовщины, то в конце концов появилась и она. Я сидел на обломке сталагмита посредине широкой и пустой площадки и писал, подсвечивая себе фонариком, когда почувствовал, что кто-то на меня смотрит. Подумал: «Что за чепуха!» — и продолжал писать, но в конце концов не выдержал и

оглянулся. В двух шагах за моей спиной стоял гипсовый столбик, похожий на сгорбленного человечка. Стоял и любопытно заглядывал мне через плечо. Я готов был поклясться, что, когда садился, его тут не было.

Конечно, если работаешь в пещере один, нервы ведут себя не совсем так, как положено. Все время ты напряжен и сосредоточен, ведь опасность может возникнуть только по твоей собственной вине, и нужно постоянно быть настороже, проверяя каждый свой поступок. В результате почти физически устаешь от нервного напряжения.

Да, пещера — не место для одиночек. Спелеологические правила просто-напросто запрещают уходить под землю меньше чем вчетвером. В советском туризме и альпинизме походы и восхождения в одиночку тоже воспрещены. Но это касается туризма, а не исследовательской работы. Нам, зоологам, в своих экспедициях нередко приходится работать в одиночку иногда по несколько дней, а порой неделями. К одиноким странствиям привыкаешь и перестаешь считать их чем-то особенным; вырабатывается опыт, обостряется осмотрительность и осторожность. И когда за плечами добрый десяток экспедиционных лет — пожалуй, не так уж опасно одному спуститься под землю и работать в пещере, имея ее план, зная, что не случается в ней ни обвалов, ни наводнений, а самое главное — предупредив друзей, куда и на сколько времени уходишь.

Один зал, другой, третий. Желтое пламя карбидки смешивается с солнечным блеском вспышек; это должно эффектно выйти на цветной пленке. Но я и представить себе не мог, каким адским красным пламенем они будут озарены на проявленных кадрах.

И вот я добираюсь до самых дальних участков пещеры. Сюда нет

тропы; мало кто заползал в этот тупик, потолок которого все понижается и понижается, который не манит пещерных грабителей эффектными гипсовыми канделябрами. Здесь приходится то проползать через узкие щели, то карабкаться по глыбам, покрытым тысячами острых шипов. Тяжелый воздух, кажется, осязаем; свитер липнет к телу. Все чаще лежу и отдыхаю. Но карбидка горит ярко, значит, в воздухе нет углекислого газа: можно лезть дальше. На стенах все чаще появляются витые кристаллы, похожие на обрывки стружек. Это гелектиты, пещерные цветы.

Левая сторона тоннеля резко понижается. Она выглядит как длинная темная щель, бегущая вдоль пола. С трудом пролезаю в нее, вытянув вперед руку с фонариком, и вижу, как в белом, бесстрастном свете блещут россыпи драгоценностей. Вопреки закону земного притяжения завиваются тончайшие гипсовые волоски, образуя перья, кружева, ажурные сетки. Топорщатся пучками щупалец крохотные каменные актинии, неподвижно застыли веточки кораллов, а рядом — огромные зеркальные грани кристаллов, в которых отражается мое лицо. И куда ни глянь — заросли фантастических цветов, не снившихся ни одному садовнику. Но вся эта ажурная красота настолько хрупка, что вынести ее отсюда практически невозможно.

Как-то крымские спелеологи при мне пытались вынести из пещеры причудливый спиральный гелектит; если бы это удалось — он занял бы почетное место в витрине музея. Казалось, все было предусмотрено; при подъеме по тросовым лестницам его приходилось нести в губах. Но ударил порыв ветра — и каменная пружина рассыпалась...

Достаю аппараты. Это единственный способ унести отсюда хоть частицу колдовского великолепия.

Внезапно я вижу такое диво, что совершенно теряю чувство реаль-

ности. Из косой дыры в стене тянется в сторону нечто вроде плавно изогнувшейся змеи длиной больше полуметра. Поверхность ее отликает серебром и матовым инеем; конец похож на приоткрывшийся бутон. Змейка надежно укрыта выступом скалы от всяких будущих лихих людей; но он же не позволяет отодвинуться, чтобы сфотографировать. Неловко повернувшись, провожу макушкой по хищно изогнувшемуся каменному зубу. Приходится достать бинт, значит, не зря таскал его в сумке целый месяц. Неуклюже обматываю голову; тесно, локти деть некуда. И в этот момент наконец замечаю желанную точку для съемки.

Выйдя из аппендикса, я нахожу гелектиты иной формы. Это друзья прозрачных голубоватых кристаллов, сверкающие будто отполированными гранями. С их острых кончиков свисают капли воды. Эти кристаллы живут и растут, через несколько десятков или сотен лет они станут похожи на свисающие с потолка причудливые гипсовые люстры. Пока же вся «люстра» могла бы уместиться у меня на ладони. Ловлю капельку в кадр — и, кажется, мне удается нажать на спуск как раз в тот момент, когда она отрывается от кристалла.

Так через видеокапельницу аппарата, среди каменных цветников проходит вечер и, наверно, изрядная часть ночи. Потом возвращаюсь в лагерь и проваливаюсь в сон. Без всяких страхов и кошмаров.

В поисках, находках и работе прошли четыре дня. Когда снова кончилась вода, я двинулся наверх. Был поздний вечер или ночь, и спавшие на уступах голуби испуганно шарахались от света моего фонаря.

И вот — низкий, нависший выход и звезды за ним. Теплый ветер гладит волосы, по горизонту рассыпаны огоньки кишлаков, а наверху огромным фонарем висит луна. Никогда не любил я спать при лунном свете,

бьющем в лицо, но в эту ночь он был удивительно приятен. И так просто и легко было лежать под открытым небом и прислушиваться к далеким ночным звукам.

Проснулся я перед рассветом. Ветер хлопал полотнищем полиэтилена, на котором я спал; содержимое рюкзака разлетелось на добрых полста метров. В последний раз я посмотрел на черный провал входа и начал спускаться к равнине. Вдали пылили машины, а за спиной из-за гор вставало солнце.

Оборудование для фотосъемки в темноте

Съемка в пещерах совсем не похожа на обычную съемку. В пещеры не проникает солнечный свет и приходится снимать при искусственном; зато пещерная съемка не обязательно должна быть моментальной, аппарат может целыми часами стоять с открытым затвором. Поэтому даже довольно большой зал можно фотографировать, долго освещая его неярким светом.

С фотоаппаратом под землей случаются самые непредвиденные вещи. Он может удариться о стену, оказаться в воде, упасть в глину или песок. Поэтому следует выбирать достаточно прочную и дешевую камеру. К тому же достоинства дорогих аппаратов — высокие скорости затвора и светосильный объектив — под землей не так существенны, как на поверхности. Ведь в пещерах чаще всего снимают с большими выдержками и сильно диафрагмируя. Зато очень важно, имеет ли аппарат синхронизатор для импульсной лампы и постоянную выдержку (Д или Т), которая есть у аппаратов старых моделей — «Фотокор», «Турист» — и у некоторых иностранных.

Способ наводки на резкость при съемке пещерных пейзажей не имеет большого значения — обычно приходится наводить, пользуясь шкалой глубины резкости. При съемке отдельных натеков или работы людей в пещере удобнее всего наводка дальнемерным видоискателем; наводка камерой типа «Зенит» в полутьме пещеры очень трудна.

Для выбора кадра лучше использовать простые видоискатели — рамочный или оптический. Очень хорош зеркальный видоискатель камеры «Любитель», дающий светлое изображение. У этого аппарата неплохой объектив и хороший — простой и надежный — затвор. Такими же достоинствами обладает узкоплечная камера «Смена». Неплохо брать в пещеру два аппарата — для цветной и черно-белой пленки. Съемка ими нередко ведется одновременно — это экономит время и освещение.

Если у аппарата нет длительной выдержки — совершенно необходим тросик со стопором или какое-то другое устройство, позволяющее делать неограниченно долгие выдержки. У аппаратов с центральным затвором (к которым относятся «Смена» и «Любитель») ее можно производить, закрепляя провололочкой рычажок затвора. Хорошо иметь с собой штатив, но нередко его удается заменить обломками камней или сталагмитами.

Выбор источника света не менее важен, чем выбор аппарата. Самый удобный осветитель — это, конечно, электронная импульсная лампа.

Недостаток импульсных ламп — их чувствительность к влаге; нередко они просто отказываются работать в пещере. Чтобы этого не случилось, нужно поместить рефлектор с лампой в прозрачный пластиковый мешочек, тщательно заклеив его липкой лентой, а зарядное устройство с конденсаторами в другой прочно закрытый мешок из пластика или резины.

Большинство фотографий, помещенных в этой книге, сделано с помощью импульсной лампы «Чайка». Она легкая [около килограмма] и прочная; работает она на двух плоских батарейках. Их можно заменить серебряно-цинковыми аккумуляторами, которых хватает надолго. Мощность «Чайки» невелика, изменять ее нельзя.

Хороший свет для съемки в пещерах могут дать различные смеси алюминиевого или магниевого порошка с перманганатом калия (марганцовкой) или другими окислителями. Их рецепты приводятся в книге В. Илюхина и В. Дублянского «Путешествия под землей» [издательство «Физкультура и спорт», 1968].

ЛЕДЯНЫЕ ДВОРЦЫ ПИНЕЖЬЯ

Наш теплоход пробирался вниз по Пинеге — реке широкой, но удивительно мелкой. Судно, пытая, переползало через мели, от бортов шли в сторону усы рыжей, взмученной воды. Выйдя на относительно глубокую воду, оно развивало приличную скорость — и тогда начинался тупой деревянный грохот от расшвыриваемых в стороны бревен, которыми заполнена река. Теплоход ударял в них с размаху своим ободраным носом, обитым толстой броней из листовой стали. Порой при особенно сильном ударе казалось: вот-вот бревно влезет в кабину, как в кинофильме «Волга-Волга».

То и дело мимо нас, ловко обходя бревна, скользили длинные и узкие лодки с подвесными моторами. Их высокие, хищно загнутые носы как будто вспарывали воду. А однажды навстречу, сверкая радужным диском пропеллера, пролетел голубой почтовый глиссер. Мы видели в Пинеге пристань этих легких дюралевых суденышек; круглый год бегают они по реке — летом по воде, а зимой по снегу.

Река была непривычная и остановки тоже. Стоит на берегу старушка, машет суковатой клюкой. Теплоход разворачивается, подходит к берегу, матрос сбрасывает сходню — и плывет себе бабушка куда-нибудь до Усть-Пинеги или Кузомени.

Ко мне подходит Дима Сабуров.

— Приближаемся. Видишь обрывы? Это там. А чуть дальше село Березник.

Бело-розовые кручи светились, как будто озаренные восходом. Где-то в них притаились пещеры.

Пещеры Пинежья... Сколько времени искали мы никем не занятый, не застолбленный другими спелеологами пещерный район. Искали всюду — и на юге, и на западе, но кто мог предположить, что наша обетованная земля окажется на Севере, не очень далеко от Полярного круга, и что нам доведется изучать огромный и таинственный карстовый район в Архангельской области. Пещеры в тайге, где и гор никаких нет? Смешно!

А пока мы искали, на Аптекарь-

ском острове, в одном из зданий Ботанического института, еще неведомый нам аспирант Дмитрий Сабуров дописывал длинно озаглавленный документ — «Обоснование для обследования территории предполагаемого заповедника Пинежье».

Кончил, поставил точку. И понял, что без спелеологов ему не обойтись. Должны же быть они в Ленинграде!

А спелеологами в Ленинграде были мы.

Городской клуб туристов помещался в огромном полуподвале, разгороженном на комнаты, комнаты и клетушки; заблудиться в нем было очень просто. Я беспомощно тыкался в двери, пестревшие объявлениями — короткими и четкими, совсем как объявления об обмене квартир.

«Ищем попутчиков на Полярный Урал, разряд по туризму обязателен», «Ягноб и Фан-Дарья, горный маршрут на август», добрый десяток призывов к водным туристам — и вдруг: «Набирается группа в туристскую экспедицию на реку Сотку (район Пинеги, Архангельская область). Вторая половина августа — начало сентября».

Ого! Значит, дело решено?

Конечно, я опоздал, и, когда нашел нужную комнату, заседание уже началось. Докладчик, по слухам, был опытный таежник, месяцами в одиночку работавший в северных лесах, и я был немного разочарован, увидев за кафедрой не богатыря с медвежьими плечами и зычным голосом, а сутуловатого молодого человека, сугубо городского вида. Оратор он был явно неопытный, беспрестанно повторял «так сказать» и «это самое», но говорил он очень интересно.

Он рассказывал о том, что в Архангельской области на гипсовом плато Беломорско-Кулойского уступа сохранился крупнейший на севере Европы массив сибирской лист-

венницы, а по обрывистым берегам рек растут реликтовые растения. И здесь, на Пинеге и текущей рядом Сотке, существует уникальный карстовый рельеф — бесчисленное количество воронок, провалов, трещин, а где-то под ними должны быть пещеры. В литературе упоминается одна пещера — Медвежья. В середине прошлого века в ней побывал академик Шренк. До сих пор изучена только часть ее, немногим длиннее километра. Известна небольшая пещера с озером у берега Пинеги близ села Голубина. Считают, что в ней выходит на поверхность ручей, текущий от старинного Красногорского монастыря, поэтому пещера эта раньше славилась как «святая».

В этих краях, интересных для биологов и спелеологов, Архангельское управление лесного хозяйства собирается заповедать лесной массив. Но прежде чем приступить к организации заказника или заповедника, надо обследовать его территорию, провести геоботаническую и спелеологическую разведку. Такое обследование решили провести силами туристов.

— Если, это самое, найдутся желающие участвовать в этом деле, я берусь научить их делать геоботанические описания. Кроме того, здесь, кажется, есть какие-то спелеологи. («Какие-то!» Достопочтенный докладчик и не подозревал, как надолго он связался с ними в этот день.) Как будто их заинтересовал этот район. И я, так сказать, предлагаю следующее...

Теплоход наконец причалил, и мы сошли, но не на наш берег, а напротив, у села Вешкома. Через час к реке вышли люди. Вместе с ними мы столкнули на воду лодку и поплыли. Набегал волнами мелкий, теплый дождь, закрывающий даль. «Сей год погоды плохие», — рас-

суждает маленький старичок, утонувший в огромном брезентовом балахоне. А перед нами сквозь голубую мглу выступают розовые и желтые скалы, увенчанные короной елей.

Мы шагаем по плотному и мокрому песку, ищем пещеры, находим их — и они оказываются не похожими ни на что, виденное мною раньше.

Первая пещера оказалась небольшой. Собственно, это просто трещина в обрыве, размытая паводком, метров семь в глубину и три в высоту. Но была она похожа на коридор, высеченный в скале человеческими руками, — высокий, с узким и острым сводом, и каждый выгиб одной стены как зеркало повторяла другая. Розоватые стены были покрыты лунками, похожими на мелкие окаменевшие волны, и в этих волнах поблескивали белые звездочки кристаллов ангидрита. Наверху, в узкой щели свода, был заклинен обрубок бревна — высоки же здесь должны быть весенние разливы!

Немного дальше мы нашли уже вполне приличную по величине пещеру. Начинаясь она таким же высоким, сужающимся кверху коридором; он привел нас в небольшой зал, где повеяло влажным зимним холодом, и в лучах фонариков за сверкал прозрачный голубой лед. Ледяная горка, обросшая круглыми, приземистыми сталагмитами, а за ней, в следующем зале, — подпирающая потолок ледяная колонна в метр толщиной и ажурная ледяная занавесь.

Сейчас у нас не было времени осматривать все пещеры до конца, мы только вели разведку, зная, что еще вернемся. Вернулись мы через две недели, уже привыкшие к неожиданной красоте северных пещер, если к красоте можно привыкнуть. И все-таки нас изумила эта пещера. Мы разглядывали свод в одном из ее залов: он был из голу-

бого, прозрачного льда, ровного и гладкого, как потолок в комнате. Как будто какой-то шутливый великан залил пещеру водой, заморозил, а потом перевернул ее вверх дном. Промерив высоту этого потолка над уровнем реки, мы нашли отгадку. В высокие паводки пещера заливалась рекой почти до самого верха. Стены ее — промерзшие, заледеневшие на зиму — действовали как огромная холодильная камера. Вода покрывалась толстым слоем льда, а когда уровень ее понижался, лед так и оставался на сводах.

Поразил нас и другой, самый дальний зал. Мы забрались в него при свете последнего неяркого огорчка и увидели свисающие с потолка гирлянды шестигранных ледяных кристаллов, в которых тысячами желтых огней мерцала наша свеча. Кристаллы были огромны, в ширину ладони, не знаю, бывают ли такие даже в знаменитой Кунгурской пещере на Урале...

Но это было потом, когда, не уставая восхищаться, мы назвали эту пещеру Зимней Сказкой. А сейчас, резво скатившись с ледяной горки, мы с Димой вышли наружу, к теплomu летнему ветру.

Почти все входы береговых пещер выглядели одинаково — высокие арки с острым, переходящим в щель сводом. Когда-то здесь были просто трещины, но в каждый паводок вода Пинегы, проникая по ним в глубь массива, растворяла гипс. Нижнюю часть скал она омывала долго, и растворение здесь шло гораздо сильнее, чем сверху, куда вода доходила только в самые высокие разливы. Этим и объясняется необычная форма, симметричность коридоров.

Мы поместили стены некоторых пещер несмываемой краской, а через два года эти метки выступили из камня, стали рельефными, потому что гипс вокруг них растворился на несколько миллиметров. По это-

му можно было судить, как быстро образуются береговые пещеры в гипсах, как молоды они по сравнению с кальцитовыми пещерами Крыма и Кавказа; те возникли за сотни тысяч лет, а пинежские за несколько столетий.

Была в этих пещерах какая-то строгая, упорядоченная и в то же время таинственная красота. Правильность их очертаний, сглаженность стен напоминали готические замки. И поэтому одну из самых красивых пещер Пинеги мы назвали Северная Готика. В ней особенно гудки и высоки коридоры, причудливы уходящие вверх каменные трубы, а голубой гипс ее похож на мрамор.

Но вот разведка окончена и остается ждать. Каждый день ходим мы на аэродром, но туманы держат самолет в Архангельске.

В конце концов выдалось прозрачное, светлое утро — и экспедиция прилетела. Семнадцать человек, в том числе четверо спелеологов. Эдуард Гольянов — невысокий крепыш, вдумчивый и дотошный, никогда не бросающий работу недоделанной. Володя Голубев — русский, коренастый, крепко сколоченный; в секции его любят за спокойный, рассудительный характер и золотые руки. Другой Володя, Демченко, — непоседливый, увлекающийся, но в то же время очень себе на уме паренек. Люда Волкова — будущий гидрометеоролог, веселая и работающая.

В туристской группе люди были разные, друг с другом почти не знакомые. Студенты, учителя, рабочие — бывалые туристы, проводящие каждый свой отпуск с рюкзаком за спиной.

Закончив ознакомительные занятия по геоботанике, Дима повел свой отряд через тайгу к далеким Красным Горам. Осталось несколько человек, гордо называвших себя авиационным отрядом. Это трое спелеологов — Гольянов, Володя Го-

лубев и я. Это Женя, студентка-ботаник из Петрозаводска, которая совершенно случайно заехала в Пинегу, узнала о нас и не меньше часа упрашивала Сабурова взять ее в экспедицию. Что она нам будет полезна, было ясно с самого начала — в ботаниках мы очень нуждались; но Дима для солидности долго ломался и куражился, прежде чем соизволил согласиться. Пока Жене поручили обязанности повара. Еще с нами остался турист Леня, сильный парень, умеющий работать с топором. И наконец, пес Гуляш, экспедиционер по профессии. Вернувшись из тайги с одной группой туристов или геологов, он незамедлительно подыскивает другую и живет припеваючи на казенных харчах.

Раннее утро, пустынный пинежский аэродром. Сейчас здесь находится только один «борт» — маленький вертолет лесной охраны «МИ-1», вмещающий трех человек и килограммов пятьдесят груза. На сегодня он наш. На земле свалена куча рюкзаков, мешков и картонных коробок — все это нужно забросить на базу вместе с нами.

Первый рейс налегке, без багажа. Володя и Леня, взяв пилу и топоры, прыгнут с зависшего вертолета на молодую поросль и за три часа «побреют» ее, подготовив посадочную площадку. Тогда полетят все остальные и багаж.

— Ничего с собой не брать, только ватники, — распоряжается пилот. — В случае чего, заброску провизии всегда организуем.

Запасливый Володя все-таки сует за пазуху полбуханки хлеба и банку тушенки. Полет до Красных Гор и обратно — час, не больше. Когда он прошел и машина не вернулась, мы начали беспокоиться. Медленно тянулся второй час, потом третий. Может быть, на контрольной вышке что-нибудь знают? Иду туда. В небольшой, заставленной приборами комнате тревожно частит морзянка.

— Вертолет? Не ждите его, ребята. Нет-нет, никакой аварии, выброска прошла успешно, только потом его завернули на Карпогоры.

— Почему завернули? Кто?

— Все машины сняты с заданий. Геолог потерялся, третий день ищут.

Вот это номер... Поиски пропавшего — дело святое, но они могут продлиться и пять дней, и больше, а наши ребята сидят у черта на куличках без еды и спальных мешков. Конечно, ничего с ними не случится, через три дня выйдет к ним Сабуров, но ведь провизии и у него в обрез. Если нам не вернут вертолет, предстоит голодный марш в Пинегу, а это значит — экспедиция срывается.

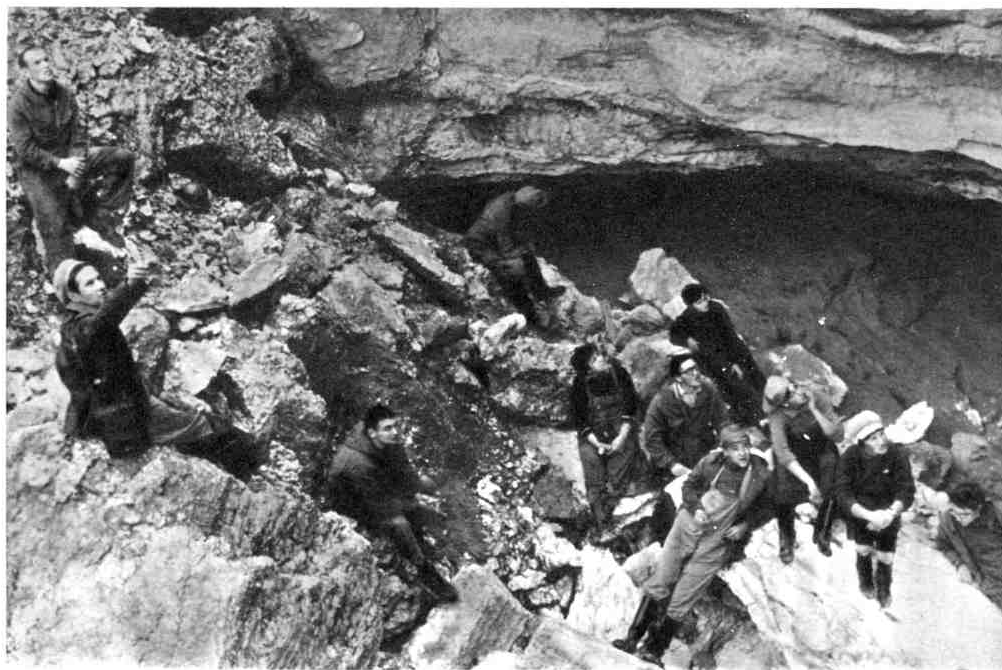
Мои мрачные мысли перебивает чей-то неунывающий басок из приемника.

«Я — борт шестьсот восемь», нахожусь в двенадцатом квадрате. Людей нет, но подо мной сразу

пять медведей. Может, они геологом закусывают?»

Часа через два мне удается связаться с командиром авиаотряда; он обещает вернуть вертолет завтра, но нашего заводного летающего жука мы не увидели еще три бесконечно долгих дня.

Это были невеселые дни. С утра до вечера я сидел на вышке, звонил начальству земному и небесному, объяснял, доказывал, убеждал. Все соглашались — да, безобразия, люди брошены в тайге, мы разберемся, примем меры, распорядимся, ждите. И мы ждали. А поиски шли где-то далеко, у границ автономной республики Коми. Десятки машин были сняты с работы, срывались графики работы нескольких экспедиций — и все из-за одного легкомысленного парня, рабочего геологической партии, который впервые оказался в тайге и отошел от лагеря пострелять рябчиков.

Занятия у входа в Голубинскую пещеру.

На четвертый день утром прибежал дежурный с вышки.

— Летят! Пакуйте вещи!

Запаковывать было нечего, все давно готово. Погрузка шла три минуты. Коробки — в багажник, рюкзаки — в кабину, рядом с Женей, держащей на коленях кастрюльку с супом и увесистый узел с бутербродами.

— От винта!

Лопасты раскручиваются, превращаясь в голубой сверкающий диск...

Через час машина возвращается.

— Ну как? — бросаемся мы к пилоту.

— Порядок! Ели малину и смородину, закусывали печеными грибами, спали в зимовье, есть там такая маленькая избушка. Грузитесь скорее, время не ждет.

Этим рейсом летят Гольянов с Гуляшом; закутанный с головой в ватник пес нервно поскуливает. Через час наступает моя очередь. Кабина забита до отказа. Под ногами рюкзаки и мешки с сухарями. Пилот садится на свое место, раскручиваются лопасти, и отбегает, пригнувшись, механик. Аэродром медленно поворачивается вокруг нас и уходит вниз, и вместе с ним уходит напряжение этих трех суток. Теперь-то уж все в порядке, летим...

Сквозь тонкое оргстекло смотрю вниз, на рыжие пятна болот, перемежающихся густой щеткой елей и берез. Влево отступает от нас широкая Пинега; из-за неровных, холмистых лиственничных лесов появляется узкая и извилистая речка, текущая в белых обрывах. Здесь она называется Соткой; ниже, где берега ее делаются низкими и плоскими, она меняет имя, становится Кулоем и течет через горькую и мрачную равнину к океану.

Вдали белеют строения Красногорского монастыря, самая высокая точка здешних мест. Где-то дальше — Голубино, Вешкома, Березник и удивительные в своей непривыч-

ности береговые пещеры. Интересно, найдем ли мы что-нибудь на Сотке?

Под вертолетом проплывает обрыв с зеленой лентой ручья, вырывающегося прямо из скалы. Я приглядываюсь к нему с любопытством, но ничто не подсказало мне, что именно здесь мы откроем подземную сказку Пинежья.

Впереди крутая излучина в кирпичного цвета обрывах — это и есть Красные Горы... Вертолет переваливается через верхушки елей и скользит с горы вниз, к маленькой избушке, примостившейся на длинном и узком мысу. Навстречу бегут ребята.

Прошло четыре дня. Последние инструктажи групп — наземной и водной. Покачиваются на воде три легких плота из сухостоя с грузом, увязанным в полиэтилен. Еще раз уточняем точки встреч.

Отчаливает от берега первый плот, на нем Демченко и Люда. За ним уходит второй — с Гольяновым и доктором нашей экспедиции Лизой, студенткой мединститута. Мы с Голубевым остаемся одни. Удивительно тихо на опустевшем берегу. Оставляем в избушке соль, сахар, спички, сухари. Кладем на печку дрова, подпираем палкой дверь. Таежный обычай соблюден.

Вода журчит между бревен плота, и нам немножко грустно, как всегда, когда покидаешь обжитое, привычное уже место. Володя поднимает над плотом адмиральский флаг — на нем традиционная летучая мышь, но в силу местных условий она в болотных сапогах. Я попрочнее привязываю лежащую сверху путевую карту, планшет аэросъемки. Все в порядке, можно трогаться. Удар шеста — и плавание начинается.

Быстрое течение несет нас мимо высоченных обрывов с наклонившимися сверху елями, через черные омуты, где плоты кружатся около

изъеденных водой гипсовых скал. Впереди перекат, издали слышно, как звенит галька, по которой катится прозрачная вода. Выплываем из-за поворота и видим грустную картину — оба передних плота прочно сидят на мели. Демченко и Люда яростно работают шестами, пытаются сдвинуть свой «крейсер», развернувшийся поперек течения. Эдик с Лизой раскачивают свой плот, но безуспешно. Через минуту и мы с размаху влетаем на хрустящую гальку. Я шагаю за борт; холодная вода плотно обжимает сапог. Плот немного приподнимается. Работая шестом, как рычагом, по сантиметру передвигаю тяжелые бревна. Минут через десять со звонким плюхом наш корабль переваливается на глубину. Эту процедуру потом придется проделывать на каждом перекате; не скоро научились мы находить самую сильную струю, которая прокладывает себе путь поглубже.

Первый перекат пройден. Снова высоко над нами покачиваются ели, и можно сидеть, лениво подправляя шестом медленное движение плота.

Обрывы, сложенные из огромных каменных блоков, светились в косых лучах солнца так, что больно глазам. Гипс не был белым, он играл розовыми и голубыми, зеленоватыми и желтыми тонами — и все, что мы видели вокруг, совершенно не совпадало с тем, что слышали и читали об Архангельской области, крае болотистых равнин. Мы плыли через горную страну, и висящие над нами стены были особенно огромны по сравнению с неширокой, извилистой Соткой.

Утро. Потолок палатки весь в красно-золотом узоре от опавшей листвы, и кажется, что наш кочевой дом освещен солнцем. Но на дворе туман, как и вчера и пять дней назад; непогода рассеивается только к вечеру. Зато нет ни комаров, ни мошек — их согнал ранний осенний холод; только в глубине леса они

еще донимают наших друзей из геоботанической группы.

На скорую руку перекусываем, и снова плоты грохочут по перекатам, царапая дно. Где же пещеры? Что они должны здесь быть, мы убеждены. Нигде не встречалось нам такое многообразие форм карстового рельефа, как на Пинеге. Карст имеет здесь даже местные названия — «ворги», «мурги» и «шелопы». Ворги — это большие овраги-ущелья. Мургами называются карстовые воронки, их здесь видимо-невидимо, они покрывают наш аэропланшет как оспины. Но колоритнее всего шелопы, или мелкий шелопняк, как говорят пинежане. Представьте себе поверхность, рассеченную трещинами и провалами до метра-двух шириной и примерно такой же большой глубины; провалы расположены неправильной сеткой, так что идти напрямик через шелопняк почти невозможно, нужно постоянно спускаться и вылезать. Если учесть, что он находится в глухом лесу, завален буреломом и зарос мхом, по которому скользит нога, то, пожалуй, более непроходимую местность трудно себе и вообразить. Недаром здесь такое обилие медведей, любителей уютных укрытий, и множество рябчиков; кстати, старинный герб Пинеге — пара рябчиков.

Очередной обрыв, и снова ручей, вытекающий из-под осыпи. Надо бы осмотреть... Володя Демченко и Гольянов карабкаются по глыбам. Мне лень подниматься; блаженно дремлю, откинувшись на тюки.

Редко когда порок был так быстро наказан. Ребята нашли первую пещеру — без меня!

Косая трещина — из нее тянет холодом. Мокрая грязь под ногами. Поворот направо — и в лучах фонариков вспыхивает уходящая вдаль вереница ледяных сталактитов. Многослойный занавес, завернутые винтом сосульки, плоские и изогнутые

Обрывы, сложенные из огромных каменных глыб, светились на солнце.

ледяные ятаганы... Пока вся эта красота не будет сфотографирована, идти вперед нельзя. Вместе с Демченко начинаем колдовать над аппаратами. Только через час я пропускаю в коридор топографов — Гольянова, Люду и Володю Голубева, а сам иду в глубь пещеры. Коридор расширяется и становится искристо-белым, он покрыт слоем ледяных кристаллов, как толстой шубой. Дальше — огромная прозрач-

ная глыба льда, а за ней открывается высокий зал. Розоватые стены с толстыми ледяными закраинами, когда-то здесь было озеро, но оно ушло, и только толстый слой грязи покрывает его ледяное дно, рассеченное трещиной. В ней где-то глубоко журчит ручей. Зал продолжается дальше, за нависающую скальную перемышку, под которой надо ползти по-пластунски, снимая собственным телом слой мокрой грязи, покрывающий лед. Когда, наконец, лед кончается, и можно спрыгнуть с него в русло высохшего ручья и выпрямиться, то обнаруживаешь, что последние метров десять двигался по ледяной корке, нависшей над пустотой.

Через два часа съемочная группа находит здесь лазы во второй этаж пещеры, низкий и плоский. Тем временем я фотографирую великолепные «облака» из ледяных кристаллов в дальних углах пещеры и неожиданно обнаруживаю мух-хеломизид, которые бодро бегают и прыгают среди ледяного крошева, совершенно игнорируя холод.

Кончаем работу ночью. Взятые образцы воды, проведены микроклиматические наблюдения, снят план.

Мы плетемся к выходу замерзшие, облепленные грязью, уставшие до дрожи в коленях — и счастливые. Пещера не так уж велика — 183 метра, но красива она удивительно, и мы первые увидели эту красоту, нам предстоит рассказать о ней людям. И о сказочных ледяных облаках, повисших под потолком, и о голубой прозрачности льда, и о розовых гипсовых стенах. Но как назвать первую пещеру, найденную нами на Сотке?

Месяц назад в секцию пришло ошеломившее всех нас письмо. В Домбае, спасая попавшего в беду альпиниста, погиб наш товарищ, спелеолог и альпинист Земляк. Трудно было представить, что нет больше этого сильного, никогда не унываю-

щего человека. И единственное, что могли мы сделать теперь для него, — это назвать его именем пещеру, чтобы навсегда, покуда существуют карты и люди, ходящие по ним, жила бы память о хорошем парне Леониде Земляке.

Проснулись мы поздно. Досушили одежду у костра, поели — и снова обрывы, перекааты и черные омуты. Днем добрались до места встречи — Мосеева Носа. Здесь Сотка делает еще более крутую петлю, чем в Красных Горах, кольцом окружая большой полуостров. К вечеру, за полчаса до контрольного срока, с другого берега раздался крик: «Эй, аборигены! Давай паром!» Геоботаническая группа Бориса Балунва вышла на нас по азимуту, не промахнувшись и на сотню метров; как-никак Борис не только мастер спорта по бегу, но и перворазрядник по спортивному ориентированию.

Ребята его группы, прошедшие десятки километров, по пояс мокрые, по очереди переправлялись на плоту через Сотку, таща с собой, кроме рюкзаков, ведра с грибами, собранными в пути. Часом позднее, уже в темноте, вышел на костер Дима.

Все отчаянно голодны. Гудит пламя костра. Он непривычно длинен, чтобы все могли погреться и подсушиться. Кипят над огнем ведра с грибным супом и какой-то смесью грибов, картошки и тушенки. Борис и Дима рассказывают о своих странствиях. Ботаникам досталось: шелопняк крепко их вымотал, их ели комары и мошки, сапоги всегда были полны воды, а пить им было нечего. На изъеденных карстом гипсовых плато порой не встречалось ни единого ручейка, и мало было проку от того, что мох и подстилка были пропитаны влагой, а с каждого дерева, если его задеть, лил дождь.

Наутро все покрылось инеем — трава, березы, ели и даже рыжая шуба Гуляша, сладко дремавшего

в разворошенном пепле костра; теперь я понял, почему бока у него в подпалинах.

Перепаковываем вещи, щедрой рукой отсыпая «сухопутникам» консервы и сухари. Борис с Димой осторожно подсушивают влажные полотноща палаток. Потом уточняем точку встречи — и вереница людей с рюкзаками уходит в лес, а мы отталкиваем плоть. Снова навстречу плывут обрывы и перекааты.

В один из дней впереди появилось что-то непонятное. Из лога на левом берегу ровной белой полосой на реку тек туман. Ниже по течению не видно было воды, только волнистая белая простыня, по берегам которой стояли ели. Лица ребят выражали удивление и растерянность; наверно, то же самое было написано на моем.

Мы причалили. Из груды камней тек чахлый ручеек, а камни эти были спаяны льдом. На еще теплом августовском солнце блестели и искрились серо-голубые сосульки. От ручья начиналась большая осыпь, и там, где из-под нее выходила идущая вверх стена, темнели ямы. Первые две кончались узкими щелями, из которых тянуло холодом. Третья, самая левая, вела в темноту. Я убедился, что метрах в двух ниже видна какая-то полка, и соскользнул на нее, в студеной и влажный мрак.

Глаза постепенно привыкли, и я увидел ледяную колонну толщиной метра в два, а высотой не меньше чем в десять метров. Рядом с ней — огромная обындевелая занавесь такой же высоты; к подножию этой вычурной белой стены шел от входа крутой ледопад из прозрачного голубого льда. Звонкая капля где-то внизу только подчеркивала тишину.

С выступа, на котором я стоял, вел другой ход — назад, под осыпь. Внизу громоздились острые ледяные шипы. Рядом со мной в неустойчивом равновесии лежала каменная глыба, я толкнул ее — она с грохо-

том и звоном проложила мне дорогу. Спуститься по щели было несложно, и я быстро оказался у подножия колонны и ледопада.

Пещера не так уж велика — собственно, это один только зал, метров пятнадцать шириной, весь заполненный льдом. Вбок ведут короткие коридоры с округлыми камерами, украшенными все теми же шестигранными ледяными кристаллами. В одной из них — цепочка изогнутых, с шариками на конце ледяных сталактитов. У основания колонны — узкая щель, ведущая в темноту. Лезу вверх и попадаю в небольшой ледяной дворец, освещенный голубым светом; он просачивается через ту самую грандиозную занавесь, которая оказывается одной из стен дворца. Сбоку громоздятся круглые ледяные глыбы, похожие на голову моржей, с длинными, свисающими вниз клыками — сосульками.

В щель протискивается Демченко с фотосумкой. Мы расставляем аппараты и начинаем снимать; я вожусь с аппаратом, Володя дает вспышки и позирует. Часа через полтора его сменяет Люда, уже кончившая глазомерную топосъемку.

Первая пленка кончилась, перезаряжаю аппарат и прячу ее в полиэтиленовый мешочек. Как рад я был этой предусмотрительности через несколько часов!

Наверху голоса; Дима со своей группой, проходя берегом, увидел плоты и заглянул «в гости». Ребята ошеломленно оглядывают пещеру. Дима сияет, каждая наша находка — это еще один аргумент в споре с противниками заповедника.

Перед вечером выходим наружу. Пора ладить лагерь, стряпать, сушить одежду. Удобное для стоянки место находим немного пониже; надо перегнуть плоты. Люда залезает на гору вещей, берет шест, отталкивается...

И сразу что-то происходит не так. Не так, как обычно, а гораздо

быстрее отходит плот. Не так, как нужно, упирается шестом Люда, а может быть, это течение не так развернуло бревна и Люда уже не отталкивается, а висит на шесте? Даже река, кажется, шумит не так, как раньше, а громче, тревожнее, злее. Плот поворачивается, стучит по камням, киво приподнимается над перекатом... Люда, пытаюсь уравновесить плот, яростно работает шестом, но его затягивает под бревна, и он звонко ломается. Волна поддевает плот и ставит его на попа. Люда цепляется за вещи — как хорошо, что они привязаны! Трещат бревна, ревет вода, кричит что-то Володя — и плот с тяжелым плеском ложится на воду. И сразу все становится на свое место, и река шумит совсем не громко, а последние лучи солнца нежно золотят вершины елок. Но тут я вижу в волнах ныряющую и погружающуюся все глубже серую рижскую сумку...

Что вода была холодной, я понял только потом, выжимая брюки и штормовку около брезента, на котором были разложены мокрые футляры. В сумке сиротливо плавали пластмассовый футлярчик от светофильтра и сегодняшняя пленка, завернутая в полиэтилен. К счастью, сухая. Все остальное мокрым-мокро — три аппарата, вспышка, запасные кассеты. Пленка в аппаратах, конечно, тоже. А там почти доснятая цветная пленка...

Торопливо переодевшись, начинаю вывинчивать и сушить объективы. Володя с Людой разжигают костер, а потом всю ночь, то засыпая, то просыпаясь, мы поворачиваем то одним, то другим боком к огню костра объективы, батареи и аккумуляторы.

К утру моя «Практика» заработала. Правда, затвор мог только открываться, и, чтобы закрыть его, нужно было потрясти аппарат, но для пещерной съемки сойдет и это,

можно просто надевать крышечку на объектив. Вставляю свежую пленку, натягиваю мокрую негнущуюся штормовку и ухожу в пещеру. Снова влажный холод, голубоватые сталактиты и призрачное, как будто под водой, освещение во «дворце» за ледяным занавесом. Руки отчаянно мерзнут; отогреваю их под мышками. Нет никакой уверенности, что снимки удадутся, но все равно снимать надо.

Пещерная съемка ненадежна. Кажется, предусмотрел все — силу света, количество вспышек, цвет и фактуру натеков, поставил человека в самом выигрышном месте, а проявляешь пленку и видишь угольно-черные пятна, застывшую в нелепой позе, забитую светом фигуру и перечеркивающий снимок кривой зигзаг — кто-то прошел в кадре с фонариком, когда ты зазевался. Поэтому я и стараюсь делать по три, четыре, пять дублей — авось хоть один получится.

К новой точке встречи вышли, конечно, с колоссальным опозданием. Вечер. Огромные ели уходят в темноту, которую не может разорвать костер. Около огня людно — все в сборе, и Борис в десятый раз рассказывает об удаче своей группы.

— Понимаете, это совсем недалеко от Сотки — километр, не больше, в самом конце маршрута. Всюду мы делали зарубки, сбиться нельзя. Сначала огромные мурги — и маленькая пещерка с лежащими в глине кальцитовыми ежиками, вон они в ведре. Дальше речка, уходящая под землю. А еще дальше — пропасть. Огромный провал, из стены его выбивается ручей и каскадом рушится вниз. Слезть нельзя — отвесы. Но видно, что нижняя часть отполирована водой до блеска, и в ней слои разноцветного гипса. Глубина — метров пятьдесят, не меньше!

Наутро, нагрузившись веревками, карабинами и крючьями, веревницей тянемся за Борисом. Вокруг

заросли красной смородины и малины, то и дело кто-нибудь отстает, торопливо набивая рот ягодами. Проходим длинный луг с островками стогами — первое напоминание о том, что мы вышли в населенные места. Потом начинается совершенно адский шлопняк, километр идем не меньше часа. И вдруг выходим на край...

Снизу, из глубины, в облаках водяной пыли сверкает радуга. Звон падающей воды. И странный, фигурно вырезанный колодец, в котором блестят на солнце разноцветные прослойки гипса. На дне уже кто-то ходит; оказывается, по краю провала у огромной глыбы льда можно проскользнуть вниз без особого риска. Для пущей безопасности навешиваем в этом месте веревку. Прячу за пазуху аппарат, одолженный у Димы, и скольжу вниз, на глинистую осыпь. Здесь холодно и сыро, но лица у ребят блаженно-счастливые.

На дне провала — голубые кружева прихотливо промытого водой гипса. Это каменное чудо, похожее на кораллы или на окаменевший всплеск прибоя, зачаровывает изысканной прихотливостью изгибов, пустот, завитков.

Я снимаю панораму — сверху вниз. Хотя на аппарате и навинчен широкоугольник, провал входит только в пять кадров. Тем временем на противоположной стене Демченко и Голубев опускают леску с камешком, промеряют глубину. Борис немного преувеличил — не пятьдесят, а двадцать восемь метров до дна, но и это немало — семиэтажный дом...

На следующее утро в лагере тишина, наземные группы ушли непривычно рано — вдруг попадется еще одно такое чудо? Снова двинулись в путь плоты, совсем уже легкие. А через несколько часов мы увидели ручей, который я заметил с вертолета.

Ручей этот, а скорее маленькая речка, оказался прозрачным, с белым гипсовым дном. И вытекал он из-под невысокого навеса с заманчиво темнеющей широкой щелью.

Мы не стали торопиться. Разбили лагерь, поели, и лишь вечером, в тусклом свете выдыхающихся фонариков ушли в гулкую черную пасть. Пещера казалась большой, но удастся ли ее пройти? Уж очень мягок гипсовый карст, слишком часты в нем завалы.

Мы лезли через низкие и широкие обвальные залы, по хаосу неустойчивых глыб. Мертво и дико выглядел серый камень, со дна ям торчали круглые ледяные сталагмиты, а около воды под ногами хлюпала грязь. Река ушла влево, под нависший край скалы. Черная вода стояла неподвижно, будто и не текла.

Мы шли все дальше — сто, двести метров, а перед нами все те же сумрачные, давящие залы.

Фонарики гасли, ребята были измучены и трудным речным переходом, и этим маршем в призрачной тишине, через зыбкие завалы. Нужно было возвращаться и спать.

Наутро мы разбились на две группы. Двое ребят со свежими батарейками в фонариках должны будут идти вглубь и вести глазомерную съемку. Их цель — хотя бы приблизительно выяснить величину пещеры. Четверо других ведут детальную топографическую съемку от входа. К двум часам дня всем возвращаться. Еда и свет на исходе, сроки поджимают — через день мы должны быть в Пинеге. А сюда мы еще вернемся, в этом сомнения нет.

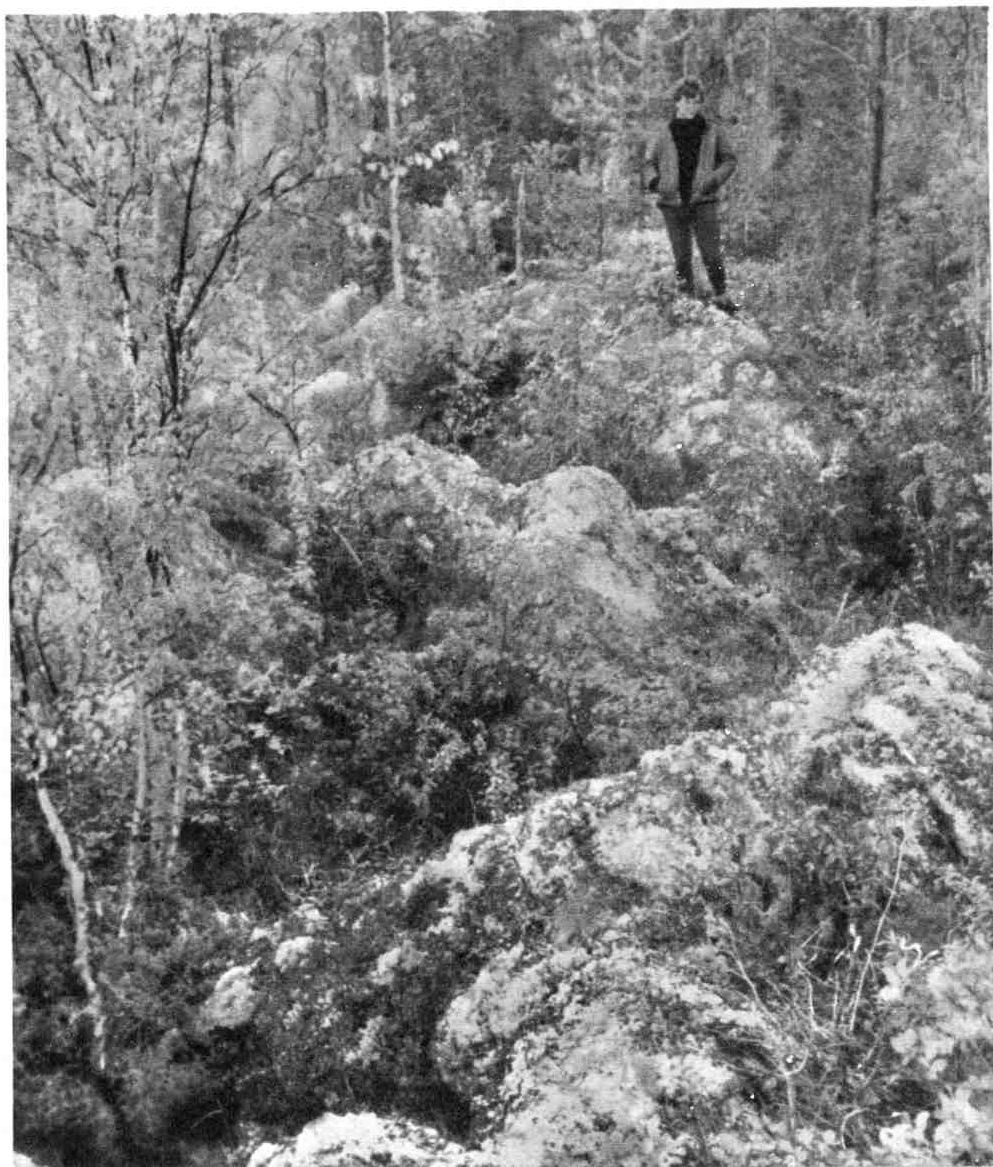
Снова шагаем по цепочке обвальных залов. Общая схема строения пещеры уже ясна — это одно большое подземное русло, под левым берегом которого течет речка. Завальные залы тянутся вдоль нее, но в 110 метрах от входа цепь их прерывается, и, чтобы пройти дальше,

надо вернуться к воде. Тут уже не пройти в полный рост, то и дело приходится сгибаться, а порой и двигаться на четвереньках. Еще дальше ход снижается до тридцати пяти сантиметров; хорошо хоть, что речка течет в стороне. Ползем по жидкой грязи, упираясь носками, отталкиваясь локтями. Я застреваю. Придется снять и оставить каску — не пролезает. Носом пашем глину, по затылку скребет потолок, и только через пятнадцать метров можно привстать и идти согнувшись. Грязь отваливается от одежды пластами. У меня залеплены очки — приходится сначала мыть руки, а затем уже лезть за пазуху, доставать платок.

Потом начинается вода. Гольянов и Люда не могут идти дальше — они в кедах, вода же немногим теплее льда. Они отдают нам последние батарейки, а сами остаются с одним огарочком. Если этого не хватит до выхода, дождутся нас.

Мы с Таней из геоботанической группы идем в глубину, растягивая мерную леску. Эта пещера первая, в которую попала Таня, и она восхищена всем, даже грязью и водой, переливающейся через голенища. Идем согнувшись под низкими сводами; когда нужно засекаем азимуты, для устойчивости прижимаемся спиной к потолку. Впереди новый завал. Конец проходимой части? Конечно, нет: ведь мы же не встретили наших разведчиков. Находим щель. Несколько шагов — и перед нами открывается что-то вроде тоннеля метро. Белые своды, вылизанные водой стены, белоснежные осыпи. Гудит перекатами речка, уходит вперед бесконечный зал, поблескивает искорками зеркала гипса на стенах; как все должно здесь сиять при свете хорошего фонаря!

Наши фонарики уже выдыхаются и тухнут. Зажигаем огарок свечи — и снова пикеты, засечки, промеры. В конце концов в полутьме задеваю локтем компас, и он катится в воду.

Это, пожалуй, эталон пересеченной местности.

Топосъемке конец, а нам надо уносить ноги, пока есть свет. Прохожу вперед — до нового завала и новой щели. За ней открывается следующий, такой же высокий и широкий тоннель. Пишу записку, оставляю на последнем пикете. Отсюда начнем

съемку в следующий раз — через полгода или год...

Когда мы вышли, наш огарок был не длиннее сантиметра. Разведчики же еще бродили где-то в глубине.

Бродили? Как бы не так! В лагере никто не обращал внимания на наш

приход, все сгрудились вокруг двух Володь, которые клялись, что вышли из пещеры на другой стороне Сотки! Ребята подтверждают: действительно, вышли к лагерю с того берега и потребовали плот для переправы. И совсем уже сбитый с толку Дима пытается уразуметь, как можно геологически объяснить пещеру, которая делает мертвую петлю под рекой.

Но что-то уж очень многословен Демченко, и слишком наивно простодушны его глаза. Допрашиваем другого Володю и требуем данных топосъемки; он рисует на песке какую-то фантастическую загогулину, изображающую пещеру, блокнот же с записями оказывается не у него, а у Демченко. Тот вьется, как пескарь на сковородке, но наконец не выдерживает и рассказывает.

А было все очень просто. Прощли от входа, как казалось ребятам, около семисот метров (позднее выяснилось — километр), а «метро» все уходило вдаль. Когда уже приближался контрольный срок, в одном из боковых ходов обнаружили идущий вверх колодец, достаточно узкий, чтобы удержаться на распорах. Метров пятнадцать — и ребята на поверхности. Поскольку были они по уши в глине, то, выйдя к реке, стали мыться. А перейти Сотку по перекатам не сложно...

Вечером я лежал на мягкой хвое у костра и думал о пещерах, в которых довелось мне побывать. Я перебирал их в памяти, как библиофил перебирает сокровища своей библиотеки. Я вспоминал белые ели Карлюка, нетронутую красоту абхазской Белоснежки, лукавую улыбку чертика, стерегущего шахту Дублянского. И снова видел высокий и гулкий тоннель с голубыми стенами, по которому, пенясь, рвется к выходу река. Река, которую никто до нас не видел.

Ребята тоже не могли уснуть и спорили о новой пещере. Все были

согласны с тем, что сегодня мы нашли одну из крупнейших пещер Пинежья. Но как далеко она тянется? Один Володя убеждал, что в ней не меньше двух с половиной километров, другой считал, что не меньше полутора. Гольянов отмалчивался: «Зимой приедем, посмотрим».

Но никто из нас не думал, что в этой пещере — потом мы назвали ее Ленинградской — не полтора и не два километра, а больше трех, и что она окажется длиннее любой из ранее известных пещер севера Европы, но не самой длинной в Сотке. Чтобы увидеть ее до конца, услышать грохот ее водопадов, пройти огромные ее залы, понадобится не один год.

Потом состоятся новые экспедиции нашей секции на Север, число открытых на Пинежье пещер дойдет до ста двадцати, и мы напишем сборник научных работ об этих пещерах, с планами и описаниями пещер, сведениями об их микроклимате, гипотезами о формировании карстового ландшафта в гипсах. Выйдет монография Сабурова о лесах Пинеги — материал для нее он соберет в наших экспедициях. Будет создан заказник, и начнется организация заповедника, за который столько лет воевал Дима. Но все это будет потом. Пока над нами проплывают освещенные закатом темно-золотые ели. Звенит галька на очередном перекате. Неторопливо покачиваются тяжелые плоты, а на высоком шесте бьется по ветру флаг с летучей мышью, обутой в болотные сапоги.

Крупнейшие пещеры мира и Советского Союза

**Какая пещера самая большая в мире!
Где расположена самая глубокая!**

Эти вопросы интересуют каждого спелеолога, но если поискать ответ на них в справочниках и энциклопедиях, мы обнаружим удивительный разнобой. В чем же дело!

Здесь, на Сотке, ленинградские спелеологи открыли самые большие пещеры севера Европы.

Да просто нам известны еще далеко не все пещеры Земли, и сведения о них постоянно дополняются и исправляются.

Лучше всего изучены пещеры Европы. Во Франции их найдено около семи тысяч, в Италии — больше восьми. В нашей стране пока известно около двух с половиной тысяч пещер, и цифра эта все время увеличивается.

Долгие годы самой большой в мире считалась знаменитая Мамонтова пещера в Соединенных Штатах Америки, открытая еще в 1797 году. Предполагали, что общая протяженность ее подземных коридоров, залов и рек составляет 250 километров. Но когда были сделаны точные промеры, она «сжалась» до 74 километров. На первое место выдвинулась пещерная система Флинт Ридж в том же штате Кентукки. Ее открыли совсем недавно — в 1955 году, а в 1972 году она была исследована уже на протяжении ста двадцати одного километра. Но самая эффектная и грандиозная пещера Северной Америки — это, наверное, Карлсбадская с ее колоссальным, богато украшенным залом длиной больше километра.

На втором месте в мире пока стоит пещера Хельлох в Швейцарии, знаменитая своими ледяными залами. Ее длина 109 километров. Не многим короче крупнейшая пещера нашей страны — Оптимистическая, открытая несколько лет назад украинскими спелеологами в Подолии.

Оптимистическая пещера расположена в гипсах, и, как многие гипсовые пещеры, она выглядит как самый сложный лабиринт перепутанных ходов. Все 105 километров ее длины, бесчисленные коридоры, залы, тупики располагаются на очень небольшой площади — около тысячи трехсот метров в длину и шестьсот метров в ширину. Она украшена сталактитами и многоцветными кристаллами гипса, в ней есть озера и ванночки с пещерным жемчугом. Эта пещера таит не одну загадку, исследована она не вся, и очень возможно, что длина ее значительно превысит сто километров. Кстати, она не только длиннейшая пещера Советского Союза, но и самая длинная в мире гипсовая пещера.

Самая большая наша пещера в известняках — Красная, или Кизил-Кобá, в Крыму. Ее длина — 13,1 км. Это одна из красивей-

ших наших пещер. Ее дальние залы стерегут пять сифонов, преодолеть их может только хорошо оснащенная экспедиция. Немногие спелеологи, побывавшие в глубине пещеры, рассказывают об удивительных трубочках-сталактитах, покрытых нежной бахромой, о каменных цветах, напоминающих бахчисарайский фонтан Слез.

Глубочайшей пещерой мира сейчас считается пропасть Пьер-Сен-Мартен во Франции, в Пиренеях. История ее исследования драматична. Во время одной из первых экспедиций в ней погиб отважный молодой спелеолог Марсель Лубен. Он и похоронен там, на дне гигантского трехсотметрового колодца. Его именем назван один из залов этой пещеры. В той же экспедиции во время подъема известного спелеолога и вулканолога Гаруна Тазиева сломалась лебедка, и он четыре часа провисел под каскадом ледяной воды.

Пропасть Пьер-Сен-Мартен исследована до глубины 1150 метров, она заканчивается сифоном, в который удалось спуститься всего на два метра.

Самая глубокая точка нашей страны не раз передвигалась по карте. Долгое время исследования вертикальных пещер велись главным образом в Крыму, здесь находили самые глубокие шахты. Сначала это была Бездонная на Чатырдаге — 161 метр, потом Каскадная недалеко от Ай-Петри — 246 метров, наконец, Молодежная на Караби-Яйле — 261 метр. В крымских экспедициях участвовали и набирались опыта сибирские спелеологи. Начав исследовать свои пещеры, они открыли на Енисее Кубинскую пещеру — 274 метра. Но в последние годы «полюс глубины» прочно переместился на Кавказ, и самой глубокой пещерой пока считается шахта Снежная, расположенная в Бзыбском хребте.

В 1974 году на ее дно спустились московские спелеологи. В верхней части она покрыта льдом и снегом, в одном из залов поднимается ледяной холм пятнадцати метров высоты. Текущий по пещере ручей кое-где образует водопады, а на глубине 630 метров впадает в большую подземную реку. Она мчится вниз по крутому тоннелю и уходит в каменный завал на глубине 700 метров. Покуда эта глубина остается рекордной.

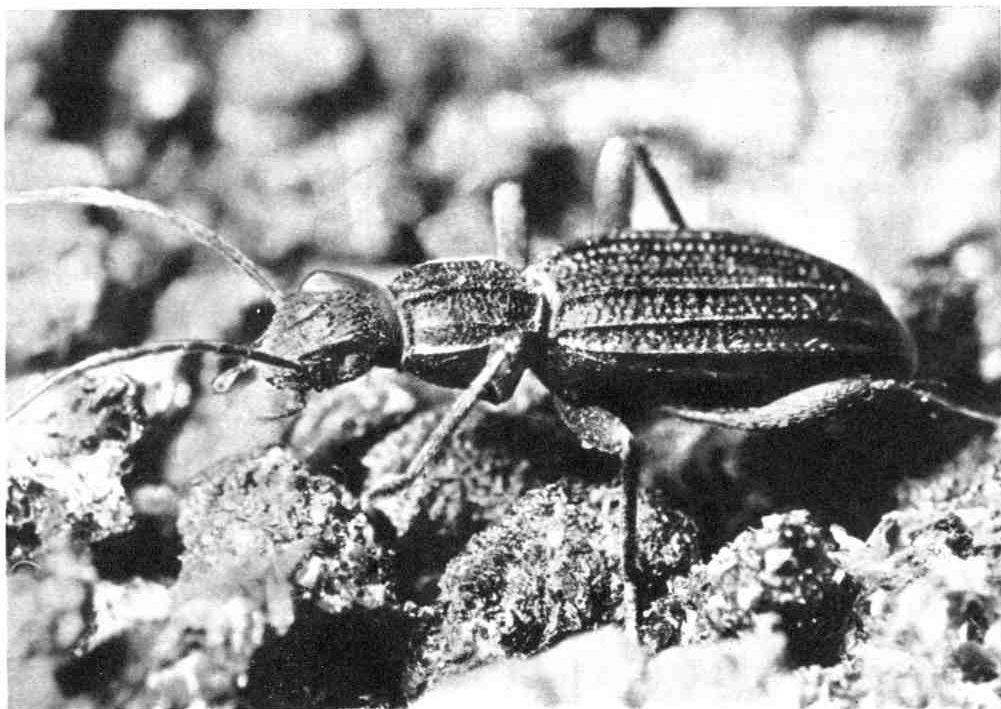
Несколько лет подряд работа приводила меня в Среднюю Азию. Я объездил и обошел ее почти всю — увидел зеленые саксауловые леса в глубине Кызылкумов и холодные плоскогорья Памира, где волны огромного соленого озера бьются о ледяные берега. Я полюбил этот край, и мне было одинаково хорошо в тенистых садах Самарканда и в маленьких горных кишлаках Бадахшана.

В Средней Азии мне везло. Везло в работе — каждый год я узнавал что-то новое о здешних насекомых, и не один десяток новых видов описал по собранным в Средней Азии коллекциям. Везло на удивительные, незабываемые места, о новой встрече с которыми мечтаешь годами. Везло на людей — живых, интересных, ярких. Они объясняли мне дорогу, рассказывали о том, что нужно увидеть, а если видели, что я устал и голоден, они кормили меня и оставляли на ночлег. Когда я уезжал в другой город, мне давали адреса и письма, чтобы не был я в этом городе чужим и одиноким.

Порой я казался себе эстафетной палочкой, переходящей из рук в руки — и это были надежные и добрые руки. Нередко эстафета вела и через пещеры.

О Большом Чиль-Устуне я услышал в Душанбе, на автобусной остановке. Кроме меня, дожидался автобуса еще один человек — в белом костюме, круглолицый, с коротенькими подстриженными усами. Мы разговорились и с нарастающим изумлением узнали, что, во-первых, мы оба зоологи и даже понаслышке знаем друг о друге. Во-вторых, нас обоих интересуют наскальные рисунки. И в-третьих, не слишком ли много для случайного совпадения: оказалось, что оба мы — спелеологи. Выясняя все это, мы пропустили несколько автобусов, потом наспех обменялись адресами, и, повиснув на подножке, Олег — так звали моего нового знакомого — прокричал, удаляясь: «Если приедете в Ош, пойдем в Чиль-Устун!»

После двух месяцев работы на Памире, насквозь промерзнув на заснеженных перевалах, я спустился

Жук лептодес, обитатель среднеазиатских пещер.

в солнечный и теплый сентябрьский Ош. Мы просидели с Олегом далеко за полночь, наперебой рассказывая друг другу свои новости.

Я говорил о гроте Шахты на Восточном Памире; там, на высоте четырех с лишним километров, древние охотники разрисовали стены изображениями медведя, кабанов и человека, замаскированного под страуса. Рисунки эти были удивительны тем, что ни страусы, ни даже кабаны на такой высоте не живут, и археологи расценивали эту редкостную находку как доказательство того, что Памир за последние десять тысяч лет поднялся почти на километр.

Олег расхваливал гору Сурат-Таш — «рисованный камень» — недалеко от Оша, которую нужно мне увидеть. Это на ней среди многих наскальных рисунков видны изобра-

жения легконогих лошадей и оленя с ветвистыми рогами. А один местный краевед с богатым воображением разглядел здесь даже мамонта, который никогда не водился в Средней Азии.

Но утром мы поехали не к Сурат-Ташу. Мы тряслись в машине, направляющейся дальше на запад. Перед нами поднимались невысокие, с плоскими вершинами горы; где-то в них были пещеры.

Первые, увиденные нами, были мало интересны — короткие или длинные галереи без натеков. У входа одной из них Олег задержал меня: «Осторожно, не заденьте скалу!» В чем дело? На сером известняке — маленькие коричневые точки. Клещи! Крохотные, недавно отродившиеся клещи, почувствовав наш запах, как будто встают, вытягивая передние лапки,

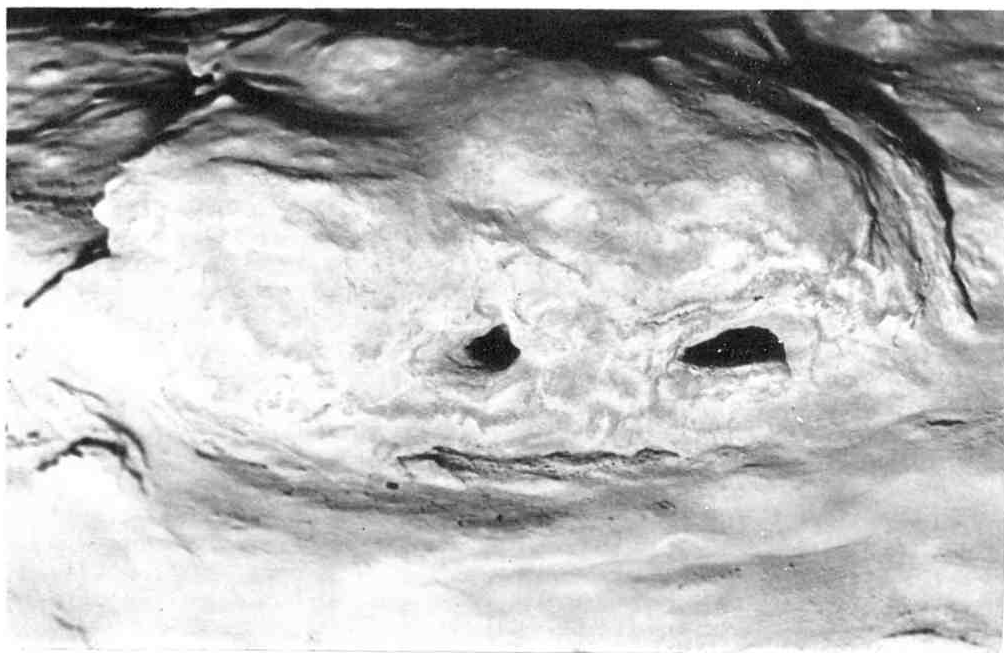
стремясь ухватиться, вцепиться, впиться в тело. Их здесь многие десятки, они терпеливо ждут, пока какой-нибудь зверь, спасаясь от жары, не войдет в прохладную тень. «Энцефалита здесь нет, но зато эти крошки могут заразить вас возвратным тифом», — говорит Олег.

К середине дня мы добираемся до пещеры Сасык-Ункур, что значит «вонючая пещера». Запах в ней действительно неприятный. В июне-июле здесь, по данным Олега, ночует до семи с половиной тысяч летучих мышей. И сейчас плотными подушками висят они на потолке. Под ногами толстый слой гуано. Здесь определенно должны быть пещерные насекомые... Иду согнувшись, вода фонариком почти по самому полу. И вдруг что-то живое и шустрое пытается удрать от светлого круга. Лептодес! Совсем такой, как в Карлюке, во всяком случае, мне

он кажется таким же. Начинается охота; через полчаса мы имели уже шесть этих жуков, а последнего я решил сфотографировать. Жуку не нравился свет фонарика, он норовил удрать в сторону, в тень; мне, наоборот, надо было как следует осветить его, чтобы навести на резкость. Так мы мучили друг друга добрых полчаса, но в результате снимки все-таки получились.

Позже, в Ленинграде, я узнал, что в этой пещере с неаппетитным названием мне улыбнулась удача. Этот лептодес оказался новым, еще никому не известным видом. Правда, находка нового вида насекомого не такая уже редкость, как может показаться, но я все равно был доволен.

Другое насекомое спокойно сидело на небольшом круглом сталагмите и никуда не собиралось удрать. Было очень странно видеть его

Из скалы выглядывало жабообразное чудовище.

здесь, оно казалось совершенно не на месте под землей, на жестком и влажном камне. Это был клоп, обыкновенный постельный клоп. Рыжий, плоский, чуточку блестящий.

Удивительная встреча! Впрочем... А что тут, собственно, удивительно-го? Ведь в пещерах и дуплах — там, где гнезятся птицы и зимуют летучие мыши, — клопы живут издавна, они стали жить там гораздо раньше, чем в наших квартирах. Собственно говоря, постельный клоп — это наследство, доставшееся нам от далекого предка, пещерного человека. Когда он покинул пещеры, клопы последовали за ним. Было это очень давно, и живущий теперь с человеком клоп немного отличается от этого, найденного в пещере.

И еще одного занятого паразита увидели мы в этой пещере. В одном из дальних закоулков летучие мыши висели довольно низко, и мне показалось, что на крыле одной из них поблескивает кольцо. Кое-как я дотянулся до нее и отделил от скалы. Маленькая, злая мордочка, негодующий писк. Это была остроухая ночница — очень обычный среднеазиатский вид. Кольца не было — я ошибся. Но на спине, раздув шерстку, я увидел какое-то крохотное, в несколько миллиметров длины, существо, вцепившееся в шерсть непропорционально большими лапками. Клещ? Не похож. Я достаю лупу. Крыльев нет, довольно большое брюшко, крохотная, почти незаметная головка... Этот зверь был похож на что угодно, только не на муху, и тем не менее это была именно муха, бескрылая муха никтерибия, сосущая кровь летучих мышей.

Мы обошли, наверно, шесть или восемь пещер. Все они были невелики, красивых натеков в них не было. Только в одной увидел я странный наплыв, похожий на выглядывающую из камня голову какого-то жабоподобного чудовища с двумя дырочками-глазами.

Солнце клонится к западу, пора возвращаться, но Олег хочет показать мне еще что-то. Мы входим в освещенный дневным светом «вестибюль» довольно большой пещеры. На потолке поблескивают черные пятна.

— Если вам не повезет и вы сломаете ногу или руку, такое снадобье поможет вам выздороветь. Это легендарное восточное лекарство, о котором так много сейчас говорят.

— Неужели мумие?

— Оно самое. Смотрите, на низких частях сводов его нет, дочиста кто-то выскреб. Осталось только там, где не дотянуться.

Легендарное лекарство выглядело невзрачно. Тонкая блестящая черно-коричневая корочка, покрывающая камень. В одном месте маленький — в сантиметр — черный сталактит.

— Идем, я знаю место, где можно его достать.

Над большим острым камнем — маленькое углубление в своде пещеры. Туда очень неудобно заглядывать, наверно, это и убергло блестящую пленку. Подставляю листок бумаги, осторожно сцарапываю ножом несколько граммов. Мумие твердое, остро пахнет и немного похоже на блестящую корочку, покрывающую каменноугольный шлак. И помнится, где-то я его уже видел. Где? В Кугитанге? Нет, в Фанских горах... И в памяти встают гремящие обвалами висячие ледники на стенах Чимтарги и многоцветные озера. Я ночевал около озера Малое Алло и утром варил похлебку, собираясь идти выше. Услышав стук камней, поднял голову и увидел, что ко мне, размахивая блестящим железным ломом, бежит бородатый человек в рваном халате — чапане. Бандит? За ним виднелась другая странная фигура — тощий парень, который одной рукой тащил под уздцы ишака, а в другой держал... керосино-

вую лампу без стекла. Через секунду я понял, что парень с ломом бежал только потому, что ему нужно было перепрыгнуть ручей, но все-таки, когда неожиданные гости подошли к костру, был я, наверно, изрядно бледен.

Знакомимся. Оба — таджики из ближайшего кишлака Газныч. Парень с лампой почти что мой знакомый — мы вместе ехали на попутке неделю назад. «Страшный» бородач тоже совсем молод.

— Что делаем? Дырка ищем.

Ничего не понимаю.

— Какие дырки?

— Дырка в горе, где темно. Не знаю, как это по-русски.

Пещеры? Неужели в здешних кишлаках люди увлекаются спелеологией? Впрочем, старики порой ходят в пещеры молиться — бывают такие «святые», связанные с легендами пещеры. Но здесь что-то не так.

— Зачем они вам?

Парни переглядываются, явно решая вопрос: доверять или не доверять? Наконец один из них отваживается:

— Лекарство ищем. Мум называются.

Вспоминаю: «мум» — по-русски «горный воск», то же самое, что мумие.

— Покажите!

В спичечной коробке кусочки чего-то похожего на шлак.

— А как вы ищете пещеры?

— Идем, наверх смотрим. Видим — дырка, лезем наверх. Снизу не забраться — лезем выше, вбиваем лом, веревкой спускаемся. Мум на базаре продаем.

— А где здесь пещеры?

Парни мнутя. Наивный вопрос: ну какой золотоискатель расскажет тебе, откуда он приносит самородки? И теперь, вспоминая ту встречу, я расспрашиваю, что же собой представляет это диковинное лекарство.

Олег встречал мумие только в пещерах, но говорят, что его находят и под нависающими камнями. В пещерах оно встречается всегда недалеко от входа.

— Мне кажется, — говорит Олег, — что мумие — это какой-то продукт известняка, оно как бы вытапливается из него солнцем и скапливается там, где скала всегда прохладна. Происходит что-то вроде перегонки.

Затем я узнаю, что цвет мумие может быть самый разный — от светлого, воскового, до темно-коричневого, почти черного. Если как следует его помять пальцами, оно становится мягким. Оно однородно, как воск, но в отличие от него растворяется в воде. Узбеки, кроме мумие, знают еще другое вещество — мумигаи. С виду то же самое, только никаких целебных свойств, и его-то чаще всего продают на базарах. Отличить настоящее мумие может только очень опытный человек.

— А от чего оно лечит?

— Старики знахари пытаются им лечить буквально все болезни, только вопрос: вылечивают ли? Медицинская наука признает, что оно помогает при переломах, ранениях, ожогах — там, где повреждена здоровая ткань и ей нужно помочь восстановиться.

Позднее, в Ленинграде, я познакомился с одним удивительным человеком, врачом, специалистом по тибетской медицине. Он рассказал мне, что существует много видов мумие, отличающихся не только названием и местом находки, но, по видимому, и происхождением. Сам он изучал забайкальское мумие — баракшун, зернистое, с большим количеством растительных остатков, и пришел к выводу, что это мумифицированные экскременты белок летяг. Эти животные питаются самыми нежными частями трав и побегов растений, в которых содержится

Сидящие на стене пещеры клещи ждут момента, когда можно будет вцепиться в какого-нибудь проходящего мимо зверя.

множество целебных веществ. Вещества эти не перевариваются грызуном полностью и в процессе длительного мумифицирования становятся гораздо более усвояемыми для человека, чем если бы он, предположим, сам щипал бы и ел ту же травку. Существует баракшун, создаваемый другими грызунами — пищухами, теми самыми, которые заготавливают себе на зиму сено. Но пока мы еще мало знаем о мумии и скрытых в нем возможностях.

Через день Олег повел меня в Чиль-Устун. Об этой пещере я слышал давно, она — одна из известней-

ших в Средней Азии. Длиннобородые старики, собирающиеся у мечети, могут вам рассказать, что именно в ней жил страшный белый дэв, которого в жестокой битве победил великий халиф Али, зять пророка Магомета. Ведь до сих пор видно изображение лошади с жеребенком на той скале, к которой Али перед боем привязывал своего коня Дуль-Дуля.

Ученые говорят иное. Да, есть на скале недалеко от Аравана изображения удивительно стройных лошадей, выбитые незаурядным художником. Рисунок этим больше двух тысяч лет; другие, похожие, есть

недалеко от Оша, на тех самых скалах Айрымач-Тау, которые иначе называют Сурат-Таш. Этими лошадьми славилась когда-то Фергана, их считали (опять легенды!) потомками небесных коней. Что же касается пещеры, то археологи ею не интересовались.

Священные пещеры... В разные времена, на разных континентах, разным богам поклонялись люди в пещерах. Уходили в пещеры спасать свою душу христианские отшельники. В самых недоступных подземных галереях Южной Европы ученые находят святилища людей каменного века. На Дальнем Востоке академик Окладников открыл знаменитую пещеру Спящей Красавицы со сталагмитом, превращенным в скульптуру. А в глухих лесах Урала, на Печоре, археологи раскапывают пещеры, в которых до конца прошлого века приносились жертвы вогульским богам... Помню, в описании печорских пещер особенно поразила меня история о Камне Дырова. Есть высокий утес над рекой Чусовой, и в утесе этом на неприступном отвесе — вход. Полузабытые легенды говорили, что проходящий мимо охотник должен принести жертву, подарить духам этих мест стрелу, пустив ее в черное отверстие. Археолог Прокошев решил проверить легенду. Утес был высок — около шестидесяти метров; отверстие, как оказалось потом, на высоте восемнадцати метров. Спустив с вершины утеса веревочную лестницу, Прокошев добрался до входа. И внутри, в обширном гроте, он нашел восемь с лишним тысяч наконечников стрел. Они устилали пол, торчали из стен и потолка, и ничего, кроме стрел, не было здесь, только одна иранская монета VI века, тоненький серебряный диск с пробитой у края дыркой — наверно, и она была привязана к стреле. Легенда была права: люди здесь не бывали, они только стреляли сюда

из луков. И вот что удивительно: изучив наконечники, Прокошев понял, что они накапливались в пещере около четырех тысяч лет — от начала бронзового века почти что до нашего времени. И боги, наверно, были разные, и племена разные — немало воды утекло в Печоре за тысячелетия, а таинственная дыра в скале все оставалась священной и почитаемой, и один и тот же обряд совершали перед ней современники Гомера и современники Ньютона.

Теперь мы с Олегом едем в Араван, к другой священной пещере. Большое село широко разлилось по равнине. В центре — базар с грудями дынь и арбузов; седобородые старики в чалмах торгуют медными, ручной работы, браслетами и дешевыми серьгами. Время от времени старцы достают круглые сосудики из тыквы — нечто вроде табакерок — и отправляют под язык щепотку носвая, обжигаящей рот смеси из того же табака, извести, золы и чего-то еще. Тут же продают и носвай, и эти табакерки — нос-кады, — и много других необходимых вещей. На столбах висят ящики с надписями: «Для хлопка». Никто не пройдет равнодушно мимо клочка белоснежной ваты, свалившегося с машины: разве можно сорить тем, что вырастили руки человека?

Над долиной нависают обрывистые склоны. Здесь, в середине косого, почти отвесного среза горы, в глубине ущелья, лежит вход в Чиль-Устун.

— Не раздумали? Маршрут психологический; опасных мест не так уж много, но впечатления будут сильные. Еще не поздно отказаться, тогда пойдем в другие пещеры.

Молчу. Скалолаз из меня неважный, пропасть под ногами не люблю. В пещерах, если опасно, всегда можно использовать страховку. А здесь... Ящерицей лезть по скалам? У ящериц, по крайней мере,

есть хвост, чтобы уцепиться или сбалансировать. Но не идти же мне обратно?

— И еще одно: в вашей обуви не пройти.

Мои трикони на горных ботинках стерлись почти до основания — не зубья, а железные шишечки. Разуваюсь, прячу ботинки в куст. Снимаю толстые шерстяные носки — джурабы. Поправляю на спине сумку с аппаратом и вспышкой.

— Сколько до пещеры?

— Метров триста.

Сначала было почти легко. Подобие тропы в две ладони шириной, хорошие захваты для рук и все-таки не совсем отвесная стена. Под ногами, на дне ущелья, сумрачно и прохладно, а щебень обжигает подошвы. Но вот тропа обрывается. Перед нами косая плита, нужно сесть на нее, осторожно сползая ногами вперед и стараться не скользнуть слишком быстро! Пятки упираются в щель. Нескольких шагов — и, держась за ствол фисташки, переползаю на новый обрывок тропы. Опять отвес, захваты на нем трудно различить. Вцепляюсь в них так, что, кажется, никакая сила не оторвет; ногу влево, другую; перевести руку, только не глядеть вниз, это совсем не страшно, это не должно быть страшно — идти вот так по отвесу, как муха по стеклу. Нельзя отвлекаться, надо думать только о том, чтобы лучше ухватиться за выступ. Камешек под ногой шевельнулся, прочь его — глухой стук внизу. Под щекой теплая скала. Шаг влево, еще шаг, как можно дальше отвести руку... Она нащупывает отполированный чьими-то руками корень. Голос Олега:

— Он надежен, беритесь прочнее...

Еще шаг, здесь надо перегнуться, ладонь — целиком — запустить в щель и быстро перешагнуть влево. Нет здесь ничего страшного, нужно только не думать об этом, только

быстро перешагнуть через пустое место... шаг, почти прыжок, хватаюсь за уступ, подтягиваюсь — и боком, коленями, против всех правил скалолазания, вываливаюсь на плоский камень. Между нами и солнцем повисло неподвижное облачко. Так хорошо смотреть вверх, и еще минуту можно лежать и дышать...

— Пошли.

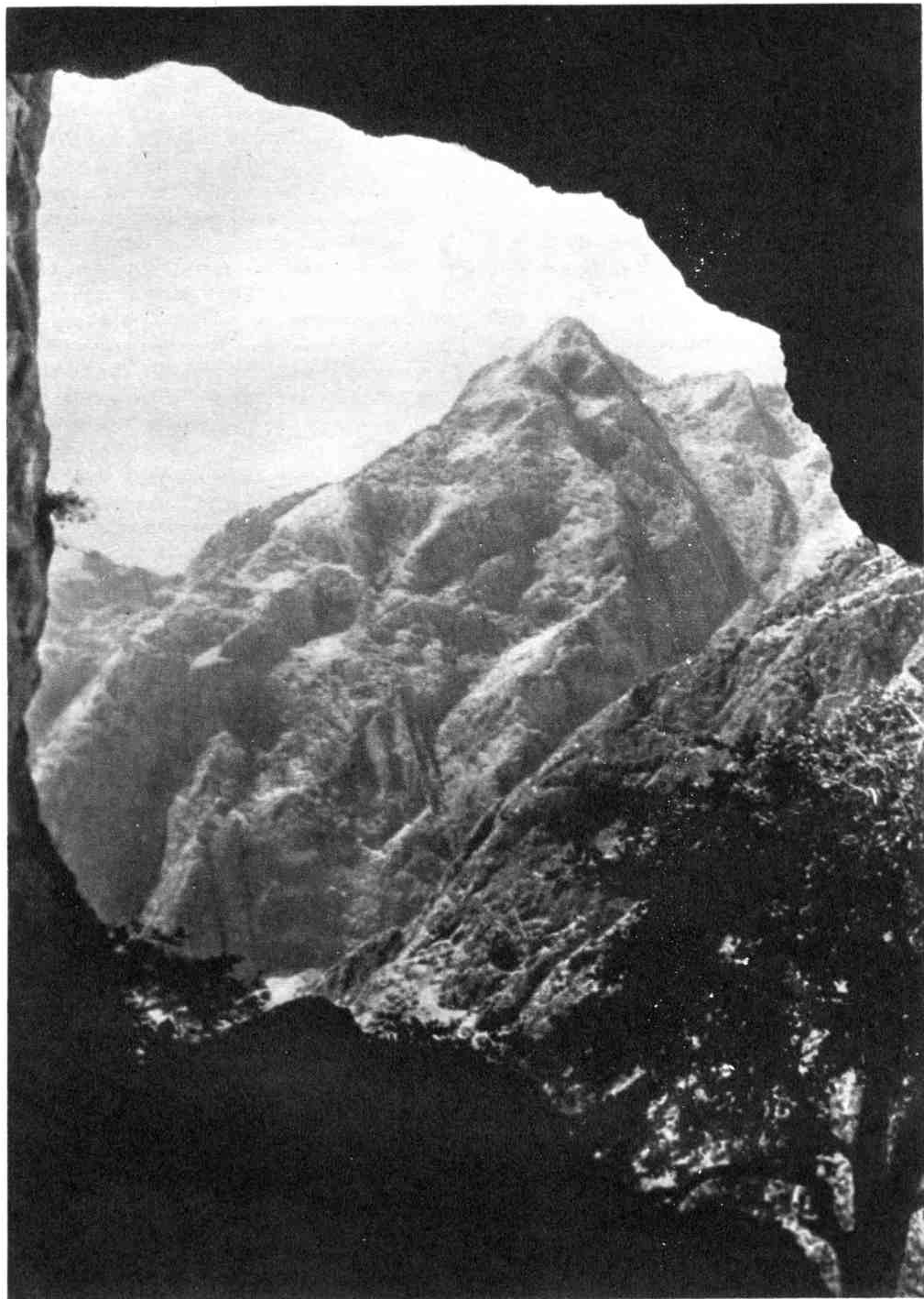
Снова стена. Внезапно приходит странная, спокойная ясность мыслей и движений, а пальцы как будто прилипают к камню. Перед глазами скользят выступы скалы, травинки, застывший на камне черно-красный паучок-скакунчик с огромными блестящими глазами. Мое тело будто без помощи сознания движется вдоль стены, находит зацепы и упоры, а я, как посторонний наблюдатель, слежу за ним. Но вот рука промахивается и хватает воздух. Я шарю по гладкому камню, не нахожу опоры и чувствую, как сползаю... сползаю... сползаю...

Окрик Олега:

— Правее, правее! Почти над головой!

И обеими руками я вцепляюсь в глубокую нишу. Еще несколько метров — вбитая в скалу железная скоба, можно взяться за нее прочно, в обхват, и скользнуть мимо. Щели и выступы снова сами ложатся под ладони; шорох щебня, катящегося из-под ноги, — и пронзительный крик орла где-то сбоку. Интересно, халиф Али тоже карабкался по этой тропе? Дальше, дальше, немного наверх... Скользнуть на распорах между двух скал и вот наконец под ногами тропа, и сырой запах земли и листья ударяет в лицо, а впереди открывается огромная, оплетенная зеленью арка. И можно лежать и не думать ни о чем — просто лежать...

Чиль-Устун — значит «сорок столбов». И действительно, в первых же залах стены подперты массивными резными колоннами сталагнатов. И на колоннах этих нет живого

Вид из Чиль-Устуна.

места — там исписано все. Здесь и стандартные «здесь были» с адресами и фамилиями, масса дат, среди которых в глаза бросается одна — 1894, рядом полустертая арабская надпись. А на тускло освещенной дневным светом колонне справа от входа — несколько строк каких-то странных знаков. Постой, постой — ведь это санскритская надпись! И под ней странный изломанный крест — свастика. Этот мрачный символ настолько связан в нашем воображении с фашизмом, что удивляешься, видя его здесь.

Но эта свастика немного необычна, концы ее переломлены дважды — буквой «Г». И в древнем святилище этот знак очень хорошо объясним: ведь надпись-то санскритская, а свастика — символ плодородия древних индийских племен, пользовавшихся этим языком. Почему же надпись и этот символ оказались здесь, на юге Ферганы? Вероятно, здесь было святилище приверженцев могучей древней религии. Санскрит был языком их священных книг.

Интересно, остатки каких удивительных культур найдут когда-нибудь археологи в утопанном множестве ног полу пещеры?

Я попытался снять надпись, но оказалось, что вспышка не работает — сели батареи. Обидно — ведь эта надпись могла быть интересной для историков.

Олег когда-то ее фотографировал, но снимок был нерезким, и когда я показал его специалистам по восточным языкам, они не смогли ее прочесть и только подтвердили: санскрит...

Но что же еще скрывается под землей в этом замке белого дэва? Зажигаем свечи.

Первые залы, по-видимому, когда-то были богато украшены натеками, от которых остались обломки. Все, что можно отбить, отбито. За чем? Кому помешала эта красота?

Олег объясняет: дело не в красоте. Есть поверье, что толченые сталактиты исцеляют болезни. Тем более сталактиты в пещере, которая считается «святой».

За узким лазом — еще один зал, четвертый по счету, в нем мы отыскиваем знаменитую «раздевалку» — совсем небольшую дыру, в которую, однако, надо втиснуться. Название красноречиво предупреждает о том, что нас ждет, поэтому не искушаем судьбу и остаемся в одних плавках. Лаз удивительно неуютен — его изгиб противоречит человеческой анатомии, и когда на спине, ногами вперед, протискиваешься по миллиметру, то представляешь, как должен был чувствовать себя евангельский верблюд, проходящий через игольное ушко. Главное — не напрягаться, а как бы переливать себя сквозь эту дыру мелкими, но непрерывными движениями; Олег, посмеиваясь, подает советы и напоминает о судьбе Винни-Пуха, застрявшего в норе у Кролика при таких же примерно обстоятельствах.

Зато потом, когда я выскользнул из этой каменной глотки, настала моя очередь издеваться, глядя на судорожные движения ног приятеля.

И вот мы в пятом зале, который переходит в обширный шестой. Он бесспорно красив, а главное, не тронут, «раздевалка» охраняет его лучше, чем любые запреты. Великолепные занавеси, украшенные фестонами колонны, огромные вычурные люстры, как будто покрытые причудливой восточной резьбой. Мы двигаемся вперед, тревожа летучих мышей, и тени их мечутся по стенам. Все новые натеки выступают из темноты. Олег восхищается их разнообразием, мне же чего-то не хватает в этой пещере. В чем дело? И я понимаю: здесь нет воды, не слышно капели, натеки сухи и бесцветно серы — они не играют огоньками в свете наших свечей. Пещера

мертва или кажется мертвой. Может быть, виноват засушливый год? Если это так, завидую тем, кто видел Чиль-Устун в полной его красоте, в матовом блеске влажных каменных складок и кружев, в сиянии капель, повисших на концах сталактитов. Жалко, что я не увидел этого. И особенно жалко, что не смог сфотографировать санскритские надписи...

Через несколько лет друзья прислали мне из Фрунзе книжку журналиста и краеведа Дядюченко «В пещерах Киргизии». Я прочел ее залпом. Она была прекрасно написана и содержала массу интересных сведений, а главное — добрая половина ее повествовала об араванских пещерах, в которых побывали мы с Олегом, и, конечно, Чиль-Устуне, в котором Дядюченко бывал много раз. Он фотографировал санскритскую надпись со свастикой; она оказалась не такой уж древней — не раньше XVII века; а в четвертом зале, около самого входа, спелеологи обнаружили два челювеческих скелета и глиняный светильник одиннадцатого века. А мы-то шли рядом и не заметили! Но особенно поразило меня то, что в дальних залах пещеры, за «раздевалкой», со сводов капала вода и пещера искрилась и сверкала; она воистину выглядела, как сказочный замок белого дэва. Значит, мне действительно не повезло.

Две другие большие пещеры, в которых побывал я в Средней Азии, тоже были «святыми» — и к тому же историческими, так как легенды связывали их с именем Тимура.

Путь к ним я начинал из Самарканды, который был столицей беспощадного завоевателя и обязан ему своим великолепием.

В первый раз я попал в Самарканд случайно — меня привел туда телефонный звонок. Во Внуковском аэродроме, пересаживаясь с одного самолета на другой, я забежал в те-

лефонную будку и набрал номер Марлена.

— В Среднюю Азию? Завидую! Если доведется быть в Самарканде, разыщи Кучерявых!

— Каких кучерявых?

— Владика Кучерявых, спроси в областном совете. Он поможет!

В чем поможет этот Владик, я не понял, так как телефон щелкнул и умолк.

И вот я в Самарканде и отыскиваю областной совет по туризму. Владик оказался высоким, могучим, голубоглазым и энергичным. Он был не только спелеологом, но и геоморфологом, не просто туристом, а горным туристом, и вдобавок он оказался большим туристским начальником.

Он-то и повел меня к пещере, носящей имя Тимура. Кроме нас двоих, пошел еще паренек лет семнадцати, альпинист Петя. Мы шли над берегом речки Ах-Су, мимо звонкого водопада, падающего с десятка метров в глубокую, сине-зеленую, как в море, воду. Впереди виднелись причудливые гребни и гладкие скалы, похожие на перья. Это были горы Кара-Тепе, западная оконечность Зеравшанского хребта. К вечеру мы вышли на перевал Санг-Туда и свернули направо, по тропе через осыпи.

Садилось солнце, когда мы выбрались на обрывы. Они казались отвесными в золотом свете заката.

— Сейчас будет Сквозняк, — сказал Владик.

— Почему Сквозняк?

— Так мы назвали сквозную пещеру. Удобнее идти через нее, чем карабкаться вокруг по скалам.

Слегка пригнувшись, идем по прямому ходу, в конце которого видно небо. Потом несколько минут несложного скалолазания — и лестница с огромными ступенями приводит нас к темной арке входа в пещеру. Пахнет пылью и полынью.

Мы входим в высокий — в рост человека — сухой коридор с утоптаным полом. В стороне от входа разводим костер, выливаем в котелок воду из фляжек — здесь воды нет. В фиолетово-синем небе загораются первые звезды. Подсвечивая себе фонариком, разбираю собранных за день насекомых. А Владик начинает рассказ о пещере Амир-Темир.

— На этой горе (ее называют и Амир-Темир, и Акноу, кто как хочет) есть несколько пещер. Первая — «Сквозняк», через которую мы шли, в стороне от нее другая пещера — Тарагай, и еще одна, безымянная, не обследованная до конца. Наверно, есть и еще. Мы пойдем в самую большую и, уж конечно, самую известную, ее знают не только в окрестных кишлаках, но и в Агалыке, и в Самарканде. До сих пор старики приходят сюда молиться. Они говорят, что, когда Тимур был младенцем, какому-то местному беку предсказали, что его убьет этот мальчик, сын Тарагая. Бек послал своих людей похитить малыша, но кто-то предупредил мать, и она с сыном укрылась в этой пещере. Тимур подрос и убил бека. С тех времен называют и гору и пещеру Амир-Темир, то есть Эмир Тимур. Кто знает, может, и есть в этой легенде частица правды?

— В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов эту гору и пещеру исследовали гидрологи. — Владик протянул нам фиолетовые листочки светокопий плана и разреза пещеры. Она была вытанута на восток-юго-восток не меньше чем на сто метров и очень запутана — не меньше десятка залов и коридоров, находящихся на разном уровне. Под планом подпись — общая длина 350 метров, глубина около 45 метров.

Я уже засыпал, когда кто-то потряс меня за плечо. Это был Петя.

— Проснись! Над нами кто-то ездит! Пещера может обвалиться.

— Кто ездит? Куда? — Спросонья я ничего не понимал.

— Не знаю! Только что слышал гул! Может быть, лучше нам выйти?

— Не мешай спать. Миллион лет стояла и еще одну ночь как-нибудь простоят.

Я залез поглубже в мешок и попытался уснуть, но сон не шел. И вдруг откуда-то издали донесся глухой гул, похожий на отдаленный рокот бубна.

— Слышишь? Опять! А ты не верил — ведь я же говорил!

— Тихо! Лежи и слушай!

Гул приближался, нарастал, усиливался, бубен рокотал все ближе. Я осторожно приготовил фонарик. Совсем близко... Ослепительный, после темноты, луч метнулся по своду — и сразу же его пересекло несколько быстрых крылатых силуэтов. Летучие мыши, напуганные нашими разговорами у входа, только сейчас решились покинуть свое убежище. Удары их крыльев, резонирующие в гулких коридорах, и принял Петя за шум колес.

Утро. Проверяем фонарики, кладу в сумку вспышку и аппарат. Так что же там такое за поворотом тоннеля?

Но поворота, в общем-то, и не было. Был небольшой навес, под которым мы пролезли на четвереньках — и сразу стало прохладно и влажно. На стенках сидела разная живность — мелкие комарики, мухи-хеломизиды, золотисто-коричневые ручейники с крыльями, сложенными домиком. Медленно ползла куда-то по своим делам буро-фиолетовая улитка. В этой компании любителей прохлады и темноты были и ночные бабочки-совки. Из-под сводов с писком и гулом крыльев вылетали летучие мыши. Одна порхнула прямо перед фонариком, я успел увидеть крохотные, как бусинки, глазки и странную, сморщенную, с каким-то

блюдечком вместо носа мордочку. Это был бухарский подковонос; наросты, придающие ему такой страшный вид, служат для звукоизоляции.

Коридор, понемногу спускаясь, становился все выше, постепенно переходя в большой зал. Здесь уже были заметны сталактиты и занавеси, но слабо выраженные, невыразительные, выветрившиеся. Многие из них отбиты. В нагромождении гранитных глыб замаскирован узкий ход «Мышиная дыра». Протискиваемся. Отверстие пошире, чем «раздевалка» в Чиль-Устуне и не отнимает много времени. Перед нами новый зал с высокими — выше десяти метров — сводами. Здесь уже много натеков: с потолка свисают сталактиты, в щелях стен мы находим маленькие гнезда гелектитов, но самые лучшие безжалостно отколоты.

— Похоже на то, что в конце концов придется замуровать «Мышиную дыру». — Голос Владика рождаёт эхо. — «Дикари» все чаще добираются до пещеры; глубоко они не идут — боятся, да и не знают ходов, но этот зал уже изуродовали.

На полу валяются обломки. Они не похожи на обычные кальцитовые сталактиты — круглые, с концентрическими слоями на изломе. Эти топорщатся острыми гранями слоистых кристаллов и скорее напоминают гипс. Непривычна и окраска — кристаллы искрятся серебристо-серым стальным цветом.

— Арагонит, — говорит Владик. — Тот же кальцит, но немножко больше стронция, поэтому кристаллизация проходит иначе.

— А цвет?

— Цвет самый разный, как и у кальцита. Только здесь, в Амир-Темире, больше серых.

Протискиваемся в новый лаз — и по крутому каскаду спускаемся в следующий зал. Он украшен богаче. Ритмично падают капли в маленькое озерцо с прозрачной водой; от этого звука тишина становится еще глуб-

же. Муаровым блеском, как орденские ленты, поблескивают арагонитовые занавеси.

Следующий спуск — в глубокий, метров на десять, колодец. Владик крепит веревку, я скольжу по ней вниз. Немного не хватает, приходится переить на стенку и, как по лестнице, спускаться по торчащим в сторону карнизикам. До дна остается не больше метра, когда очередной карниз обламывается у меня под рукой и я падаю спиной вниз — самый скверный вид падения. Всю тяжесть удара принимает аппарат и вспышка за спиной; слышно, как там что-то трещит. Владик уже рядом и помогает встать. Кости целы, только немного разбито лицо куском злополучного карниза, которым я сам себя с размаху хлопнул по физиономии. К счастью, в кармане лежит баночка со спиртом для фиксации насекомых; смачиваю носовой платок и протираю садины.

Но до чего же красиво было здесь, в самой дальней, самой укрытой части пещеры! Тут не высились огромные колонны и причудливые кальцитовые статуи, которые так поражают воображение в крымских пещерах, но зато бесчисленным было разнообразие мелких форм, натеков ювелирной тонкости и красоты. Серебристые, искрящиеся каменные кружева — порой даже волнистые, как складки платья, а рядом с ними золотые оцетинившиеся иголками кристаллов ёжики. Тут же длинные, извитые иглы, образующие густую щетку (только не прикасаться! Неосторожное движение — и с легким звоном исчезнет вся эта красота). Шары сталагмитов во все стороны отражают лучи света от наших фонарей и свечей. Куда-то в сторону уходят странные эксцентрические сталактиты. Чем дальше по узкому коридору, тем богаче и многообразнее становятся натёки.

Цел ли аппарат? Кажется, моя «Практика» и на этот раз выдержала

испытание. Снимаю кружева, прозрачные сталактиты; один из них завит штопором. Последний кадр трачу на себя — втискиваюсь со свечкой в руке в нишу между глыбой чего-то похожего на коралл и фестонами голубых каменных кружев. Владик нажимает на кнопку вспышки, волна света бьет в лицо — и долго потом глаза не могут привыкнуть к темноте.

Все. Пора идти, мы уже восемь часов в пещере, а до реки надо добраться засветло.

Подъем через колодец и возвращение проходят без приключений. Я задерживаюсь, чтобы сфотографировать насекомых на стенах у выхода, а когда выхожу, спутники уже увязывают рюкзаки.

Больше я тебя не увижу, Амир-Темир. Пройдет немного времени, Владик и его друзья принесут сюда в рюкзаках цемент, забьют «Мышиную дыру» камнями и прочно забетонируют ее. Им будет очень невесело, как будто хоронишь товарища, но только так можно спасти эту пещеру. Сколько великолепных подземных дворцов в Крыму и на Кавказе уже превратились в грязные, захламленные дыры, в которых уже нет ничего от красоты, копившейся сотни тысячелетий и погибшей за несколько лет. Пусть останется Амир-Темир целым, хотя и недоступным. А когда можно будет обеспечить его охрану, уберут бетонную пробку, расчистят ход, проложат дорожки, установят лестницы и будут ходить сюда туристы с экскурсоводом, как в нашей Кунгурской пещере, чешской Мацохе или югославской Постойной Яме. А пока — прощай, Амир-Темир!

Так думал я, возвращаясь в Самарканд. Но судьба решила иначе; и когда через год я снова попал в Самарканд, то мне пришлось опять направиться в Амир-Темир. Правда, в другой.

Уже начиналась осень, когда я

должен был сделать маршрут в горах Байсун-Тау на юге Узбекистана. Там я надеялся собрать интересных насекомых, нужных для моей работы.

Я уже знал кое-что о Байсуне от Бориса Степановича Шалатонина, учителя из Навои, неугомоного искателя наскальных рисунков. И конечно, я надеялся на Владика. У него нашлась и литература, и отчеты туристских групп.

— А в пещеру ты не сходишь?

— Какую пещеру?

— В Амир-Темир.

— Да ведь я же там был, и это совсем в другую сторону.

— Тимур был великим эмиром. У него был не один город и не одна пещера.

— И что же, эта пещера находится в Байсуне?

— Как раз там, куда ты собираешься идти. А в общем, если она тебя не интересует, можешь пройти мимо...

Вечером, на крыльце уютного домика, выходящего в сад, нас встретил седой человек в цветистом узбекском халате с длинными рукавами. Яков Абрамович Левен, геолог, картовед, доцент Самаркандского университета, участник легендарной Памирско-Таджикской экспедиции конца двадцатых годов. Немало книг написано об этой удивительной эпопее, положившей начало планомерному исследованию Памира. Ее участники шли в неизвестность, через никому неведомые перевалы, голодали и болели цингой, отстреливались от басмачей, и не один из них нашел свою смерть в горах. Я смотрел на Якова Абрамовича и представлял себе, как сорок лет назад, совсем еще молодой, с винтовкой поперек седла, он едет через «Долину Смерти» — Маркансу вместе с Крыленко, Горбуновым, Шмидтом.

— Итак, вы хотите пройти Байсун? Похвальное намерение. Горы очень интересны, и насекомых,

Бабочки на стене пещеры.

которые вас интересуют, вы наверняка соберете. Однако меня, как вы знаете, интересуют не насекомые.— Левен достал папку с бумагами.— Вот план пещеры Амир-Темир. Он единственный и не вполне достоверный. Спелеологи там почти не бывали; геологи ограничивались привходовой частью. Кажется, были археологи. Нужно выяснить, насколько точен этот план, особенно вот здесь, в глубине.

Дорога? Ближайший населенный пункт — Ташкурган, от пещеры тринадцать километров. До него можно добраться через Яккабаг и Татаркишлак, дальше колесной дороги нет, только вьючная тропа — километров сорок. Есть объезд через горы — машины ходят, но откуда — не знаю. Итак, желаю успеха!

Через день я уже трясся на каких-то мешках в тракторном прицепе. Трясся немилосердно. Попутчики, а было их человек шесть, уте-

шали, что в пустой бричке совсем плохо было бы. Позади остались мечети и медресе Шахрисабза, Яккабаг с огромной средневековой крепостью, где мне повезло поймать эту «бричку». Она подвезет меня до самого начала вьючной тропы. И вот Татаркишлак. Трактор с треском и звоном несется вниз, к реке и белым домам. Потом резко сворачивает, въезжает в просторный, огороженный каменной стенкой загон и останавливается.

Перед нами — юрта, прижавшаяся к горе. Непривычно видеть ее здесь, в таких оседлых, земледельческих местах. Еще непривычнее сама юрта — заводского производства, собранная из типовых клеенчатых полотнищ. Внутри стены завешены посудой, одеждой, какой-то сбруей. Посредине, на ковре, три старца в бледно-синих чалмах, с длинными белыми бородами, готовятся пить чай. Мы усаживаемся

рядом. Горячие лепешки только что испечены, на блюдечке — горка сахара и конфет, в тарелке сметана. Пиал только две, поэтому старец, наливающий чай, соблюдает строгую очередность. Наливает пиалы «с уважением», немного больше трети, чтобы скорее остыл. Налить полную пиалу — значит оскорбить гостя. Медленно совершается неторопливый ритуал чаепития — со степенным разговором, с вежливыми вопросами. Когда старцы узнают, куда я иду, глаза их загораются интересом.

— А по горам ходить умеешь? Не испугаешься? Горы круты, дорога плохая, а мешок у тебя тяжелый. Может, подождешь два дня и пойдешь с нашими людьми? Не хочешь? Тогда слушай. — И начинается подробное объяснение дороги, со всеми поворотами, мостиками и тропами.

Я спрашиваю, а бывал ли мой собеседник в Амир-Темире?

— Был, когда молодой. Там два Амир-Темира есть, в одном пастухи ночуют, в другом Темир жил. Там лошадей держал — конский навоз до сих пор лежит. Еще жернов лежит, его люди муку мололи. И стенка построена. Это место было как крепость.

Снова под ногами тропа, рядом ревет и грызет камни бешеная река Кзылдарья, а моя палка вызванивает по камням: Бай-сун, Бай-сун...

Серые плиты, серые глыбы, серые стены смыкаются вокруг и уходят все выше, тропа то и дело перепрыгивает с берега на берег по зыбким, пружинящим под ногой мостикам.

Когда стало темнеть, я нашел уютное место для ночлега под навесом скалы. Ревела река, и пламя костра по временам освещало белый бурун, неподвижно стоящий у самого берега.

Следующий день был днем встреч. Они начались рано утром,

когда меня разбудило цоканье ишачьих копытец около самой головы. Ишаков погонял очень удивленный и немного испуганный бабай; он скороговоркой пробормотал весь полагающийся при встрече набор приветствий, осторожно подержал меня за руку и исчез за поворотом. Минут через десять встретились двое крепких парней в гимнастерках. Они расспросили, кто, куда, откуда, сказали, что сами идут на базар в Шахрисабз и что в Ташкурган я приду к вечеру, и пошли дальше, подгоняя маленькое стадо баранов. Потом снова старики, затем какие-то мальчишки, узбек в тщательно отглаженном городском костюме с галстуком... Тропа была оживленной, как Невский проспект, редко когда мне приходилось пожимать такое количество рук. Я знал, что приветствия, которые мне говорят, означают: хорошо ли живешь, здоров ли сам, здоровы ли дети — и что отвечать на них надо, как на английское «хау ду ю ду», теми же словами. К концу дня я уже бойко тараторил: «Якши мысыз, якши ма, думох чокме, балалар согме» и что-то еще. Мои собеседники расплывались в довольной улыбке и забрасывали меня вопросами — к сожалению, совершенно непонятными. Тогда я говорил, что «Ташкурган киттамыз, Ленинград живу, узбекша бельмейм (по-узбекски не понимаю)».

Мои собеседники сокрушенно разводили руками — «русча бельмейм», — и мы расходились.

А тропа становилась все занятнее. Она то и дело прижималась к отвесным скалам и делалась похожей на памирские висячие тропы — овринги, таким количеством кольев и хвороста была она подперта. Глинистые обрывы скользили вниз градусов под семьдесят, и я думал: а каково тут в дождь или после дождя?

Вдоль тропы тянутся кусты бар-

бариса в красной осенней листве, покрытые тяжелыми гроздьями фиолетово-розовых ягод, из которых должен получиться прекрасный кислотовато-терпкий компот. Я остановился на привал сразу, как только мне пришла эта мысль. Очередной прохожий, старик огромного роста с грозно торчащими седыми усами, разделил со мной трапезу, вытащив из хурджуна лепешку с тмином.

Ташкурган открылся к вечеру — большой кишлак на плоскогорье высоко под долиной. Поднимались дымки из труб, мычали коровы, мальчишки гоняли мяч на спортплощадке. Один из них проводил меня к директору школы.

Утро. Меня будит приглушенный детский смех за дверью. Выглядываю из спальника. Над головой потолок из арчовых досок, лежащих на массивных балках. Коричневое дерево так гладко выстругано, что кажется полированным. С балки над окном маленькими зелеными осьминогами свисают ветки какого-то растения. В углу кадка с цветами, в другом — заваленный книгами и тетрадами стол. На полу и на стенах ковры, в больших нишах — стопки цветистых одеял. Рядом со мной, завернувшись в такое же одеяло, спит Сераджеддин — новый мой знакомый, директор таш-курганской школы.

Когда вечером я отыскал его и попросил разрешить переночевать в школе, Сераджеддин был искренне обижен. Неужели я мог подумать, что он не устроит гостя у себя в доме?!

Как скатерть-самобранка, возник дастархан, и чай, и плов, который нужно было поливать острым барбарисовым соком, и снова чай. И долгий разговор под потрескивание керосиновой лампы.

Сераджеддин прекрасно говорил по-русски — научился еще лет пятнадцать назад, в армии. После армии его судьбу решила встреча

с экспедицией ленинградских ботаников, работавших в Байсунских горах; возникший интерес к растениям привел его на биологический факультет.

— И вот уже который год работаю директором школы. Кишлак большой, школьников четыреста человек, десятилетку построили. А ботанику люблю по-прежнему. Вот смотри: на балке цветов висит — это тляурты, по-русски «трава мечты». Если ее корневище повесить в доме и оно даст листья — значит, мечты твои сбудутся. Сколько раз я тляурты находил, и всегда зеленела...

— Амир-Темир, говоришь? Я туда три дня назад ходил, знакомые из района приезжали, им показывал. В этот раз глубоко не ходил, а раньше бывал до самого конца, там маленькое озеро есть, только дойти до него трудно — лопатку надо брать. А жернов, о котором все говорят, не видел...

— Ташкурган — древний кишлак, ему уже восемьсот лет. Высоко над рекой, защищен хорошо — даже стены были, сейчас от них остатки видны. А название значит — «Каменная крепость».

Несколько дней я работал в окрестностях Ташкургана, собирал насекомых на плоскогорье и в долине Кзылдарьи, выходил на перевалы, побывал и на плато Алхана — «Тысяча ям», где в белых гипсах промыто множество карстовых воронок. А в одно солнечное утро Сераджеддин дал мне проводника, школьника Джуру, и мы пошли в Амир-Темир. Сперва вниз, к реке, а потом вверх и вверх по крутым тропам, так быстро, что я задыхался под своим рюкзаком. Вокруг желтая сухая трава и кусты шиповника с большими и сочными плодами. Грызу их на коротких привалах, но Джура не дает мне засидеться, хочет успеть обратно в школу. Он не подготовился к контрольной по русскому языку и рвется к учебникам. Мы тащимся

вверх, пот заливал мне очки. Должен же кончиться когда-нибудь этот подъем! Вокруг растет жимолость с беловатыми, похожими на прозрачные фонарики ягодами, они выглядят очень соблазнительно, и я который раз попадаю на удочку, надеясь, что хоть этот вид жимолости окажется съедобным. Он был особенно несъедобен, и я еще долго исподтишка, чтобы не смеялся Джура, сплевывал густую горечь. Мы шли уже часа полтора, поднимаясь по осыпям и почти бегом спускаясь в ущелье. Я не смотрел по сторонам, мне давно уже было все равно — и ноги двигались сами собой, тело только следовало за ногами. Они вынесли меня на очередной поворот тропы — и будто вмерзли в камень.

Перед нами уходила в небо серая известняковая стена. Она не была отвесной — она нависала над ущельем как борт исполинского корабля. В ней был и иллюминатор — отверстие метра в двадцати над мной. Оттуда крутой дугой рушилась струя воды, играя радугой на солнце, дробясь на поросших ярко-зеленым мхом скалах. А дальше раскрывалась огромная каменная чаша с отвесными стенами, и на дне этой чаши шумела река. Стены были метров в двести над краем осыпи, и высота осыпей была тоже не меньше двухсот метров. Вдали виднелось еще одно ущелье — над ним на плоскогорье белел недавно выпавший снег.

И снова ноги, подгибаясь и качаясь, понесли меня и рюкзак. Что-то изменилось в небе, но что, я понял лишь тогда, когда по камням запрыгали горошины града. Джура показал вверх. «Амир-Темир!» В самом низу стены зияла гигантская арка, похожая на въезд в железно-дорожное депо.

Я оглянулся: Джура уже убежал, натянув на голову свою куртку. «Куда ты? Отдохнем, костер разве-

дем, ведь вымокнешь!» Но он только махнул рукой.

Я полез вверх. Огромная пасть становилась все больше, и когда я добрался до нее, то почувствовал себя мелкой букашкой. Под сводами неуютно гудел холодный ветер.

Желтый луч фонарика запырил по стенам. В глубину пещера не сужалась, только все больше становились глыбы, лежащие на моем пути; но скоро впереди забрезжил свет, и я вышел к другому входу, не менее огромному. Пока все сходилось с планом, полученным в Самарканде.

Когда-то, десятки, а то и сотни тысяч лет назад, крутой изгиб пещеры был вскрыт эрозией и она разделилась на два отрезка: один — сквозной, другой — уходящий вглубь, тот самый главный Амир-Темир, с жерновом и озером. Его пасть раскрывалась передо мной; вела туда уютная тропинка и даже несколько ступенек в камне, явно вытесанных людьми. Внутри было безветренно и сухо. На пыльном полу неглубокие ямы правильных прямоугольных очертаний — наверно, работа археологов; рядом лежали массивные черепки каких-то очень больших сосудов.

На улице хмурилось — низкие облака текли над плоскогорьем, неслись по ветру желтые и красные кленовые листья. В пещере было куда уютнее. Я начал располагаться: заготовил дрова, принес в полиэтиленовых пакетах с речки воду. Тылы обеспечены. Можно идти. Но сперва мне хотелось пригладиться к пещере снаружи и понять, могла ли быть правдой легенда о ней.

Четко заметны остатки двух стен. Одна ниже входа, другая в самом входе. Обе выложены из аккуратно подогнанных и даже обтесанных камней и укреплены балками из арчовых бревен. Вместе они представляли собой как бы две ступени, каждая метра по три высотой; меж-

ду ними — лесенка из гладко обтесанных плит, теперь заплывшая глиной и щебнем, но все-таки ясно заметная. В пыли что-то блеснуло голубой искоркой. Я нагнулся. Черепок тончайшей — в два миллиметра, не больше — глиняной чашки, с обеих сторон покрытый нежной голубой глазурью. Виден был кусочек рисунка — стилизованной зеленой ветки. Такие чашки видел я в самаркандском музее, и датировались они временем Тимура. Кто знает, может быть, действительно из этой чашки пил Тимур?

...Он родился в Ходжа-Ильгаре, недалеко отсюда, и начал свою карьеру простым разбойником, предводителем шайки удалцов. Он не был похож на того властного, пресыщенного победами и кровью старика, которого мы знаем по скульптуре М. М. Герасимова. Он был молод, зол и жаден. И охромел он совсем не тогда, когда завоевывал царства. Просто пытался украсть отару баранов у соседей, а те оказались настороже и ранили его в ногу и руку. С той поры он и получил кличку Тимур-Хромец, Тимур-Ленг. Когда за ним шла погоня, он уходил в горы, путал следы, исчезал и отсиживался в никому неведомом горном гнезде, пещере, укрепленной, как крепость, и ржали упрянтанные под землей лошади, и звенело оружие дозорных. И может быть, эта чашка с хрустом лопнула у него в руке, когда вбежал, запыхавшись, воин с дурной вестью — и нужно было снова мчаться в ночь, прорубая себе дорогу...

Все-таки интересно: что нашли тут археологи? Конечно, никаких сокровищ Тимура здесь не осталось, но может быть, что-то проясняющее легенду они нашли.

Пещерные сокровища... Наверно, уже многие тысячелетия пещеры кажутся неразрывно связанными с сокровищами. Помню, в Польше спелеологи показывали мне фотогра-

фии таинственных знаков, оставленных кладоискателями под землей. На одной четко была заметна дата — 1531. Одна из пещер в Татрах так и названа — Пещера Искателей Сокровищ. Не раз находили под землей и кости заблудившихся, которым не помогли ни церковные свечи, ни списанные у знающих людей заклинания...

И все-таки в таких дышащих древностью краях, как Кавказ или Средняя Азия, каждый спелеолог чуть-чуть — самую капельку! — надеется на то, что где-то, в какой-то пещере, ждет его сокровище. Времена изменились, и сокровище совсем не обязательно должно быть золотом и драгоценностями; сундук с рукописями гораздо более привлекателен.

Обычно легенды, говорящие о сокровище, скрытом в какой-то определенной пещере, лгут. В этом убедились альпинисты, два года штурмовавшие пещеру Мата-Таш около озера Ранг-Куль на Памире. По преданию, там были спрятаны несметные сокровища — чуть ли не самого Александра Македонского. Те, кто прятал их, поднимались по отвесной скале, примораживая к камню куски мяса. Подъем к этой пещере был невероятно труден; один из восходителей был ранен при штурме. И, когда, наконец, удалось добраться до входа, альпинисты увидели небольшой зал с покинутым гнездом грифа и разбросанными вокруг костями — остатками его добычи. И никаких следов человека, и ни одной, самой заваливающей монетки.

Но случается иначе, и пример тому — история пещеры Бетлеми. Средневековый грузинский ученый, царевич Вахушти Багратиони, писал:

«В скале Мкинвари, весьма высокой, высечены пещеры, и называют их Бетлеми; подъем туда труден, ибо с пещеры спущена железная цепь и по ней взбираются. Говорят, что там находится колыбель госпо-

да и шатер Авраама, стоящий без столбов, без веревки; сказывают и о других чудесах, но я умалчиваю о них».

Другие легенды говорили о том, что где-то около Казбека есть пещеры, в которых во время нашествия врагов хранились сокровища царей Грузии. Великий грузинский поэт Илья Чавчавадзе написал поэму о таинственной пещере Бетлеми и живущем в ней отшельнике...

Легенда как легенда. Мало ли их в Грузии?

Но вот в конце 1947 года председатель Казбекского сельсовета Суджашвили, проходя через Гергетский ледник, заметил в скалах юго-восточного острого Казбека на высоте около четырех тысяч метров какое-то странное темное пятнышко. В бинокль он увидел, что это вход в пещеру, закрытый дверью, и от двери этой свисает вниз цепь...

Невероятно, но легенда Вахушти, кажется, подтверждается? Опытный альпинист Суджашвили с большим трудом добрался до конца цепи. По-видимому, она была достаточно прочна. Суджашвили рискнул и полез по ней. Добрался до двери, и можно представить себе его досаду, когда он увидел, что дверь открыть нельзя, что цепь прикреплена к двери и держит ее всей своей тяжестью.

Телеграмма, пришедшая в Тбилиси, взбудоражила альпинистов. Была немедленно организована экспедиция, которую возглавила Александра Джапаридзе — заслуженный мастер спорта, одна из лучших альпинисток Советского Союза. Пробравшись через ледник и крутые скалы, альпинисты вскарабкались к концу цепи. Опять дверь оказалась преградой — неужели непреодолимой? Но в двери была еще и форточка! Открыв ее, можно было втиснуться внутрь, втянуть цепь и, наконец, открыть дверь.

Солнечный свет озарил большую комнату с закругленным, как цер-

ковный купол, сводом. Пол был устлан четырехугольными сланцевыми плитками. Комната выглядела как церковь. Церковный престол, на нем старинный подсвечник, рядом иконописная хоругвь — церковное знамя. Несколько железных наконечников стрел, кучка серебряных монет и всякие мелочи, по которым можно было судить, что здесь не только молились, но и жили люди.

Археологи внимательно изучили найденные в пещере вещи. Самой ценной находкой оказалась покрытая надписями хоругвь: ей, возможно, было девятьсот лет, и уж во всяком случае, не меньше семисот. Сломанный подсвечник тоже относился к раннему средневековью, монеты, грузинские и персидские, датировались пятнадцатым — восемнадцатым веками, а по некоторым находкам можно было узнать, что последний отшельник ушел из пещеры не раньше начала прошлого века, когда легенду о Бетлеми уже считали просто красивой сказкой.

Однако пора идти. В длинную трубу фонарика скользят батарейки. Набиваю полевую сумку множеством нужных мелочей, отправляю туда же сломанные пополам свечи. За пазуху — спички в полиэтилене. Чуть-чуть нервничаю. Эти минуты, наверно, самые волнующие для всякого спелеолога. Еще все впереди, еще ничто не увидено, и можно воображать что угодно о находках, которые тебя ждут. Легкий холодок вдоль спины — не страх, а какая-то неуютность, которая исчезнет после первых же шагов.

Пора. Черное жерло пещеры проглатывает меня.

Через несколько часов я выбираюсь наружу — в порванных штанах, голодный и довольный. Кто-то сказал, что спелеолог бывает счастлив дважды — когда входит в неизведанную пещеру и когда выбирается из нее. До чего же это верно! И никакие гелектиты и сталактиты не

волнуют так, как вот это пятно неба, которое сейчас только чуть-чуть светлее темноты.

Закутавшись в спальник, со свечой в изголовье, после литрового котелка чая я записываю в блокнот то, что видел внутри, и заново переживаю весь путь.

Он совсем не понижался в глыбину, этот коридор, он только иногда сужался до двух-трех метров, а своды его все время сходились где-то высоко, выше десяти метров. Он был эффектен, мрачен и изрядно замусорен. Всюду валялись обгорелые палки — остатки факелов тех, кто был здесь до и после Тимура. Кое-где попадались иглы дикобразов, а круглые катышки дикобразьего помета горками лежали в углах. Не это ли добро принимали за навоз Тамерлановых коней? На стенах живыми желтыми ковриками сидели, распластав крылья, бабочки.

Коридор понемногу загибался вправо; если вход в пещеру смотрел прямо на запад, то теперь я двигался на юго-восток, а порой и на юг. В одном месте путь преграждали огромные глыбы, заклиненные в коридоре. Когда я пролезал под ними, то чувствовал себя не очень уютно.

Все натеки, до которых мог дотянуться человек, были обколоты. Сохранились кое-где грубые серые столбы, спаянные со стеной. Из темноты выплывали выступы, похожие на медуз, с массой слипшихся тонких щупалец. Они казались серыми, и только через два месяца, проявив цветные пленки, я увидел нежные коричнево-кремовые цвета и еще раз понял, как много мы теряем, рассматривая пещеры в тусклом свете фонариков и свечей, и как эффектно может быть самая унылая дыра, если ее как следует подсветить.

В одном месте коридор становился почти прямым — оставленная на камне свечка мерцала с расстояния почти в сотню метров. Дальше,

за поворотом, потолок понижался, четко заметная тропинка выходила направо, на чуть покатый навес; сам же коридор был завален глыбами, свалившимися со сводов. Потом зал, другой — дорога исчезла, тупик. Только внимательно оглядев стены, я увидел узкий, уходящий вниз лаз, заваленный песком и мусором, и понял слова Сераджедина насчет лопатки.

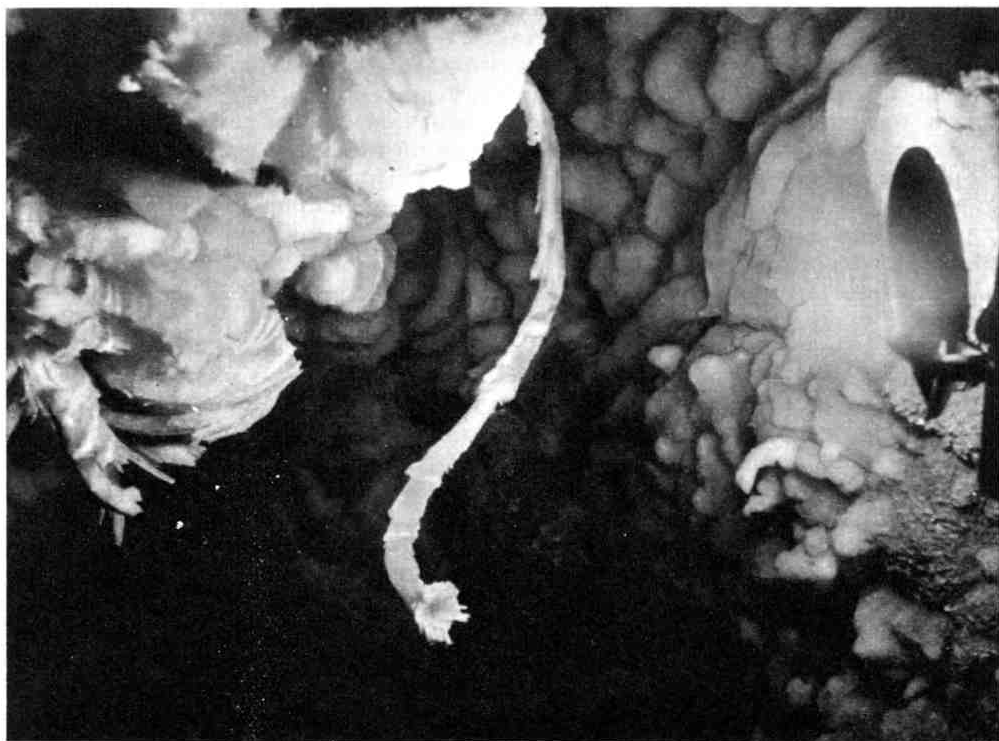
Не переносу узких дыр, в которых нужно ползти, проталкиваясь пальцами ног и рук. Никогда не знаешь, не кончится ли ход и не придется ли в таком же положении ползти обратно. И ни на секунду нельзя позволить страху завладеть тобой, так как в испуге можно натворить такое, что вовек не вылезешь.

Снова, как когда-то в Мамут-Кобе, сижу около засыпанной щели. Никто мне ничего не скажет, если повернусь и уйду. Потом объясню — ход был засыпан, пройти нельзя. Кому какое дело, был я в дальних коридорах или не был? Ну, не уточню я план — через год или десять придет кто-нибудь другой. Не соберу насекомых, а кто знает, есть ли они там? Дыра узка, чертовски узка и очень неудобно выгнута. Согласно плану, это горлышко тянется только несколько метров, но я не очень верю плану. А если тридцать метров ползти и нет рядом Вадика Душевского, который сказал бы: «Трусишь? Плюнь!»?

Надо вернуться. Как-нибудь переживу, и пусть будет щемить сердце оттого, что был рядом и не видел...

Так я размышлял, лежа в очень неудобной позе и разгребая песок в стороны. Метр, еще один, еще... Дальше маленькое расширение — можно отдохнуть. Слышу гульки и частые удары. Замираю, прислушиваюсь — это бьется мое сердце.

Нора делается немного шире. Возвращаюсь назад, сучком подде-

Гипсовая змейка — сокровище Карлюкской пещеры.

ваю оставленную у входа в щель сумку с аппаратом и втаскиваю ее внутрь.

Пролаз был гораздо длиннее, чем на плане, и вышел он не в широкий и короткий зал, как на нем было показано, а в нечто гораздо более округлое. Стены раздвинулись, своды ушли высоко вверх — фонарик едва пробивал темноту. Крутыми зигзагами металась вверху летучая мышь, где-то звенела капель. Ура! Кажется, последний зал! Посредине громоздился гигантский холм из камней, обрушившихся с потолка; с трудом залезаю наверх и осматриваюсь. Оставляю наверху горящий огарок и иду по периметру, замечая по дороге то фигурно вырезанный козырек, то высокую узкую колонну, которая вблизи оказалась сталактитом, чуть-чуть не

дотянувшимся до своего сталагмита. Люди здесь бывали — я натякался то на обгорелую спичку, то на клочок бумаги; в одном месте нашел следы сгоревшей свечки. Но почти все натеки были целы, надписей на стенах не было, и только недалеко от входа лежало отбитое «поленце» сталактита в метр длины, килограммов в двадцать весом.

Я прошел через светло-коричневые, плавные и округлые холмики, нежностью очертаний похожие на край кучевого облака, они искрились и сияли в луче фонаря. Дальше был натек, похожий на старика с оттопыренной бородой. Сухо гремели из-под ног камешки, падавшие в неглубокий провал.

Ну что же, надо заняться топографией. Мерной ленты у меня нет, точный план я вычертить не могу,

но можно ставить пикеты и делать засечки с одной на другой, это позволит определить форму зала и ориентировать его по сторонам света. Строю пирамидку, кладу клочок бумаги № 1, оставляю свечу. Четвертый пикет приходится как раз на восточный конец — тут должно быть озеро, но этот край даже выше других. Как раз за пикетом — уходящий на восток узкий коридор. Он тянется метров на двенадцать; своды над головой сходятся все ниже. Но какие тут стены! Они покрыты мелкими фигурными гелектитами, а пол в желтых округлых бугорках — как будто в примерзшем горохе. В конце — крохотный зальчик и уходящая вверх чисто отмытая, почти отполированная труба. Когда-то по ней низвергалась вода, заливая пещеру. Выползаю обратно. Но где же озеро? Единственное место для него — котловинка у середины зала, но сейчас там сухо.

Вот знакомый козырек и изгиб тоннеля, уходящий наружу; я его просто не заметил сначала. Зал обойден. Диаметр его около шести-десяти метров, а высота — двадцать или больше. Теперь пора заняться фотографией. Очень приятно разглядывать пещерные снимки, но гораздо менее интересна возня со вспышкой, поиски подходящих камней, чтобы установить аппарат. И вот перед глазами рябь от вспышек, вспышек, вспышек, и после каждой — тонкий, протяжный, нарастающий свист заряжающихся конденсаторов. Очень уютное пение, будто и не один в пещере. Снова залезаю в щель с гелектитами, и мне наконец удается ухватить на пленку капельки, висящие на них и готовые оборваться.

Часы стоят; по аппетиту и усталости чувствую, что времени прошло немало и пора возвращаться. Обратный путь, как всегда, кажется легче и проще: без задержек проскальзываю через нору, толкая пе-

ред собой сумку. Дальше двигаюсь почти бегом по тропинке, протоптанной сотнями ног. Меня встречают огоньки оставленных по дороге свечек; пещера кажется теплой, домашней, обжитой. Чем ближе к выходу, тем прохладнее. Ветер у входа пахнет снегом и туманом. А теперь так приятно лежать и засыпать в тепло, сухом мешке...

Из сна вырвал грохот камней. Пытаюсь вскочить, но не могу найти застежку мешка, ищу фонарик — его нет, а тем временем в темноте кто-то большой и тяжелый разгребает камни у самого входа. Медведь?! Что делать? Ружья никогда не ношу, сигнальные ракеты — лучшее «оружие» при встрече с крупным зверем — забыты в Ленинграде. И ведь не нападет же медведь на человека безо всякого повода! Но откуда он знает, что здесь человек? Я хватаю котелок, ложку и выколачиваю нечто оглушительное.

У входа землетрясение. Кажется, что обрушится свод пещеры — такой грохот внизу. А потом шум становится все дальше, все глуше, все тише... Отлегло. Но уснуть я не смог еще долго.

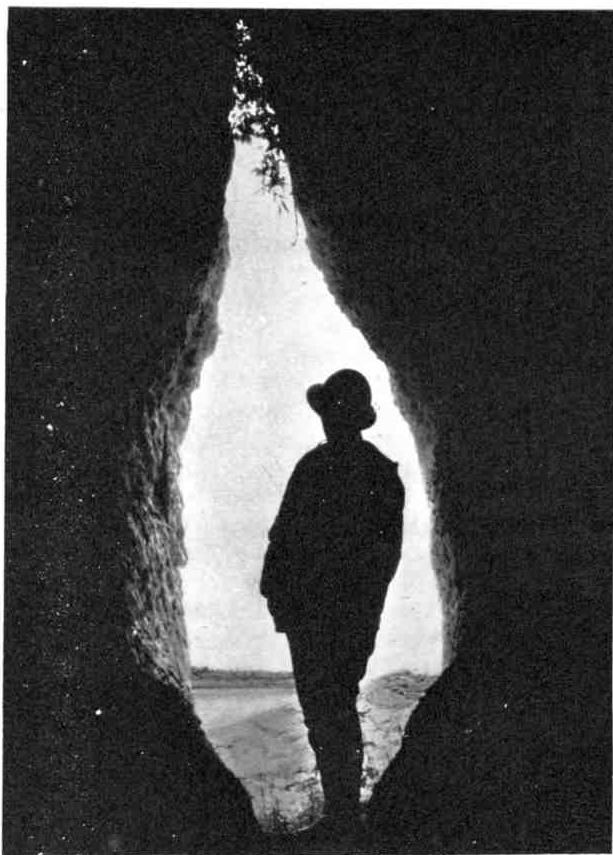
Утром меня разбудил долгий и напевный крик какой-то птицы. Все плоскогорье напротив было в снегу, а на деревьях было много больше желтых листьев, чем вчера. Осень наступала быстро. В голубом небе рождались облачка, превращались в тучки, и едва лишь успело солнце позолотить края обрывов, как все закрыла ровная серая пелена.

Я спустился вниз и на свободной от камней лужайке увидел следы с глубоко вдавленными в глину когтями. Медведь был невелик, и неизвестно, кто кого больше испугался.

Еще день я провел в этой мрачной и величественной пещере — фотографировал, вел топосъемку, собирал насекомых. Перед вечером, когда я вернулся, в распахнутый, как

ворота, вход пещеры, полз липкий и быстрый туман. Иногда он исчезал, и тогда было видно, как снизу, со стороны Ташкургана, заходят в гигантскую каменную чашу облака, сотканые из такого же тумана. То, что поменьше, тяжело поднималось вверх — наверно, камни осыпи еще не остыли от дневного солнца и от них шли потоки теплого воздуха. Облака побольше быстро заволаки-

вали ущелье, и тогда стоявшая в десятке метров одинокая арча становилась огромной и далекой. Когда туман отступал, на земле и листве оставался тонкий налет снега. Рабочий сезон кончился. Внизу, на равнине, еще долго можно будет ходить без пиджака, там еще будут цветы и зеленые листья на деревьях. Здесь, на высоте трех тысяч метров, наступала зима.

Пинежская готика.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОД КАРАБИ-ЯЙЛОЙ	5
Как возникли пещеры?	10
Альпинизм в темноте	18
САБЛИНСКИЙ ПЕЩЕРНЫЙ ПОЛИГОН	21
Пещеры и люди	31
НА ГОРЕ УЩЕЛИЙ	33
О тех, кто видит ушами	35
Ушедшие в темноту	41
ГИПСОВЫЕ ЛАБИРИНТЫ	45
Оборудование для фотосъемки в темноте	54
ЛЕДЯНЫЕ ДВОРЦЫ ПИНЕЖЬЯ	55
Крупнейшие пещеры мира и Советского Союза	68
В ПЕЩЕРАХ ЭМИРА ТИМУРА	71

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Виталий Николаевич Танасийчук

ПОД ЗЕМЛЕЙ С ФОТОАППАРАТОМ

Ответственный редактор Г. В. Малькова. Художественный редактор М. Д. Суховцева. Технический редактор Л. П. Костикова. Корректоры К. И. Каревская и Н. А. Сафронова. Сдано в набор 28/II 1974 г. Подписано к печати 19/IX 1974 г. Формат 58×78¹/₈. Бум. тифдр. № 1. Печ. л. 16. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 7,74+16 вкл.—10,39. Тираж 50 000 экз. А05776. Заказ № 2345. Цена 1 р. 32 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Детская литература“. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика „Детская книга“ № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушеvский вал, 49;

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

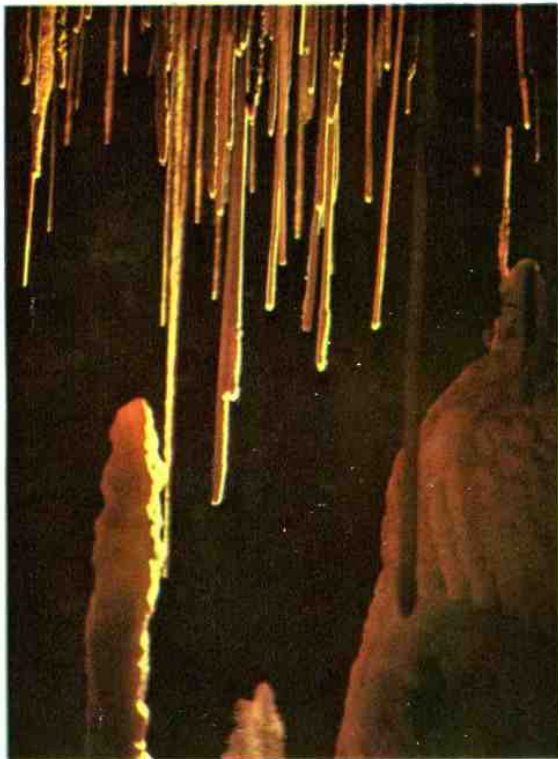
Танасийчук В. Н.

8 Под землей с фотоаппаратом. Рассказы спелеолога. Оформление Б. Лаврова. М., «Дет. лит», 1974.

95 с. с фотоилл.

Книга рассказывает о великолепном и таинственном подземном мире, о людях, которые исследуют пещеры, и о путешествиях автора по различным пещерным районам нашей страны.

551.41

Самые молодые и тонкие сталактиты — «макаронь».

Эти сталактиты постарше.

Через несколько тысяч лет здесь будет занавес.

Такие натеки называют кораллитами.

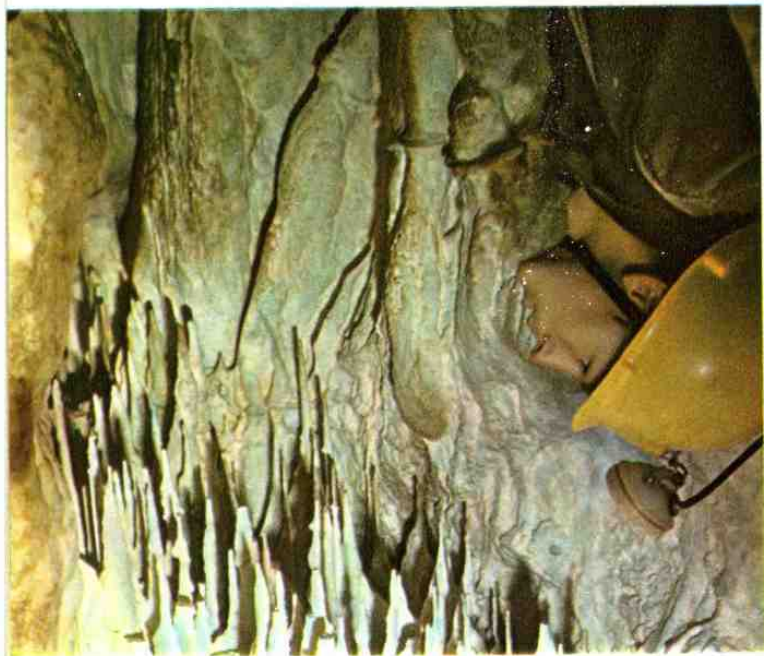
Это тоже пещера Крубера, ее южный зал.

Фотографы готовы к съемке.

Минута отдыха.

В каждом уголке пещеры
можно увидеть что-то необычное.

Бывают и такие пещеры.

Дублянский поднимается из пещеры.

Многоцветные своды Саблинских каменоломен.

Опять в супе песок.

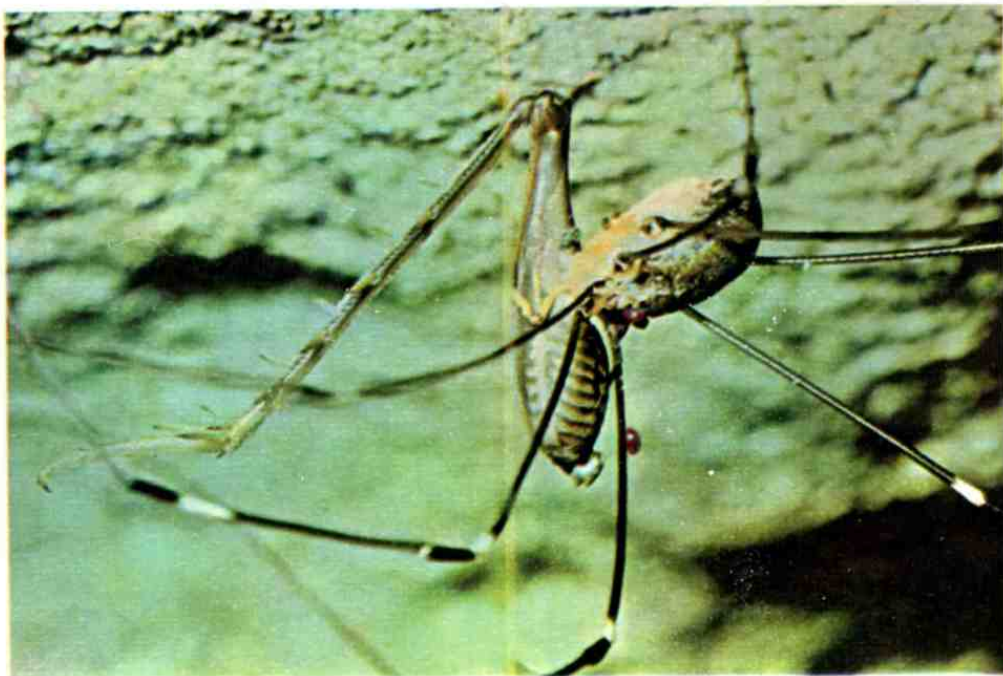
Зимующая летучая мышь.

Муха-кровососка на крыле летучей мыши.

Из Карлсбадской пещеры каждый вечер вылетают на охоту миллионы летучих мышей.

Пещерный сенокосец с «добычей» — ножкой дохлого кузнечика.

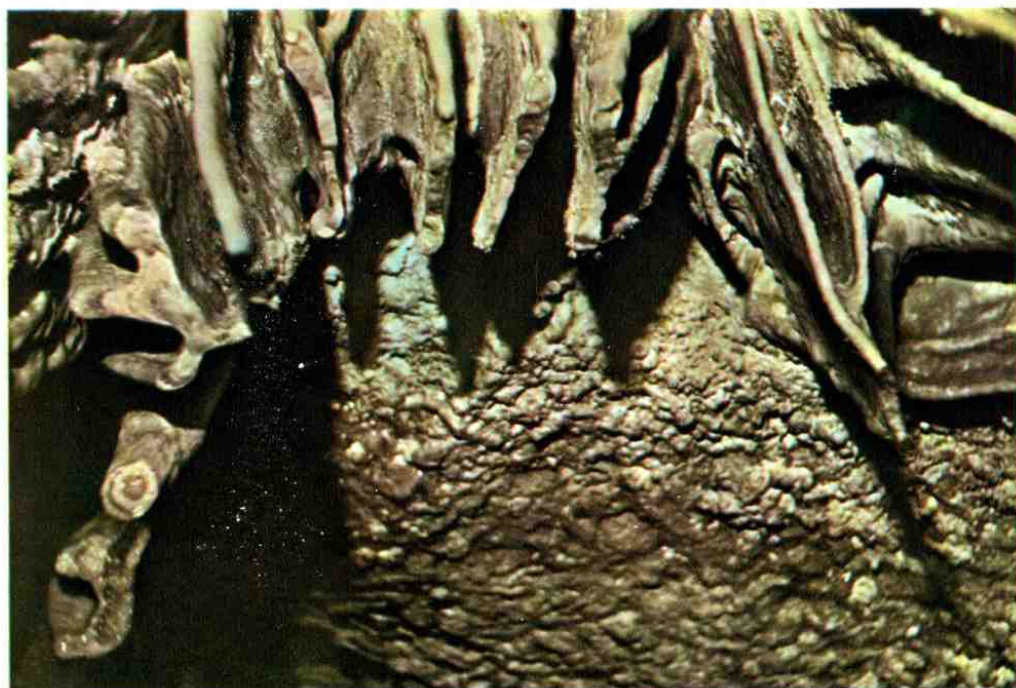
Ручейник на своде пещеры.

Пещерный паук.

Перед спуском в Чиль-Устун.

Обколотые «на лекарство» сталактиты.

В этой пещере укрывался от врагов Тимур.

В одном месте коридор становился почти прямым.

В дальнем конце пещеры я нашел причудливые сталактиты.

Пол пещеры покрыт бугорками, как будто примерзшим горохом.

В последнем зале Амир-Темира.

С гелектитов свисали капельки воды.

Искрились и сияли холмики, похожие на край кучевого облака.

Низкие облака текли над плоскогорьем.

Ташкурганские ребяташки.

Карстовый источник, бьющий из скалы.

Карры — известняк, изъеденный водой.

Проверка деревянной лестницы.

Так крепятся оттяжки лестницы.

Перед спуском.

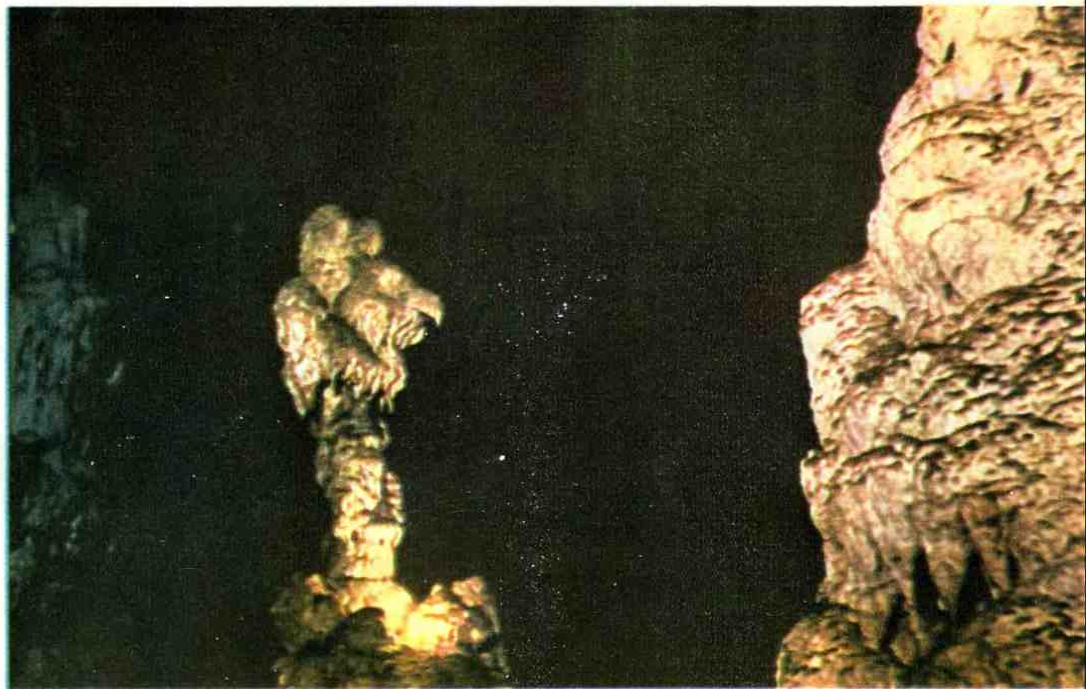
Путь спелеолога нелегок.

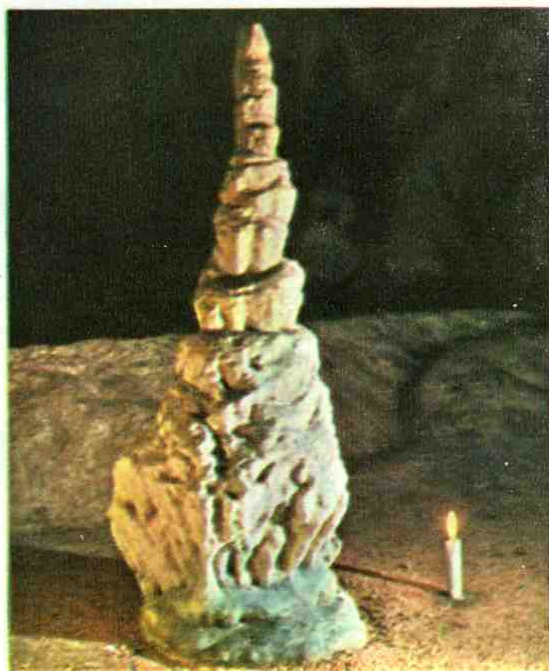
Каменные цветы — гелектиты.

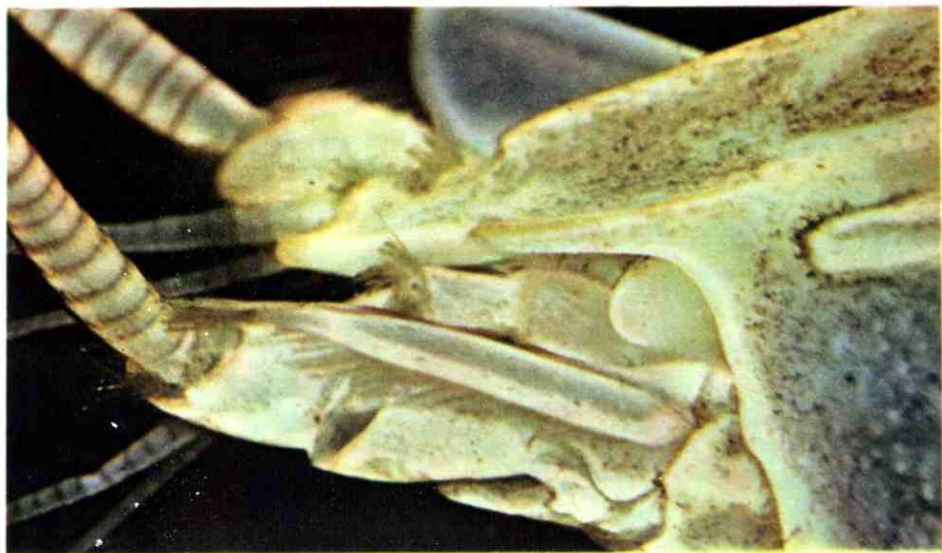
Одно из чудес Красной пещеры — торчащая вверх трубочка, покрытая крохотными гелектитами.

Пещеру Дублянского сторожит чертик.

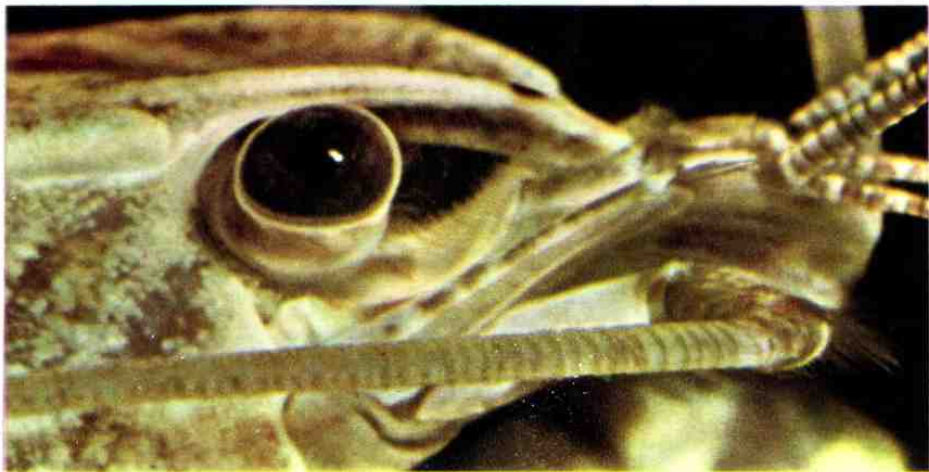

Сталагмиты пещеры Крубера.

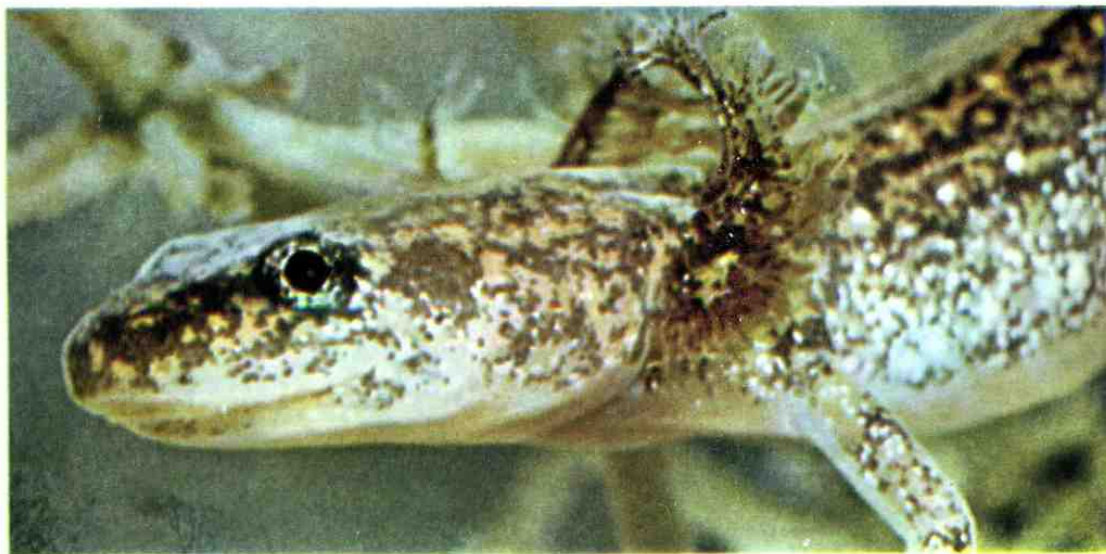

Зрение исчезает у обитающих в пещерах раков и саламандр.

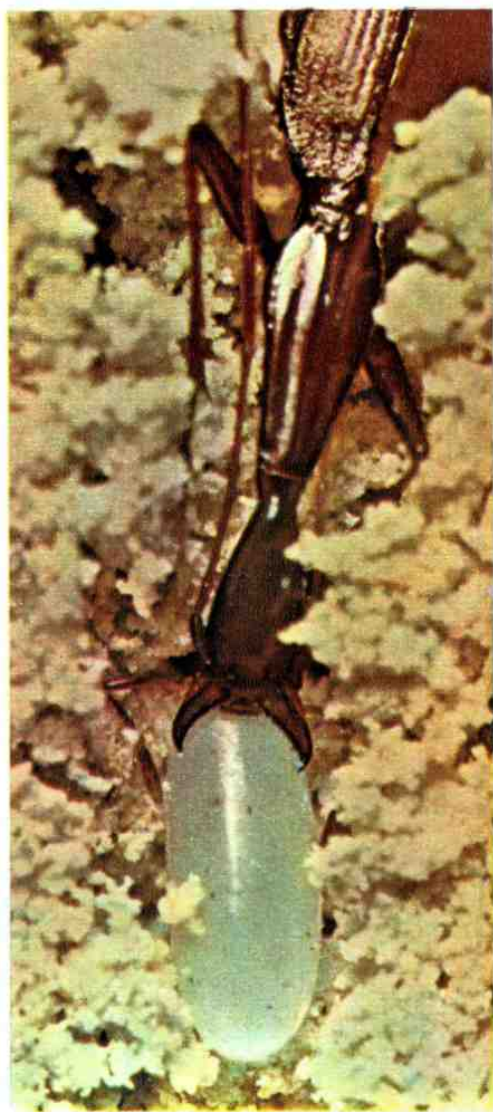
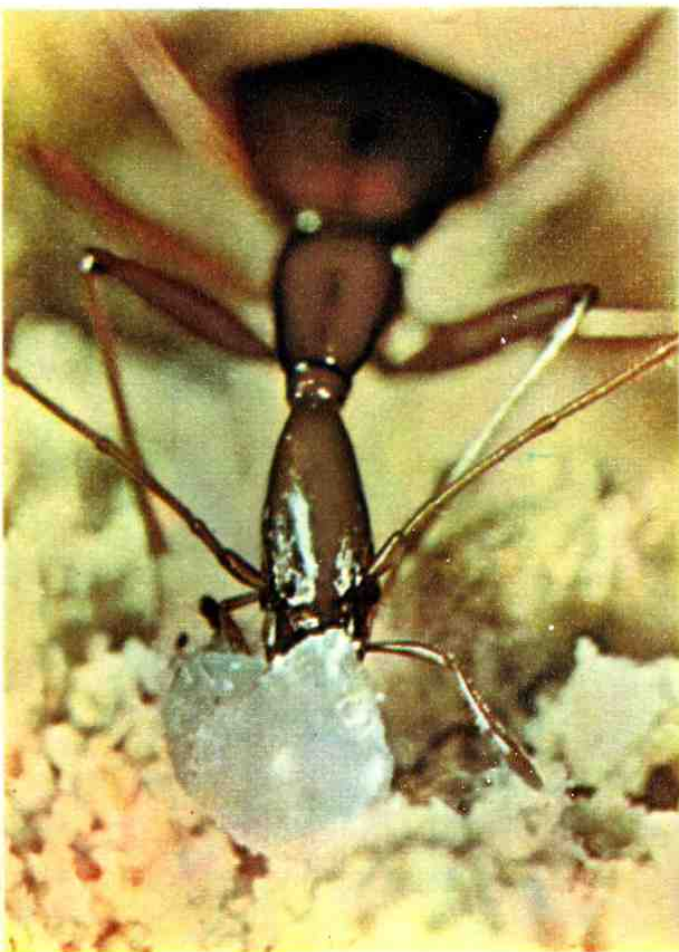
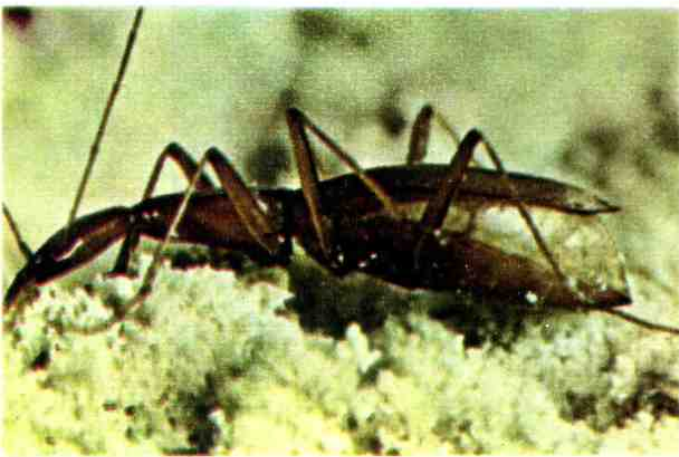

Зато их ближайшие родственники, живущие при солнечном свете, прекрасно видят.

Слепой и прозрачный пещерный рачок — изопода.

Слепой пещерный жук с помощью обоняния отыскивает яйца кузнечика и поедает их.

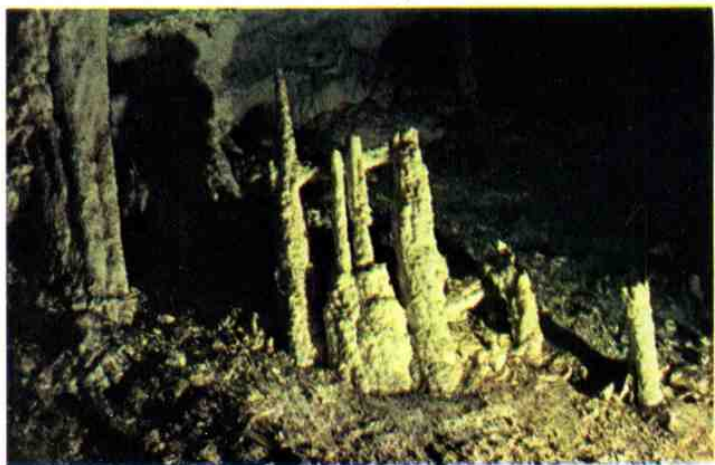
Небольшая площадка лагеря — чуть ли не единственное ровное место в каменном хаосе.

Это не снег и не лед. Это — гипс.

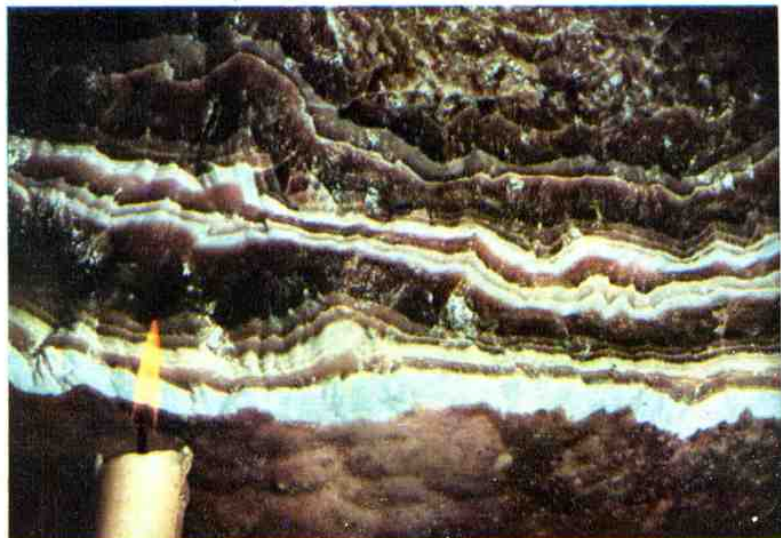
Каменный лес бесконечен и дремуч.

Гипсовые сталагмиты.

От зимней белизны невольно становилось прохладно.

Мраморный онисс — камень таинственный и великолепный.

Голубые кристаллы гипса при свете карбидки загораются оранжево-красным светом.

Чем не новогодняя елка?

Гипсовые цветы.

Этот каменный цветок может рассыпаться даже от дыхания.

Я поставил свечу перед гипсовым чудовищем.

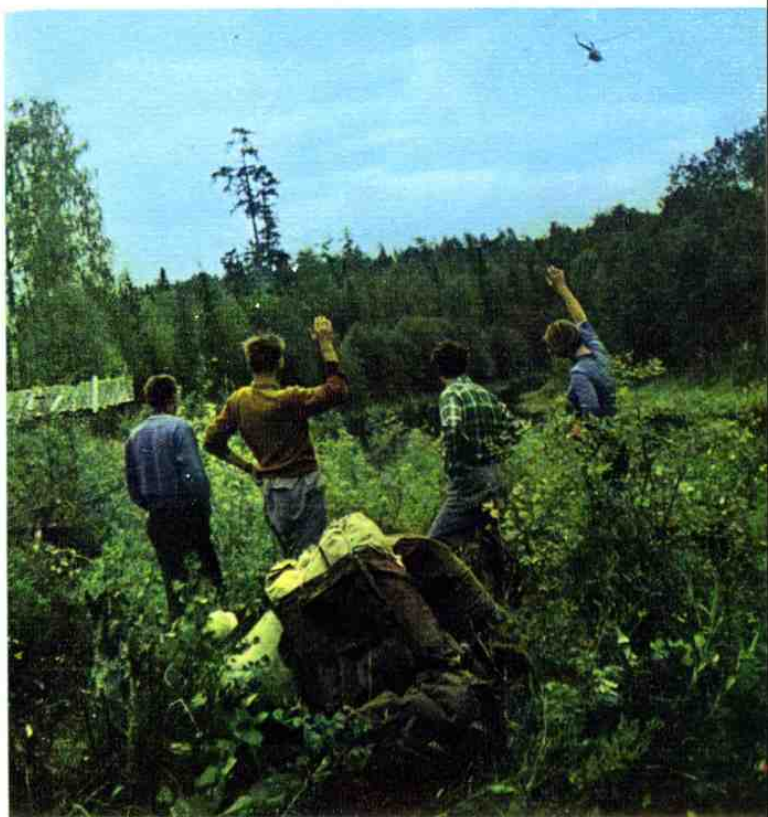
Изгибы Сотки.

Северная орхидея — башмачок Венеры.

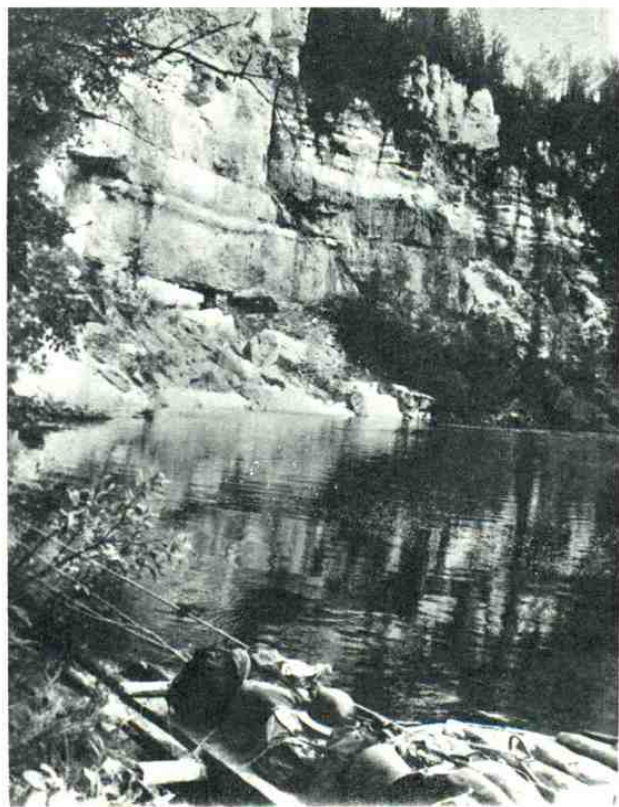
Обрывы Пинеги скрывают многие десятки пещер.

Вертолет возвращается в Пинегу.

Плот готов к путешествию.

У основания гипсового обрыва мы нашли нашу первую пещеру на Сотке.

Ледяные сталагмиты.

Ледяной пол пещеры Земляка.

Облако из снежных кристаллов.

У ледопада в Замке Снежной Королевы.

Древнее изваяние в дальневосточной пещере Спящей Красавицы.

Желобчатые карры на Туркестанском хребте.

Кусты барбариса, покрытые тяжелыми гроздьями ягод.

Этот день был днем встреч.